

АРТЕМ КИРПИЧЁНОК

*Народная
история*
Израиля

Артем Кирпиченок

(род.1975)

Кандидат исторических наук,
публицист, гид.

Окончил Еврейский
Университет в Иерусалиме.

Книга, которую вы держите в руках, продолжает традицию еврейской критики Израиля. Ее автор, проживший в Израиле почти два десятилетия, хорошо знаком с реалиями этой страны. В его статьях вы сможете обнаружить массу интересных и, скорее всего, неизвестных вам фактов об этом государстве.

ISBN 978-5-88373-568-3

9 785883 735683

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

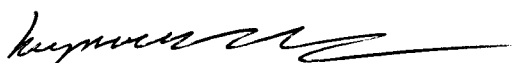
издательство
КАН-Н-ПЛЮС

Артём Кирпичёнок

НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ *Израиля*

От автора

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАН Н-ПЛЮС»
2019

УДК 94
ББК 63.3
К 43

Кирпичёнок А.

**К 43 Народная история Израиля / А. Кирпичёнок. – М.: Канон+
РООИ «Реабилитация», 2019. – 224 с.**

ISBN 978-5-88373-568-3

Цель этого сборника статей – познакомить читателей с интересными и малоизвестными эпизодами израильской истории. На ее страницах вы прочтете о самой крупной морской катастрофе в истории Палестины и о самом кровопролитном сражении израильской армии, узнаете о попытках создания «нового человека» в Израиле и поймете причины сложных взаимоотношений между восточными и европейскими евреями.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3

Охраняется законодательством об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается, в том числе и в Интернете, без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения законодательства будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-88373-568-3

© Кирпичёнок А., 2019
© Издательство «Канон+»
РООИ «Реабилитация»,
оригинал-макет, оформление, 2019

***Посвящается 70-летию
Государства Израиль***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда речь заходит о Государстве Израиль, наиболее распространенными являются два типа реакций. Порой можно услышать много восторженных отзывов об этой стране. Иногда раздаются антисемитские замечания о «евреях, которые правят миром», и прочие глупости. Думаю, что ни тот ни другой подход не имеют никакого отношения к реальности.

Еще одно распространенное заблуждение гласит, что Израиль – это страна, политику которой поддерживают все евреи, и что, критикуя Израиль, вы якобы демонстрируете свой антисемитизм. В действительности многие евреи критиковали и критикуют сионистский проект. Ортодоксальный иудей Йозель Матвеев отмечает:

«Нарратив связи евреев с Землей Израиля до появления сионизма в конце XIX века означал веру в особую святость этой земли и в то, что в будущем Мессия, божественный пророк и чудотворец, унесет в спустившийся с неба новый Иерусалим немногих праведников, переживших предшествующие апокалиптические события. Есть несколько вариантов этой веры, более и менее приземленные, но в целом евреи воспринимали Землю Израиля именно так, как будущую арену апокалиптических и мессианских событий. При этом под «еврейским народом» всегда понималось сообщество набожных иудеев, примерно как “исламский народ” – Умма. С тем же успехом можно отметить, что никто не отрицает

связь христиан и мусульман с Землей Израиля. Там жил Иисус с апостолами, оттуда Пророк путешествовал по небесам. Собственно, до сионистов только эти две религии и боролись за контроль над Святой Землей. Еврейская традиция (талмудическая) как раз строжайше запрещает это делать и требует мирно ждать чудесного прихода Мессии. Именно поэтому большинство ортодоксов сочли сионизм сатанинской ересью, а наиболее традиционные и сегодня считают».

Большевик Лев Троцкий говорил, что Палестина – это ловушка для евреев, потому что их государство будет существовать в окружении ненавидящих его стран региона. Схожие взгляды высказывал и лидер умеренной социал-демократии Карл Каутский. Согласно мнению ряда марксистских исследователей Израиль – это страна, которая не только не обеспечивает евреям безопасность, но является для них смертельно опасной западней.

Лидер партии левых эсеров (ПЛСР), сторонник анархизма и верующий иудей Исаак Штейнберг критиковал сионизм за авторитарные принципы. Будучи сторонником еврейского национального очага и самоуправления, он отвергал идею еврейского государства – бюрократического аппарата начальников. Штейнберг пытался создавать альтернативные сионизму анархистские еврейские самоуправляющиеся кооперативы в Суринаме.

Критиком сионизма был великий еврейский писатель Шолом-Алейхем, который говорил, что сионизм – это ситуация, когда один еврей на деньги второго еврея пытается убедить третьего еврея ехать в Палестину.

Противниками сионизма были атеисты и марксисты, еврейские автономисты – бундовцы и ортодоксальные иудеи. Израильский ученый либеральных взглядов Иешаягу Лейбович называл израильское государство «иудо-нацистским».

Еврейский мир многообразен, и многие евреи религиозных, атеистических, либеральных, социал-демократических, марксистских, анархистских взглядов критиковали в разное время Государство Израиль.

Мы часто слышим, что Израиль никого не угнетает, не поработывает и не нарушает права никаких конфессиональных, национальных и прочих групп. Говорят, что Израиль – единственное демократическое государство на Ближнем Востоке, в котором соблюдаются права человека. Но с этой точкой зрения не все согласны.

«Политика, проводимая Израилем на палестинских территориях, является, по сути, апартеидом, в связи с систематическим ограничением в правах палестинского народа и фактической экспроприацией его территорий Израилем». Такое заявление сделал в 2014 г. специальный посланник ООН по вопросу прав человека в Палестине Ричард Фальк. По словам Фалька, права палестинцев нарушаются длительным присутствием Израиля, «незаконно» занимающего палестинские территории и контролирующего границы, воздушное пространство и прибрежные воды. Это особенно заметно сказывается на местных фермерах и рыбаках, сообщил Фальк, а гуманитарная ситуация в настоящий момент является крайне тяжелой. В качестве примера «действий, потенциально сходных с апартеидом», Фальк привел «продолжительное применение военной силы» Израилем и

незаконные убийства, которые, по его словам, служат «для поддержания контроля над палестинцами». Как отмечает Фальк, Израиль систематически нарушает права палестинцев на образование и работу, свободу перемещения и проживания. «Представляется неоспоримым, — отмечает Фальк, — что израильские меры действительно разделяют население оккупированной палестинской территории по расовому признаку, создают отдельные резервации для палестинцев и экспроприируют их землю». Так писал Фальк в своем 22-страничном докладе, согласно сообщениям информационного агентства Рейтер.

Фальк, американский профессор права, является евреем. Его сложно обвинить в антисемитизме, как и Шолом-Алейхема или Лейбовича, по той причине, что все эти люди никак не отделяют себя от евреев. Просто для них Государство Израиль и евреи — это разные вещи. Евреи не обязаны соглашаться с израильской политикой и многие отказываются быть ее заложниками.

Книга, которую вы держите в руках, продолжает традицию еврейской критики Израиля. Ее автор, проживший в Израиле почти два десятилетия, хорошо знаком с реалиями этой страны. В его статьях вы сможете обнаружить массу интересных и, скорее всего, неизвестных вам фактов об этом государстве.

Михаил Магид

ОТ АВТОРА

Из всех колониальных проектов XIX–XX века Израиль был самым поздним. Он возник только в 1948 году. в результате стечения целого ряда факторов – массовой эмиграции евреев из Восточной Европы, стремления Англии создать форпост к северу от Суэцкого канала, противоборства между США, СССР и Великобританией после Второй мировой войны.

Из-за особенностей своей истории Израиль нес в себе как черты типичного колониального проекта, вроде расовой и этнической иерархии, захвата земель у коренного населения, зависимости от метрополии, так и ряда особенностей, свойственных для стран Ближневосточного региона. Среди последних следует отметить большую роль армии, клерикальный характер государства, концентрацию власти в руках одной этнической группы (ашкеназов).

Важным фактором, определявшим успех или неудачу колонизаторов, была политика в отношении местных жителей. Если поселенцам из Европы удавалась изгнать или истребить большинство туземцев, как это было в США, Австралии, Аргентине, их проект заканчивался успехом. В противном случае, возникавшее национально-освободительное движение рано или поздно одерживало победу, как это было во Французском Алжире, Зимбабве и ЮАР. В ходе НАКБы израильтянам удалось изгнать большинство палестинцев из их домов, но в

1967 году Израиль получил беженцев обратно вместе с Западным Берегом реки Иордан и сектором Газа. Сегодня палестинцы уже снова составляют большинство между Средиземным морем и рекой Иордан. И это наводит на мысль, что, несмотря на все тактические успехи, финал государства Израиль не будет отличаться от судьбы аналогичных политических образований.

Следует подчеркнуть, что жертвами вышеупомянутого проекта стали не только палестинцы, но и многие евреи, которые не только выступали в качестве пушечного мяса, но неоднократно подвергались дискриминации, как «мизрахим», «эфиопы», «русские».

О трагедии этих людей и о сопротивлении существующему ныне в Израиле режиму повествуют статьи небольшого сборника, который сейчас лежит перед вами.

СИОНИЗМ И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЕВРЕЕВ

Разложение феодального хозяйства в Восточной Европе во второй половине XIX века привело к тому, что сотни тысяч евреев начали покидать Украину, Польшу и Белоруссию, дабы направиться по традиционному маршруту мигрантов того времени – через страны Западной Европы за океан, в Америку, Австралию и Аргентину. Эти миграционные процессы не вызывали у современников ни малейшего энтузиазма.

Для среднего европейца того времени евреи ассоциировались не с Левитаном и Эйнштейном, а со следующими в Гамбург и Триест бесчисленными толпами бедолаг в сюртуках и странных меховых шапках. Их сопровождали наголо бритые женщины, носившие парики и явно не приобщившиеся к последним достижениям английского суфражизма (женского движения за равноправие. – *А. К.*). Ясно, что эти люди были совершенно чужды тогдашней христианской цивилизации (о понятии «иудео-христианская цивилизация» до середины XX столетия, конечно, никто не подозревал) и, возможно, «представляли угрозу для Европы».

Нищета и необразованность не сочетались с благонаправлением. Многие еврейские мигранты промышляли мелким криминалом – от скупки краденого до прости-

туции, а районы, где они селились, быстро превращались в шумные и малоэстетичные гетто. Еврейская молодежь охотно воспринимала тогдашнюю экстремистскую литературу, и СМИ столетней давности охотно информировали читателей об очередной «этнической» еврейской группировке анархистов, планировавших взрывы в кафе, где русские князья и венгерские бароны хрустели французской булкой. Все это привело к возникновению европейского антисемитизма Нового времени, главными рассадниками которого стали Германия и Австро-Венгрия.

Причиной роста антисемитизма стало не только то, что в там в результате миграционных процессов возникли крупные еврейские общины, но и то, что указанные страны были главными транзитными государствами на пути еврейских масс, следующих в порты Балтики и Средиземноморья. Чем-то вроде Греции во время последнего кризиса с беженцами из Сирии. Антисемитские партии открыто требовали положить конец миграции евреев – «социально опасных и чуждых европейской цивилизации». Однако еврейская эмиграция вызвала беспокойство не только у антисемитов, но и у европейских евреев.

Со времен Мозеса Мендельсона (Моисей Мендельсон (1729–1786) – еврейско-немецкий философ, основоположник и духовный вождь движения Хаскала, «еврейского просвещения»; получил прозвище «немецкий Сократ», был сторонником превращения евреев в европейский просвещенный народ) они усвоили принцип «будь евреем в своем шатре» и неплохо вписались в ци-

вилизованное общество. Они разделяли определение, вынесенное в 1807 году французским синадрионом, что евреи – это «французы иудейского вероисповедания». Внезапное нашествие «родственников» из Восточной Европы вызвало у них сильнейший душевный дискомфорт. Его можно сравнить лишь с чувствами, которые, возможно, испытала бы Чулпан Хаматова, если бы к ней в квартиру вселились двадцать рабочих из горного аула Таджикистана.

Назойливые «ост-юден» не только сели на шею благотворительным организациям немецких, американских и английских евреев, не только «заплевали чистенькие полы в синагогах Будапешта и Ливерпуля», но и сильно испортили отношения между еврейскими общинами и христианским большинством. Дурной имидж мигрантов с востока распространился и на коренное европейское еврейство, что показало «дело Дрейфуса» (1). И здесь на исторической сцене появляется Теодор Герцель с его сионистским проектом.

Стоит напомнить, что идеи возвращения евреев в Палестину появляются у английских протестантов XVII века. Тогда же, в условиях гражданской войны в Речи Посполитой, возникает прото-сионистское движение Шабтая Цви, которое на короткое время увлекает большинство еврейских общин Европы и заканчивается скандальным крахом. После этого раввины и лидеры еврейских общин стали рассматривать мессианские и сионистские тенденции, подобно тому как умеренные исламские богословы рассматривают исланизм, т.е. как опасную экстремистскую ересь. У настоящих, ортодок-

сальных, евреев подобный подход к сионизму сохранился и по сей день. В XIX века декабрист Павел Пестель, считая, что евреи неспособны интегрироваться в европейское общество, мечтал построить их в колонны и отправить на завоевание Палестины. Неизвестно, с чем связано отсутствие в Израиле «Рехов* Пестель» – с невежеством или неблагодарностью.

Не стоит удивляться, что сионизм немало почерпнул от европейского антисемитизма. Оба движения возникли в одном и том же месте, в одну и ту же эпоху и преследовали одну и ту же цель – «избавить цивилизованную Европу от евреев». Сионисты заимствовали антисемитский миф об изгнании евреев из Палестины (в реальности, еврейские общины процветали там до IV века, пока постепенно не стали переходить в христианство, а затем – в ислам). Сионисты соглашались с антисемитами в том, что евреи не имеют никакого отношения к Европе и должны ее покинуть. Здесь наблюдается явный отход от традиций европейского просвещения, которое, как мы знаем, признало евреев французами, немцами и англичанами «иудейского вероисповедания». Сионисты были солидарны с антисемитами в том, что «галутные» евреи (т. е. евреи диаспоры) деградировали и являются вместилищем всех физических и нравственных пороков. Неудивительно, что на протяжении всей истории сионистского движения мы наблюдаем активное сотрудничество с самыми отпетыми ненавистниками евреев: через Плеве к Бальфуру (ви-

* Рехов – улица (*иврит*).

девшему в своей декларации «великий акт по избавлению Европы от еврейского проклятия»), от Бальфура к Эйхману и «Ха-Аваре», от Эйхмана к американским «христианам – друзьям Израиля», которые обличают «еврейское засилье в Вашингтоне», но мечтают о том, чтобы все евреи собрались на Святой Земле где они, должны в итоге принять Христа.

Сами же сионисты, будь то Герцель или Нордау, являясь истинными европейцами, ни в какую Палестину не стремились. Как иронизировал Шалом Алейхем, «сионист – это еврей, который убеждает другого еврея дать денег на эмиграцию в Палестину третьего еврея». Сегодня самые ярые и самые разумные сионисты проживают в Торонто, Чикаго и Москве, с ужасом реагируя на предложения оставить «проклятый галут» и переселиться в родной Кирьят-Малахи (город в современном Израиле. – А. К.), куда их влечет зов Сиона. И в начале XX века призыв сионистов отправляться добровольно и с песнями в те края, куда антисемиты хотели их выслать под конвоем эмиграционных служб, был воспринят евреями без энтузиазма. Первые сионистские поселения в Палестине, вместо того чтобы возродить землю, «ждущую возвращения евреев», с трудом сводили концы с концами. Выжили лишь колонии, получавшие субсидии барона Ротшильда или догадавшиеся нанять арабских батраков, знакомых с местными сельскохозяйственными циклами. Некоторые еврейские колонии немало почерпнули от других поселенцев, немецких темплеров, которые тоже решили вернуться в Палестину будучи «Истинным Израилем». Немецкие бауэры,

вели сельское хозяйство куда успешнее евреев, и те охотно учились у своих соседей. Отблагодарили темплеров сионисты чуть попозже, в 1948 году. Сегодня ухоженные кварталы немецких колоний в Хайфе и Иерусалиме показывают туристам как примеры титанических трудов первых сионистских пионеров.

Восточноевропейские евреи продолжали эмигрировать преимущественно в Европу и за океан, пока мир не потрясла череда войн и революций. Роль, которую в этих событиях сыграли еврейские революционеры, вызвала ужас у европейских обывателей. Забракованный Николаем II антисемитский памфлет «Протоколы сионских мудрецов» стал настольной книгой Генри Форда и Уинстона Черчилля, ибо сюжет данного опуса довольно точно накладывался на происходившие в мире события. На все аргументы здравого смысла антисемиты отвечали: «Но ведь все так и есть! Царь убит, в Кремле сидит Троцкий, а жидо-большевистский режим в России скоро будет вводить равноправие геев и негров в США посредством Коминтерна. Да и метро по всей Европе строят! Скоро в нем будут бомбы взрывать!» В течение нескольких лет европейские страны приняли законы против еврейской эмиграции из стран Восточной Европы. В них не всегда проговаривалось, на кого данные законы распространялись, но современники прекрасно понимали это сами. Мы ведь знаем, против кого направлены законы Трампа о запрете въезда граждан Сирии, Ирана и других мусульманских стран.

Антиэмиграционная политика Запада и гражданская война в Восточной Европе слегка оживили тонкий ручеек

мигрантов, ехавших в Палестину в 1918–1921 годах, но после стабилизации политической ситуации количество желающих осушать малярийные болота под Хадерой стало быстро приближаться к нулю, а Давид Бен-Гурион уныло мечтал о том, как разбудить еврейское самосознание у палестинских феллахов, прямых потомков камнетелателя Давида и террориста-смертника Самсона.

Крах мировой либеральной экономики в 1929 году снова закрыл границы для свободного передвижения рабочей силы. Это мы можем прекрасно видеть на примере нацистской Германии. Одним из самых известных политических актов Гитлера была высылка польских евреев-мигрантов в 1938 году. Тысячи эмигрантов были выставлены за границы рейха, причем польские власти отказались брать евреев обратно и люди были вынуждены несколько месяцев жить на приграничной полосе в ожидании решения своей участи.

К началу 1930-х годов сионистский проект, казалось бы, находился на последнем издыхании. Великая депрессия нанесла сильный удар по еврейским мелким предпринимателям, работавшим в Хайфе и Тель-Авиве, и те массами покидали страну. Арабские беспорядки 1928 года показали лидерам-сионистам, что мусульманское и христианское большинство Палестины не будет безропотно сидеть и ждать, пока «понаехавшие» мигранты обустроят здесь свое государство. Даже лояльные к сионистам британские власти ужесточили квоты для эмигрантов евреев.

Спасением для сионистов стал союз с нацистами, соглашение «Ха-Авара», заключенное в 1933 году. Оно

предусматривало нацистскую поддержку еврейской эмиграции в Палестину, причем переезжающие могли взять с собой свои средства и капиталы в форме германских товаров. Таким образом, в Палестину не только переселилось несколько десятков тысяч немецких евреев, но и поступили германские инвестиции (1,7 млрд. долларов по курсу 2009 года), которые существенно усилили ишув (еврейская община в Палестине. – *А. К.*) накануне Великого арабского восстания 1936 года.

Вторая мировая война поставила точку в истории европейской миграции евреев. Послевоенная пропаганда союзников успешно представила Гитлера и нацистов чудовищным отклонением, монстрами и вырожденками, но следует отметить, что в реальности идеология германских фашистов вполне соответствовала взглядам тогдашнего европейского среднего класса. Антисемитизм, антикоммунизм, расизм, вера в евгенику вполне укладывались в сознание европейского обывателя 1930-х годов. Антисемитская политика Гитлера была вполне европейской политикой и состояла из двух основных моментов: первое – лишения евреев гражданства, восприятие еврейского народа в качестве «чуждого Европе асоциального элемента»; второе – высылка вышеуказанного «асоциального элемента» туда, откуда он приехал – на восток, в Польшу, на Украину и другие «дикие земли». То, что происходило с евреями на востоке, европейцев уже не касалось. Как правило, их там ждали умученные «жидо-большевистским» террором литовцы, украинцы и поляки, которые давали волю своим «природным инстинктам».

Примечательно, что даже после Холокоста европейские и американские политики содрогались от ужаса перед перспективой приема еврейских эмигрантов. Английский министр иностранных дел Бевин заявил американскому президенту Трумену, что открытая поддержка сионистского проекта последним связана тем, что тот «не хочет видеть 100 тысяч еврейских беженцев на улицах Нью-Йорка».

В конечном итоге, беженцы из европейских лагерей были направлены в Палестину, но этот звездный час сионизма продлился недолго. Оказавшись на своей «исторической родине», европейские евреи, едва осмотревшись, побежали оттуда прочь. Трудно сказать, что было тому причиной – война с арабами, скотские условия жизни в нищей стране или традиционное гостеприимство сабр*, которые рассматривали «галутных жидков», как неполноценных, и кричали пережившим Освенцим: «мыло!» и «Гейббельс был прав!». Сионизм, как проект эмиграции европейских евреев, потерпел полный крах, а правительство новообразованного Израиля, обеспокоенное нехваткой пушечного мяса и дешевой рабочей силы, было вынуждено задуматься об импорте в страну евреев стран Азии и Африки. Но это уже совсем другая история.

https://avtonom.org/author_columns/sionizm-i-problema-migracii-evropeyskih-evreev

* Сабра – кактус (*иврит*) – самоназвание израильтян родившихся в Палестине.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР В ПАЛЕСТИНЕ

Израильские правые любят вздыхать о своей нелёгкой жизни в 40-е годы прошлого века. Вспоминают о «Сезоне», о том, как агенты «Хаганы» по заданию англичан отлавливали террористов из «ЭЦЕЛЬ» и «ЛЕ-ХИ» и о потоплении «Альталены». Правда, непонятно, почему они возмущаются, что власти Палестинской Автономии воюет с «Хамасом» спустя рукава, а не истребляет злых террористов под корень, но это уже их дело.

Гораздо менее известны репрессии, которые британские колониальные власти при поддержке руководства еврейского ишува обрушили на палестинских коммунистов до Второй мировой войны.

Как в своё время писал Лев Троцкий, до 1918–1919 годов большевики существовали только в России и, может быть, в Болгарии. Коммунистическое движение в большинстве стран возникло в результате раскола, произошедшего в социал-реформистских партиях, что в свою очередь было следствием мировой войны и русской революции. Палестина и здесь не являлась исключением.

Созданная в марте 1919 года Социалистическая рабочая партия (СРП), предшественница Компартии, была основана радикальным левым крылом, отколовшимся от сионистской партии «Поалей Сион». В новой Социалистической партии были ещё сильны пережитки сиониз-

ма, что проявлялось в разных вопросах, но в то же время СРП сделала ряд шагов по сближению с большевиками. Она порвала со Вторым Интернационалом, поддержала Октябрьскую революцию, согласилась с оценками Ленина по современному состоянию империализма и вышла из Всемирной сионистской организации.

Новая пролетарская партия не избежала споров и расколов, что отразилось в её названиях – «Еврейская социалистическая рабочая партия, Еврейская коммунистическая партия, Комунистише партай палистинес (идиш), Палестинская коммунистическая партия.

Нетрудно догадаться, что партия, выступавшая против колонизации палестинских земель, против вытеснения арабских трудящихся с их рабочих мест, против замены народного языка идиш искусственным ивритом, вызывала бешенную ненависть их бывших товарищей – левых сионистов из «Ахдут ха-Авода» под руководством Давида Бен-Гуриона.

Яков Меирсон, один из первых палестинских коммунистов, так отвечал на нападки врагов:

«Ненавистники-Сиона – так они назовут нас, после того как услышат всё, что мы скажем (да мы уже и слышали это имя на публичных собраниях перед выборами в Учредительное собрание). Но разве «любовь к Сиону» обязывает сделать Эрец-Исраэль надёжным убежищем для еврейских спекулянтов; разве “друзья сиона” – это все те, кто призывают строить, но на самом деле подкапываются под стенами здания, разве “друзья Сиона” – это все те “граждане” в наших коло-

ниях, которые рано ли, поздно ли, но всё равно неизбежно, своими делами навлекут катастрофу на всех нас, так мы с честью выбираем слушать проклятия от них, только чтобы обозначить линию, разделяющую между нами...»

Но сионисты не ограничились лишь проклятиями в адрес своих врагам. Уже в конце января 1921 года их боевики разгромили «Рабочий клуб» в Хайфе. В феврале школьники из ивритской гимназии «Герцлия» сорвали представление идишского драматического кружка. Коммунистов выгоняли из поселений, многие из которых были основаны ими в ту пору, пока они были ещё сионистами. Других увольняли с работы, что вынуждало людей эмигрировать: в то время Палестину сотрясал экономический кризис, и работы не было. Сионистский профсоюз «Гистадрут» не защищал интересы «красных», а частные работодатели, естественно, заносили коммунистов в «черные списки». Но всё это было только началом.

1 мая 1921 года британские колониальные власти пошли на провокацию, организовав в Яффо еврейский погром. Среди убитых было трое членов компартии. В кармане одного из них, Хаима Хеберфельда, полиция якобы нашла письмо с подписью Троцкого. В этом письме, составленном в лучших традициях «Протоколов мудрецов Сиона», Троцкий, бывший, по мнению автора, сыном «верховного раввина России», обращался к Герберту Самуэлю, британскому верховному комиссару Палестины (тоже еврею), с просьбой допустить въезд в

страну евреев из России для установления коммунизма на востоке. Подобные провокации были типичны для британских спецслужб. Здесь уместно напомнить о знаменитом «Письме Зиновьева», якобы направленном британским профсоюзам в 1924-ом году и ставшем предлогом для разрыва дипломатических отношений между СССР и Британией.

«Письмо Троцкого» привело «всего лишь» к запрету Коммунистической партии Палестины. Начались аресты, партия ушла в подполье. Но на помощь британским Шерлокам Холмсам пришли волонтеры из сионистского движения, помогавшие выявлять скрывавшихся коммунистов. Некоторых арестованных сразу депортировали за границу. Вот как описывал такую депортацию начала 1920-х годов очевидец:

«По улицам Яффо, по направлению к порту, где их ожидало готовое к отплытию в Кушту судно, шла удивительная процессия: группы рабочих, мужчины, женщины и дети – окруженные вооруженными английскими солдатами и арабскими полицейскими – упрямо шагали, распевая Интернационал и выкрикивая время от времени новые лозунги: “Да здравствует Социалистическая революция!”, “Да Здравствует Советская Палестина!” “Позор империализму!” На почтительном расстоянии следили за странной процессией еврейские торговцы, которые во время майских беспорядков не были изгнаны из Яффо: “Слава богу, отделались от социалистов”. Арабские прохожие показывали на них пальцем, крича “Балшапик! Балшапик!”».

Другим везло меньше, и их отправляли в тюрьмы и концлагеря, раскиданные по всей Палестине. Документы «Красной помощи» приведенные в книге Шмуэля Дотана «Адумим» («Красные») наглядно описывают прелести «демократического» британского ГУЛАГА: В концлагере Бенямина заключенные работали по 12 часов в день почти без перерыва. На обед им давали две черствые питы, на ужин был жидкий овощной суп. С голоду люди ели траву и косточки арбузов. Не было ни воды для мыться, ни крыши над головой. Заключенные спали вповалку под открытым небом. По утрам их будили охранники ударами палок («точно как ослов»). На работу политзаключенных возили в каменоломни под Хайфу, держа их часами в вагонах, где люди не могли даже сесть из-за тесноты.

По утверждению Дотана, число депортированных коммунистов не превышало 700 человек. По подсчётам компартии, было выслано 2000 человек. Депортации продолжались до 1942 года, то есть ещё тогда, когда высылка в Европу означала верную смерть в когтях Гитлера. Среди депортированных коммунистов были евреи, арабы и армяне. Опять же по официальным данным, от пыток на следствии скончались пять членов партии, один был убит.

Лишь в 1944 году компартия вышла из подполья. В то время в свете побед Красной Армии популярность коммунистических идей была чрезвычайно велика, что приводило сионистское руководство в бешенство. Такие видные сионисты, как Элияху Голомб, Берл Каценель-

сон, Голда Меирсон (Меир), были зоологическими антикоммунистами. Для этого круга типичен диалог между основателем кибуца Гиват Бренер Анцо Сарни и писателем Шломо Грождецким. Анцо спросил писателя: «Что ты будешь делать, если сионизм окончится крахом? Ты пойдешь в Агудат Исраэль (религиозные ортодоксы) или в компартию?» Писатель ответил, не думая: «Понятно, что в Агудат Исраэль!» – «Теперь я вижу, что ты настоящий сионист», – ответил кибуцник

По иронии истории «социалистический сионизм» канул в лету в начале XXI века. А компартия продолжает существовать и сегодня является старейшей политической партией Израиля

САУРА. ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ

Седьмой доминион

1920–1930-е годы прошлого столетия стали временем жестоких войн народов Азии, Африки и Америки против колониальной тирании империалистических стран. Мы мало знаем о тех битвах. Что нам известно о восстании Сандино, о многолетней Рифской войне, о выступлениях в Индии, о сопротивлении эфиопов итальянским захватчикам?

Ведущие империалистические державы мира, собравшиеся на Версальскую мирную конференцию в 1918 году, цинично нарушили свои обещания, щедро раздаваемые народам во время Первой мировой войны. Это касалось и арабских стран. Арабское государство, обещанное принцу Файсалу, так и осталось пустым звуком. Ведь еще в 1916 году Ближний Восток был поделен между Францией, Россией и Великобританией по соглашению Сайкс-Пико. После 1917 года Россия выпала из числа участников колониального дележа, в результате чего англичане с французами получили еще большую добычу.

Палестине в этой схеме колонизаторы отводили особое место. С 1917 года англичане дали согласие на ее колонизацию еврейскими эмигрантами, которые должны были стать верными защитниками интересов империи на Ближнем Востоке. Английские сионисты хотели

чтобы евреи «гордились тем, что они англичане. Целью должен быть седьмой доминион».

Хотя по целому ряду вопросов между правительством в Лондоне и евреями-сионистами имелись серьезные разногласия, стратегическое партнерство британского империализма и сионизма существовало с момента оккупации Палестины англичанами в 1917 году и до конца Второй мировой войны.

Надо отметить, что, несмотря на этот союз, английские колониальные администраторы не делали большой разницы между еврейским и арабским населением. Для них Палестина была колонией, а евреи и арабы – презираемыми туземцами. Англичане говорили: «Арабы вероломны, им нельзя доверять. Евреи жадные, а когда освобождаются от преследования, становятся агрессивными». Палестину они описывали как «надоедливое стадо черных и евреев». Жена одного английского чиновника писала: «Когда араб грязен, он живописен, а когда еврей грязен, он мерзок». Став правителями страны, британцы жили обособленно. Охотились на шакалов, собирались в спортивных клубах и гоняли мяч в гольф-клубе «Содом и Гоморра» на главный приз: мраморную статуэтку под названием «Жена Лота». Впрочем, иногда сионисты за большие заслуги перед британской короной удостоивались особых комплиментов, вроде – «аборигены-прислужники» и «миссионерские мальчишки».

После окончания Первой мировой войны число приезжающих в страну колонистов увеличилось. В 1919–1923 годах из Восточной Европы в Палестину прибыло 40 тысяч евреев. Поселенцы не скрывали своего намерения создать в Палестине собственное государство,

выдвигая территориальные претензии 2000-летней давности. Однако арабы-палестинцы, коренное население страны, не испытывали никакого желания отправляться в изгнание или становиться рабами колонизаторов. На протяжении 1920-х годов недовольство арабского населения британским гнетом и еврейской колонизацией постепенно вышло за рамки разговоров в кофейнях.

Волнения 1928 года показали, что коренное население Палестины не намерено безропотно разделить судьбу американских индейцев и аборигенов Австралии. Это поставило сионистский проект перед лицом серьезного кризиса. Еврейские колонисты внезапно поняли, что палестинцы будут сражаться за свою землю. Это повергло их в уныние. Учитывая весьма скромные людские и материальные ресурсы евреев в Палестине, было очевидно, что противоборство с арабским большинством не сулит ничего хорошего. Поселенцев защищали только британские штыки. К тому же Великая депрессия подорвала основы колониальной экономики. В 1929 году еврейская эмиграция из Палестины впервые превысила число приезжающих в страну колонистов. За короткое время за границу уехало около 30 тыс. человек. Казалось, что сионистский проект ждет крах, но тут ишуву протянул руку неожиданный друг.

Сатанинский альянс

Не секрет, что нацистское движение имело немало горячих поклонников среди еврейской правой. Абба Ахимеир, лидер ревизионистов Палестины (и кумир нынешних израильских правых), писал: «Да, мы, ревизионисты, восхищаемся Гитлером. Гитлер спас Германию... Иначе она бы погибла за четыре года. Когда он оставит свой антисемитизм, мы пойдем с ним».

В том же духе высказывался и журнал американских ревизионистов Betar Monthly в 1931 году: «Когда местечковые лидеры левого мелкотравчатого сионизма, такие как Берл Локер, называют нас ревизионистами, а «Бейтар» гитлеризмом, мы не возражаем... Локеры и их друзья хотят создать в Палестине колонию Москвы с арабским, а не еврейским большинством, с красным флагом вместо бело-синего, с “Интернационалом” вместо “Хатиквы”... Если Герцель был фашистом и гитлеристом, если еврейское большинство на двух берегах Иордана, если еврейское государство в Палестине, которое решит экономические, политические и культурные проблемы еврейской нации, это гитлеризм, значит мы – гитлеристы».

Приход Гитлера к власти дал сионистам возможность продемонстрировать на практике свои политические симпатии. Израильский исследователь Хаим Брешет в статье «Сионизм и Холокост» писал: «Сразу же после захвата власти нацистами в 1933 году, евреи по всему миру поддержали или организовали бойкот германских товаров. Эта кампания дестабилизировала нацистский режим, и немецкие власти искали путь для срыва бойкота. Было ясно, что если евреи и ев-

рейские организации отступят, то кампания рухнет. Проблема была решена при помощи СФГ (Сионистской Федерации Германии). В письме, направленном нацистам не позднее 21.06.1933, она подчеркнула существующие между двумя организациями согласия в вопросах расы, нации и характера “Еврейского вопроса” и предложила свои услуги для сотрудничества с новым режимом».

Новый режим благосклонно отнесся к реверансам сионистов. В газете СС «Дас Шварце коп» появляются статьи, сочувствующие палестинскому проекту. Организации сионистов заняли особое положение в рейхе. В 1937 году раби Иоахим Принц писал: «Каждый в Германии знает, что только сионисты могут представлять евреев в контактах с нацистским правительством». С ним соглашался Адольф Эйхман, говоривший, что «сионизм – единственное рациональное решение еврейского вопроса».

Это сотрудничество нашло свое практическое выражение в договоре о трансфере («ха-авара»). Он был подписан между Сионистской Федерацией Германии и министерством финансов рейха в августе 1933 года. Согласно этому договору, евреям предоставлялось право свободной эмиграции в Палестину вместе со своим имуществом. (Эмигрируя в другую страну, евреи должны были оставлять свое имущество в Германии.) Человеком, подписавшим договор с еврейской стороны, был Хаим Арлозоров, глава политического отдела еврейского агентства («Сохнута») и, по странной иронии судьбы, бывшей любовник Магды Геббельс.

Надо сказать, что евреи Германии не ринулись в палестинские пески даже после заключения этого дого-

вора. Жизнь в Европе под Гитлером им казалась предпочтительнее участию в сионистских экспериментах. Но все-таки в рамках нацистско-сионистского договора в Палестину эмигрировало около 60 тыс. человек. Еще более существенным оказалось экономическое значение соглашения. Это был глоток воздуха для сионистского проекта.

Из Германии в Палестину вывезли товаров на 100 миллионов долларов (1,7 миллиарда по ценам 2009 года). Сионисты получили монопольное право на импорт в Палестину германской продукции. Немецкие экспортные товары оплачивались из средств «Сохнута» в местной валюте, а евреи, выезжающие в Палестину, получали соответствующие их состояниям компенсации в твердой валюте после реализации вывезенных из Германии товаров. В Палестину шел немецкий уголь, железо, металлическая продукция и опреснители для воды. Рейх стал крупнейшим экспортером промышленных товаров в Палестину.

Экономический ландшафт страны радикально изменился. В 1935 году колонисты контролировали 872 из 1212 промышленных предприятий Палестины. На них трудились 13678 рабочих. Еврейские инвестиции в экономику Палестины составляли 4391000 палестинских фунтов, тогда как палестинские инвестиции не превышали 704000 палестинских фунтов. Еврейский капитал контролировал 90% концессий, предоставленных британским колониальным правительством.

Согласно официальной статистике, в 1937 году средний еврейский рабочий получал на 145% больше, чем палестинский араб. За одну и ту же работу на текстильной фабрике еврейская работница получала на 433%

больше, чем арабка. На 233% зарплата евреев была выше на табачных фабриках.

Именно благодаря союзу с нацистской Германией сионистский проект сделал последний шаг, отделявший утопию и авантюру от реальной политики. Теперь колонисты могли начать борьбу за свое государство.

Причины восстания

Золотой дождь нацистских инвестиций пролился только над еврейским сектором, но не затронул арабское население Палестины. К 1936 году арабы окончательно осознали степень нависшей над ними угрозы. Один английский наблюдатель с возмущением писал, как его арабский оппонент, «заглядывающий в помойные ямы истории», вспомнил о судьбе туземцев Тасмании, которая, по его словам, грозила коренному населению Святой земли.

Если в 1920-е годы еврейская эмиграция не превышала естественный прирост арабского населения Палестины, то в 1930-е годы ситуация изменилась. Помимо мигрантов из Германии, в страну приезжали евреи из других государств. Прежде всего, речь тут идет об эмиграции из Восточной Европы, где торжествовали антисемитские настроения. Если в 1931 году евреи составляли 17% от населения Палестины, то к 1935 году – 27%.

Колонизация, проводившаяся под покровительством англичан, не только ставила под угрозу будущее Палестины. Она оказывала катастрофическое влияние на повседневную жизнь нееврейского населения страны. Еврейское агентство энергично скупало земли у арабских феодалов, что влекло за собой изгнание населения

целых деревень, живших здесь веками. Между 1921 и 1925 годами «Сохнут» скупил у арабских феодалов, живших в Бейруте 50 тысяч акров земли в Израильской долине. В результате этой сделки население 21 деревни района было изгнано из своих домов новыми хозяевами. Но и без того положение арабских землевладельцев в Палестине было нелегким. Как писал сэр Джон Хоппе Симпсон в своем докладе по ситуации с эмиграцией в Палестине, «из 86980 семей арабов, проживающих в деревнях... 29,4% не имели своей земли». В то время, когда 250 феодалов-землевладельцев владели 4 миллионами дунамов земли, 25000 крестьянских семей ее не имели вообще и еще 46000 имели меньше 100 дунамов.

Тяжелый налоговый гнет, установленный англичанами, также не способствовал процветанию арабской деревни. С момента установления британского мандата над Палестиной и до 1936 года налоговое бремя выросло с 11 до 26%. Налог на сахар вырос на 110%, на табак — на 149%, на бензин — на 208%, на машины — на 400% и на кофе — на 26%. Налоговая система, установленная англичанами, действовала в интересах богатых: при годовом доходе в 22,37 палестинского фунта налог составлял 25%, тогда как налог на доход в 1000 палестинских фунтов не превышал 12%.

Покровительствуя еврейским поселенцам, британские власти равнодушно взирали на попытки палестинцев развивать культуру и образование в своем секторе. С установлением мандата правительство ни разу не выделяло фонды на строительство хотя бы одной школы. В 1935 году правительство отклонило 41% обращений палестинских арабов об открытии школ.

Вопреки сионистским мифам о колонистах, которые привели к процветанию бесплодной пустыни, успехи хозяйственной деятельности еврейских поселенцев были весьма скромными. Не знавшие местных природно-климатических условий и сельскохозяйственных циклов, привыкшие к высокой оплате труда или никогда не работавшие в сельском хозяйстве, эти люди не могли конкурировать с арабскими рабочими-феллахами. Первые еврейские поселенцы, приехавшие в Палестину в конце XIX века, предпочитали нанимать на работу арабских батраков, а не своих соотечественников. Масштабные работы по мелиорации пустынь и осушению болот, которые сионисты с присущей им скромностью приписали себе, начали после 1918 года не они, а британские власти, располагавшие техническими и материальными ресурсами для подобных проектов.

В 1920-е годы новая волна эмиграции евреев в Палестину привела к возникновению политики насильственного вытеснения арабской рабочей силы с рынка труда. Грязная роль в этой кампании, называвшейся «Авода Иври» (еврейская работа), принадлежала «левым сионистам» и их профсоюзу «Гистадрут». Будущий президент Израиля Исаак Бен Цви писал: «В настоящей исторической ситуации национальные интересы должны превалировать над классовой солидарностью... организованные и классово-сознательные еврейские рабочие в Палестине имеют право требовать, чтобы дешевый и неорганизованный арабский труд был изгнан из поселений (мошавот) и из еврейского сектора в целом». «Гистадрут» был закрыт для не-евреев. Отряды боевиков задерживали на дорогах «чуждых», «дешевых» и «неор-

ганизованных» арабских рабочих и не допускали их на предприятия.

В апреле 1936 года в Наблусе (Шхеме) был сформирован первый национальный комитет палестинских арабов. Вскоре национальные комитеты были сформированы в каждом арабском городе и деревне. Именно они стали инициаторами восстания, в котором их роль была гораздо значительнее, нежели роль Верховного арабского комитета (ВАК), возглавляемого иерусалимским муфтием Хадж Амином аль Хусейни. ВАК начал свою деятельность 25 апреля 1936 года. Через него палестинцы выдвинули три основных требования:

1. Прекращение еврейской колонизации.
2. Прекращение продажи земель евреям.
3. Установление демократического правительства.

В ответ на эти возмутительные, наглые и варварские требования англичане, будучи последовательными демократами, предложили создать законодательный совет, в котором у мандаторных властей было бы право последнего голоса. Это предложение было отвергнуто как арабами, так и сионистами. Мирные пути для разрешения конфликта были исчерпаны.

Первым шагом в борьбе палестинцев стала всеобщая забастовка, начавшаяся в апреле 1936 года.

«Мы чувствовали, что надо что-то сделать, дабы заставить британцев изменить их политику, из-за которой мы могли потерять Палестину. Поэтому мы решились на всеобщую забастовку. Это был важный шаг для нас, мы надеялись взять верх над Британской империей, можете ли Вы себе это представить? Но мы верили, что забастовка приведет к мирной революции», — говорил

первый секретарь Верховного национального комитета, который возник в Наблусе, Ахрам Заятер.

Эта пролетарская форма сопротивления в преимущественно аграрной стране произвела большое впечатление на очевидцев. Но вот что писал журналист болгарской русскоязычной газеты А.П. Ладинский:

«Действительно, во многих отраслях палестинской жизни забастовка арабского населения не достигла своего результата. Хайфский порт продолжал функционировать, железнодорожное движение, хотя и затрудненное, не прекращалось, всеобщая забастовка в городах провалилась. Бастовали только торговые предместья, арабские магазины и рынки, арабские автобусы и порт в Яффе. Почти на все сто процентов остановилась работа в каменоломнях, на которых работают исключительно арабы, и поэтому в значительной мере остановилось домостроительство. Хотя остановилось оно и по другим причинам, более общего характера. Одним словом, как будто арабы понесли моральный ущерб. Понесли они, без всякого сомнения, и ущерб материальный. В то время как еврейские лавки торговали, арабские купцы несли крупные убытки. В то время как Яффский порт впал в летаргический сон, в Хайфе становились на работу еврейские грузчики, а под носом у Яффы строился новый Тель-авивский порт, очень опасный соперник для древнего порта Соломона. Но это обстоятельство и заставляет призадуматься. Конечно, известную роль сыграло принуждение. Крайние арабские националисты не останавливались даже перед террором, чтобы заставить своих единоплеменников упорствовать в забастовке. Бывали случаи убийств и насилий, иногда бросались бомбы в лавки арабских купцов, открывших свои заве-

дения. С другой стороны, среди арабов Палестины нет рабочих в нашем понимании этого слова. Араб работает, пока есть работа. Работы нет, он возвращается к себе в деревню, чтобы снова кормиться от того куска земли, который достался ему в удел. Но как бы то ни было, откуда у арабского населения хватило силы в течение нескольких месяцев продолжать забастовку?»

Как читатель, наверное, уже понял из этого отрывка, всеобщая забастовка палестинцев в конечном итоге оказалась неудачной. Англичане смогли опереться на уже достаточно развитую инфраструктуру и предприятия еврейских колонистов, чтобы минимизировать ущерб от стачки. Более того, сионистские организации воспользовались забастовкой, чтобы начать вытеснение арабов из всех сфер экономики, заменяя их приезжими еврейскими рабочими – штрейкбрехерами.

Саура

Стачка палестинцев потерпела неудачу, но параллельно с ней развернулась вооруженная партизанская борьба. 15 апреля 1936 года партизанский отряд, которым раньше командовал легендарный герой палестинцев Шейх Аз-ад-динн аль-Касам, атаковал машины на дороге Тулькарем–Наблус. Первыми целями атак были еврейские колонисты и арабские коллаборационисты, прежде всего, помещики, продававшие колонизаторам землю. Затем атакам повстанцев подверглись и британские вооруженные формирования – полицейские и военные. Так началось самое серьезное антиколонияльное восстание в промежутке между мировыми войнами.

Как указывает палестинская исследовательница Соня Намир, конфликт 1936–1939 годов можно назвать «крестьянским восстанием». Из 196 лидеров восстания 71% были выходцами из деревень и лишь 22% – горожанами. Большинство повстанцев также были крестьянами, которые днем работали на полях, а ночью закладывали на дорогах мины и обстреливали опорные пункты англичан и колонистов. Хасан аль Хай Юсиф так рассказывал о тех днях: «Мы обычно приходили и атаковали английский патруль около школы или главной дороги ночью. Мы их обстреливали и отступали; и утром мы возвращались на наши поля убирать урожай». Английская пропаганда именovala повстанцев сборищем «безумных мул», помещиков-оппортунистов, иностранных коммунистов и уголовников. Эта пропагандистская картина далека от реальности. Лишь двое лидеров повстанцев – Фауд Нассар и Муххамед Нимр Уда – были коммунистами. Как правило, отряды повстанцев возглавляли местные национальные комитеты, которые действовали автономно друг от друга. В этом были и сила, и слабость движения. С одной стороны, не существовало единой организации, которую английские спецслужбы могли бы разрушить. С другой стороны, повстанцы не могли предпринять скоординированные атаки на хорошо укрепленные объекты. Как любая другая крестьянская армия, палестинские партизаны предпочитали не удаляться от своих деревень.

Добровольцы из других арабских стран составляли только 2% от общего числа повстанцев. Самый известный среди них был Фаиз эль Калужди, легендарный командир партизан в 1936–1939 годах.

Партизаны минировали дороги, обстреливали машины на дорогах, устраивали акты саботажа на железных

дорогах и трубопроводах. Атаке подвергся даже аэропорт в Лодде. Газета «Интернешенл Пресс Корреспондент» от 30 мая 1936 года сообщала, что с началом гериллы в Палестине поезда не ходят по ночам и прерывается телефонная связь. В Газе английские семьи переселились на территорию армейских барачков.

Восстание достигло пика летом 1939 года. Бывший служащий британской полиции Р. Мартин так описывал ситуацию: «В течение 1938 года восстала действительно вся страна... Они (палестинцы) контролировали всю страну, кроме главных городов. Правительство Палестины и английские силы удерживали главные города и военные лагеря, в которых они могли останавливаться, но за их пределами была земля повстанцев, контролируемая повстанческими армиями». Даже Хеврон, Беер-Шева и Хан-Юнис были на какое-то время полностью оккупированы силами повстанцев. В октябре 1938 года они на пять дней взяли под свой контроль старый город Иерусалима. Англичане, прославленные своим бесстрашием и уважением к правам человека, смогли отбить его, наступая под прикрытием «живого щита» из арабских заложников...

Вопреки утверждениям пропаганды, арабские повстанцы не ставили своей задачей поголовное истребление евреев. Еще в 1935 году шейх Аз ад-дин аль-Касам говорил, что восстание будет «не против еврейских женщин и детей, но против британского империализма». Впрочем, крестьянская армия порой допускала неоправданные жестокости. Так, в октябре 1938 года в Тверии во время еврейского погрома были жестоко убиты 19 евреев, включая 11 детей. Но и арабское население становилось жертвой погромов со стороны. 17 ап-

реля 1936 года несколько десятков арабов и англичан (!) были избиты толпой на улицах Тель-Авива. Христиане сравнивали атмосферу ненависти в Иерусалиме в те дни с той, «которая царила во время распятия Христа».

Империя наносит ответный удар

Подавление восстания в Палестине стало одним из крупнейших военных мероприятий британской армии между двумя мировыми войнами. В страну было отправлено 20 тыс. солдат британской армии. Против повстанцев были брошены регулярные части, вспомогательные отряды еврейских колонистов, а также отряды феодалов коллаборационистов, так называемые «банды мира». Территория страны покрылась бетонными блокпостами и укрепленными полицейскими фортами, которые сыграли важную роль в дальнейшей военной истории Палестины. Авиация бомбила контролируемые повстанцами районы. Английский историк Пирс Брендон писал: «Британская армия первой использовала технику, которую Государство Израиль в дальнейшем применяло против арабов. Людей размещали в загонах, окруженных заборами и долговременными огневыми сооружениями. Происходили атаки с воздуха, набеги на деревни, взрывы домов». Значительная часть домов старой Яффы была взорвана. Англичане цинично объяснили, что так они занимаются городским планированием.

Британцы действовали с холодной жестокостью, свойственной их стилю правления. Новый верховный комиссар сэр Гарольд Макмайл «творил правосудие не дрожащей рукой», он «никогда не колебался, никогда не

прощал» и считал себя наследником римских прокураторов.

6 сентября 1938 года после гибели четырех солдат из отряда Королевских ольстерских фузелеров английские стрелки загнали 50 человек из ближайшей христианской деревни Аль-Басса в автобус и заставили его ехать на минное поле, где он и взорвался. Обычным явлением была практика использования заложников.

На территории Палестины было создано несколько концлагерей, которые назывались «Арабские центры по дознанию». Там работали ветераны английских карательных отрядов, душивших революцию в Ирландии. Содержавшихся в «Центрах по дознанию» заключенных избивали, пытали электрическим током и топили в воде. Для пыток из Южной Африки даже были выписаны доberman-пинчеры, которых натравливали на живых людей. Один английский полицейский говорил: «Мы... лупили каждого араба, которого только видели, мы разгромили все магазины и кафе, неся разорение и разрушение, кругом лилась кровь... Переехать через араба — это то же самое, что сбить собаку в Англии, только мы это не регистрируем».

Палестинская кампания стала тренировочным полигоном для многих британских офицеров Второй мировой войны. Так будущий «герой» Дрездена, маршал авиации Артур Харрис тренировался на бомбежках палестинских деревень. Когда англиканский епископ Иерусалима в ужасе обратился к командующему 8-й дивизии Бернарду Монтгомери, жалуясь на зверства его солдат, в ответ на каждый свой вопрос он слышал только слова: «Я их [арабов] пристрелю».

В этом списке наиболее прославленной фигурой был Орд Вингейт – действительно легендарная личность. Вингейт родился в Индии в семье британского военного. Его военная служба проходила главным образом в колониях, где он снискал себе громкую славу создателя первых отрядов специального назначения. Судан, Палестина, Эфиопия, Бирма – вот этапы его жизненного пути. Вингейт чем-то похож на своего великого предшественника – Лоуренса Аравийского, его иногда даже называли «Лоуренс Палестинский». Сходство проявлялось не только в военных талантах и бесстрашии, но и в странностях двух великих героев империи. Вингейт был склонен к эксгибиционизму, любил раздавать приказы рекрутам, выйдя из душа в костюме Адама, в купальной шапочке и потирая спину мочалкой. На руке он постоянно носил неработающий будильник, а вокруг шеи у него висела связка луковиц, от которых он периодически прищипался. Во время торжественного ужина Вингейт мог начать массировать большие пальцы ног карандашом или беседовал с людьми, лежа голый на кровати, расчесывая волосы на теле зубной щеткой. Капитан был большим поклонником Ветхого Завета. Однажды он вообразил себя Иисусом Навином и потребовал трубы из бараньих рогов, чтобы трубить в них у стен вражеской деревни. В дальнейшем Вингейт стал протеже Черчилля, но, как пишет историк Макс Хастингс, английский премьер всегда осознавал, что «Вингейт слишком безумен для высоких постов».

Что значительно хуже, Вингейт был, по словам израильского историка Тома Сегева, не только «абсолютно безумным», но и, возможно, садистом. Наверное, для сэра Лоуренса с его мазохистскими комплексами он был

бы идеальным начальником, но для палестинцев он стал безжалостным убийцей. В мемуарах Моше Даяна можно найти откровенные описания эпизодов боевой деятельности Вингейта. Так, во время одной операции отряд под его командованием поймал пятерых арабов. Задержанные бурно уверяли Вингейта и его людей в своей невинности. «Вингейт нагнулся и поднял немного земли и гравия; он засунул их в рот ближайшего араба и вдавливал их до тех пор, пока последний не задохнулся». Затем Вингейт приказал одному из своих солдат пристрелить агонизировавшего пленника. Как сказано в издании израильского министерства обороны, «учения Орда Чарльза Вингейта, характер его руководства были краеугольным камнем для многих командиров Хаганы*, и его влияние можно наблюдать в боевой доктрине IDF**».

Кроме официальных и полуофициальных формирований, против арабов действовали террористические организаторы еврейских правых, последователей Зеева Жаботинского. 11 ноября 1937 года они взорвали бомбу на автобусной остановке на улице Яффо в Иерусалиме. Погибли два человека. Далее последовали более кровавые теракты: 6 июля 1938 года 21 араб был убит и 52 ранено в результате взрыва на рынке в Хайфе. 25 июля новый взрыв на том же месте убил 39 и ранил 70 человек. 26 августа взрыв в Яффо унес жизни 24 человек, 39 получили ранения.

* Хагана – еврейские полувоенные отряды, ставшие основой израильской армии.

** IDF – Israel Defense Force – Армия обороны Израиля.

Общее число жертв среди англичан и колонистов превысило 500 человек. Еще примерно такое же количество людей было ранено. В свою очередь, во время подавления восстания было убито 5000 арабов, а 12622 человека отправлены в концлагеря.

Итоги восстания

Важным успехом восстания 1936–1939 годов стало признание в Белой книге, выпущенной британскими властями в мае 1939 года, основных требований повстанцев. Англичане согласились с тем, что Палестина должна получить самоуправление, причем большинство в ее правительстве должны иметь арабы, а не евреи. Еврейская эмиграционная квота была установлена на уровне 75 тысяч человек в год. Были приняты меры против скупки арабских земель еврейскими колонистами. Но эти решения главным образом остались только на бумаге. Палестина так и не получила самоуправления, а еврейская эмиграция продолжала расти, причем английские власти закрывали на это глаза.

Позиции коренного населения были ослаблены. Всеобщая забастовка и великое восстание привели к вытеснению не-евреев из многих областей промышленности и торговли. Политические лидеры повстанцев бежали за границу. В то же время еврейский Ишув окреп за счет британской помощи. Его вооруженные силы превратились в боеспособные отряды. С дозволения англичан создавались новые поселения.

В 1937 году на повестке дня впервые встал вопрос о депортации арабского населения Палестины, причем

инициативу в этом вопросе проявили не сионисты, а англичане. Комиссия под руководством лорда Пия предложила разделить Палестину на еврейскую и арабскую части. Евреям, контролировавшим 5% земли, предполагалось передать треть страны. Это подразумевало изгнание 49% арабского населения. План был отвергнут и арабами, и евреями. Последним нужна была вся Палестина, желательно и с восточным берегом реки Иордан.

Поражение восстания еще не было катастрофой для палестинцев, но оно стало предзнаменованием грядущей трагедии Накбы – изгнания израильтянами сотен тысяч палестинских арабов.

Использованная литература

1. *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи. М., 2010
2. *Kanafani G.* The 1936–1939 revolt in Palestine, <http://www.newjerseysolidarity.org/resources/kanafani/kanafani4.htm>.
3. *Lenni Brenner* Zionism in the Age of Dictators, <http://www.marxists.de/middleeast/brenner/>.
4. *Quinn Rod* The First Palestinian Intifada, 1936–1939, <http://www.whatnextjournal.co.uk/Pages/Back/Wnext24/Intifada.Html>.
5. *Ладинский А. П.* Путешествие в Палестину. http://ricolor.org/arhiv/redkie_knigi/ladinsky/

<https://forum-msk.org/material/fpolitic/4610296.html>

СИОНИСТСКИЙ «ТИТАНИК»

70 лет гибели «Патрии»

У этой катастрофы долгая предыстория. Одним из последствий Великой депрессии стала массовая безработица, которая затронула как передовые, так и отстающие, периферийные страны. В США безработица достигла 24% трудоспособного населения, в Германии без работы остались 9 миллионов человек, в Скандинавии уровень безработицы колебался между 20 и 30%. Это заставило правительства пойти на меры по защите национальных рынков рабочей силы. Ведущие страны одна за другой принимали жесткие антиэмигрантские законы и огораживались визовыми барьерами (надо заметить, что этот процесс начался еще во время Первой мировой войны).

В странах европейской периферии правительства старались решить проблемы занятости за счет национальных меньшинств, среди которых евреи занимали заметное место. Именно они в первую очередь оказывались на улице. Националисты считали евреев чужаками, «криминальными элементами», «агентами Коминтерна». Лишь немногочисленные правозащитники и страны-изгои в лице СССР осмеливались высказываться в их защиту. К середине 30-х годов в Европе образовалось несколько миллионов излишней еврейской рабочей силы, и капиталистические режимы старого континента

оказались перед необходимостью окончательного решения этой проблемы.

В октябре 1938 года немецкое правительство начало насильственную депортацию живших в Германии польских евреев. Но власти в Варшаве отказались принимать нелегалов, утверждая, что не знают, что делать со своими евреями. Все чаще политиков посещала идея переложить эту европейскую проблему на страны Азии и Африки. Активно обсуждался вопрос высылки евреев то в Палестину, то на Мадагаскар.

Нацисты были активными сторонниками этих планов, а Адольф Эйхман, занимавшейся в Рейхе еврейским вопросом, был даже горячим приверженцем сионистской идеи. Не удивительно, что план отправки из Европы 3600 немецких, чешских, австрийских, болгарских, польских евреев, предложенный сионистскими организациями, оказался близок его сердцу. При содействии нацистов были зафрахтованы три старых корабля для перевозки скота: «Атлантик», «Пасифик» и «Милос». В сентябре 1940 года они покинули румынский порт Тулча и взяли курс на Палестину. Плавание получилось долгим и тяжелым. Суда были старыми и изношенными, а начавшиеся в Европе боевые действия не способствовали спокойному плаванию. Лишь 1 ноября 1940 года скотовозы доковыляли до Хайфы. К тому времени экипажи уже жгли в топках деревянные части судна из-за нехватки угля, а несколько пассажиров умерли в пути из-за тягот и лишений.

Появление такой массы нелегальных эмигрантов никак не обрадовало английские власти в Палестине. Было принято решение задержать корабли на рейде, а их пас-

сажиров пересадить на французский океанский лайнер «Патрия»^{*} и выслать на остров Маврикий. Желая отправиться на войну предоставлялась возможность сойти на берег в Египте и вступить в ряды Чехословацкого легиона.

К 4 ноября 1940 года пассажиры с «Пасифика» и «Милоса» были переведены на «Патрию». Казалось, все шло по плану, но тут в ход событий вмешались сионисты, которые хотели любой ценой оставить беженцев в Палестине в качестве колонистов.

Было решено повредить «Патрию» путем взрыва бомбы, что не позволило бы лайнеру выйти из порта. Приказ об операции дал правая рука Бен-Гуриона Моше Шерток. Непосредственное руководство терактом осуществляли Шауль Авигур, человек ответственный за обеспечение нелегальной эмиграции в Палестину, и начальник спецподразделений «Хаганы» Ицхак Саде. Террорист Меир Мардор под видом техника проник на «Патрию» и при помощи членов сионистской организации «Ха-халуц» из числа пассажиров корабля заложил килограммовое взрывное устройство у одного из двигателей судна.

25 ноября 1940 года в 10 часов утра бомба взорвалась. Но произошло непредвиденное. Металл старого лайнера оказался слишком изношенным, и вместо небольшого отверстия «Патрия» получила серьезную пробоину и затонула за четверть часа. Террористы, готовые к взрыву, сразу же выпрыгнули за борты и спаслись, но

^{*} Этот корабль, 1913 года постройки, водоизмещением 12 тысяч тонн, англичане «реквизировали» у своих союзников, после того как те подписали мир с Германией и вышли из войны.

судьба многих пассажиров злополучного корабля оказалась иной.

216 пассажиров «Патрии» — старики, женщины и дети — оказались заблокированными в изолированных отсеках и утонули. Их судьбу разделил еще 51 человек — матросы корабля, английские солдаты и полицейские. Примечательно, что сионистские организации Хайфы не ударили пальцем о палец, чтобы спасти гибнувших людей. Евреев вылавливали из воды арабские рыбаки и английские военные.

Англичане создали комиссию по расследованию катастрофы «Патрии», и в итоге стали склоняться к выводу, что корабль был взорван фашистами из организации «ЭЦЕЛЬ». Руководство еврейского агентства «Сохнут», которое лучше всех знало, кто стоит за взрывом, решило устроить из трагедии вторую Моссаду. Сионистская пресса взхлеб писала о евреях, которые предпочли коллективное самоубийство изгнанию из Эрец-Исраэль. Название «Патрия» давали только в ивритском переводе — «Моледет» («Родина»), что содержало глубокомысленные намеки. Особенно усердствовал в популяризации этой версии небезызвестный борец с тоталитаризмом Артур Кестлер, автор «Слепящей тьмы», который был ярым сторонником еврейских ультраправых*.

* Из творчества персонажа: «Палестинские арабы живут «первобытным, анахроничным способом, что само по себе ведет к краху. Бессмысленно спрашивать, является ли эта посылка “правильной” или “неправильной”. История держит в руке нут. А в данном случае евреи, ее традиционные жертвы, стали кнутом».

А что же произошло дальше с выжившими пассажирами «Патрии»? Английские власти отправили их в лагерь для нелегальных эмигрантов в Атлите, но потом им было позволено остаться в Палестине в счет еврейских эмиграционных квот. 1600 пассажиров корабля «Атлантик», которых не успели перевести на «Патрию», 9 декабря 1940 года прямым ходом отправили на Маврикий, где они благополучно жили до конца войны. Остатки «Патрии» лежали в хайфском порту до 1951 года, когда они были проданы на металлолом в Италию. Утонувшие пассажиры корабля нашли приют на кладбище «Хоф Кармель» в Хайфе.

Миф о героическом самоубийстве пассажиров «Патрии» не ставился под сомнение до середины 60-х годов прошлого века, когда правда все-таки всплыла на поверхность. Конечно, эта история не пользуется большой популярностью в сионистских кругах. Еще в начале 1990-х годов автору приходилось слышать в синагогальной воскресной школе в Ленинграде легенду про героическое «самоубийство» евреев, выбравших смерть изгнанию из Палестины.

«ЦИТАДЕЛЬ» БЕН-ГУРИОНА

*А мы все лезли на ту высоту, как на
буфет вокзальный...*

В. Высоцкий

*Этих, с позволения сказать, идущих
на заклание глупых и несчастных баранов
вынужден я был повести против всей
вражеской инфантерии.*

Генерал Адам-Людвиг Левенхаупт

В своем фильме «Утомленные солнцем-2: Цитадель» Никита Михалков рассказал страшную сказку о крепости с высокими стенами и бесчисленными бойницами, на которую кровавый Сталин бросил в безумную атаку безоружных людей ради бредовых целей.

Но один раз в истории подобное событие действительно имело место. Правда, с небольшими поправками, как в одесском анекдоте: «Только не миллион, а сто, не в кости, а в карты, не долларов, а рублей, не выиграл, а проиграл».

Была крепость на холме с башнями и бойницами. Было пушечное мясо, посланное на убой. Только закончилось дело не красивым взрывом, а резней, и местом действия трагедии была Палестина.

Ненужная война

Историю с арабской интервенцией в Палестину после провозглашения Государства Израиль следует рассматривать в одном контексте со знаменитой интервенцией Антанты в Советскую Россию в годы гражданской войны. Да, интервенция имела место и создала серьезные проблемы еврейскому государству, но до эпического противостояния Давида с Голиафом и здесь было далеко. Пример иорданского Хашимитского королевства будет хорошей иллюстрацией этому тезису.

Король Иордании Абдалла I ибн аль Хуссейн был английской марионеткой еще в большей степени, чем его «коллеги» в Египте или в Ираке. Правда, в этом был один немаловажный плюс. В отличие от опереточных армий других ближневосточных стран, Иорданский арабский легион был отлично вооруженной и хорошо обученной воинской силой под началом английских офицеров. Никаких проблем с сионистами Абдалла не имел, а главную опасность для себя король видел в победе Палестинского национального движения под руководством Иерусалимского муфтия Муххамеда Амина Хусейна, личного врага короля.

В 1947 году Абдалла вел активные переговоры с сионистским руководством, которые, по мнению ряда историков, в частности известного исследователя Ави Шалима, привели к подписанию тайного соглашения по разделу Палестины между Тель-Авивом и Амманом. К Иордании, а точнее к Трансиордании, должны были отойти территории, отведенные ООН для Палестин-

ского государства на Западном Берегу реки Иордан. Остальную территорию Палестины оставляли за собой израильтяне.

15 мая 1948 года иорданские войска вступили на территорию Палестины. Вторжение шло под лозунгом защиты мирного арабского населения, преследуемого сионистскими террористами. Палестинская катастрофа, НАКБА, действительно уже была в самом разгаре, но арабские правительства преследовали свои собственные агрессивные цели, далекие от защиты мирного населения от террористов из ЭЦЕЛЯ, ЛЕХИ и «Хаганы». Части Арабского легиона быстро заняли территорию Западного Берега. Этому способствовал и тот факт, что некоторые части этого соединения уже были расквартированы в Палестине по приказу английских властей, управлявших страной до середины мая. Английское командование легиона твердо дало понять, что их войска не пойдут в районы, населенные евреями. Таким образом, схватка между иорданцами и израильтянами не была чем-то неизбежным.

Проблема заключалась в том, что захватнические поползновения обеих сторон не укладывались в рамки договоренностей. Абдалла мечтал о «Великой Сирии» под своим скипетром. В 1948 году он предложил Голде Меир на тайных переговорах признать его верховную власть в обмен на автономию для евреев. Израильтяне со своей стороны намеревались распространить свой контроль на Иерусалим и его окрестности, которые по плану ООН должны были стать зоной под международным контролем. В конечном итоге это привело к бое-

столкновениям между двумя армиями в Иерусалиме и под Латруном – жестоким, кровопролитным и самым неудачным для израильтян боям за всю войну 1948 года.

Полицейский форт Латрун

Стратегически важное положение Латруна обуславливалось его положением на пересечении дорог Иерусалим – Тель-Авив и Газа – Рамалла. В годы Британского мандата над Палестиной англичане возвели там полицейский форт, по сути дела, небольшую крепость с смотровой башней, крепкими стенами и позициями для ведения огня.

С началом эвакуации британских войск из Палестины форт Латрун попал в руки арабского ополчения, состоявшего из жителей близлежащих арабских деревень. На тот момент Латрун, удерживаемый небольшими и плохо обученными силами, был весьма уязвим для атаки, но израильское командование не понимало значения этого места. С 8 по 15 мая отряды ЦАХАЛа рьяно «защищали» расположенные поблизости от Латруна арабские деревни, что не только лишало баз Арабскую освободительную армию (ополчение палестинских арабов), но и давало нападавшим поживиться за счет трофеев.

Когда генералы ЦАХАЛа поняли важность латрунской позиции в качестве ключевой точки по пути в Иерусалим, было уже слишком поздно. В ночь с 15 на 16 мая первые иорданские легионеры достигли Латруна, а 18 мая к форту подтянулись основные силы легиона.

Приказ вождя

Как и в фильме Михалкова, в истории битвы за Латрун приказ о штурме «цитадели» отдал лично вождь — Давид Бен-Гурион, премьер-министр Израиля. Мотивы этого распоряжения до сих пор вызывают ожесточенные споры среди историков.

Давид Бен-Гурион был малопривлекательным человеком. Невысокий, с большой угловатой головой, резкими чертами лица, он, по словам современников, вместо того чтобы говорить, «лаял и ворчал». Человеческая жизнь для него ничего не значила. В молодости он и сам задумывался о самоубийстве. В годы Холокоста он говорил, что предпочел бы гибель половины еврейских детей Германии, если бы знал, что вторая половина эмигрирует в Палестину. Еврейское государство, в котором он был премьер-министром, Бен-Гурион строил железом и кровью как арабов, так и самих евреев.

Почему же был дан приказ взять Латрун? Официальная точка зрения гласит, что штурм был необходим для обеспечения снабжения еврейских кварталов Иерусалима. Правда, дальнейшие события показывают, что этот вопрос можно было разрешить и иными методами. После неудачной атаки на Латрун израильтяне построили обходную дорогу в Иерусалим, так называемую Бирманскую дорогу, по которой город снабжался до Шестидневной войны 1967 года.

Сторонники гипотезы о тайном соглашении между руководством Израиля и королем Хусейном предполагают, что штурм Латруна был организован специ-

ально для того, чтобы убедить израильских генералов в нежелательности конфликта с Иорданией. Этакий израильский аналог Дьеппского десанта в августе 1942 года*.

Наконец, есть еще одно объяснение латрунской авантюры. Штурм должен был служить задаче консолидации израильского общества. Ради этого штурмовые подразделения были укомплектованы многочисленными эмигрантами из Европы, многие из которых только что пережили Холокост. Пусть они не имели военной подготовки и еле стояли на ногах после пережитых испытаний. Израильский историк Илан Паппе приводит цитату Бен-Гуриона, объяснявшую мотивы израильского премьера: «Есть проблема с выжившими в Холокосте. Они до сих пор никого не пожертвовали для защиты родины».

Коренные израильтяне относились к европейским евреям, пережившим геноцид, с презрением. Немецкая еврейка так описывала то, с чем она столкнулась на новой «родине»: «Они (коренные израильтяне) даже обсуждали, не построить ли им вторую столовую, так они не хотели обедать вместе с нами, “сабоним”. Так они называли нас: сабоним, куски мыла. Потому что немцы делали мыло из тел евреев... Они презирали нас. Относились к нам едва ли как к людям. Они называли нас

* Речь идет о самоубийственной атаке канадских войск на побережье оккупированной немцами Франции. Есть гипотеза, что Черчилль намеренно послал канадские части на смерть, чтобы продемонстрировать Сталину невозможность открытия второго фронта.

“человеческой пылью”. Мне не раз говорили, что я должна винить только сама себя за все, что произошло со мной во время войны. Я должна была покинуть Европу, откликнуться на зов Сиона давно. Вы сами накликали это на себя, говорили, большинство из вас – дегенераты. Презренные лавочники, торгаши, оторванные от земли, которая была вашей по праву. Некоторые из них говорили, что Гитлер был послан в наказание. Они отмечали наше телосложение: слабое, нездоровое, не склонное к работе, так же как и к вспашке земли или защите этой земли от врага. Геббельс был прав в своем описании нас...» Трупы эмигрантов у стен Латруна должны были продемонстрировать коренным израильтянам пользу от новоприбывших, хотя бы в качестве пушечного мяса.

450 эмигрантов – «олим», только прибывших на корабле «Каланит», по личному приказу Бен-Гуриона были немедленно отправлены на плац. Незнающие иврита, они не понимали команд и не могли освоиться с выданным им оружием. Впереди их ждала абсорбция в земле Израиля.

Операция Бен Нун

Для захвата Латруна были выделены 450 человек из бригады «Александрони» и 1650 человек из 7-й бригады. Артиллерийскую поддержку наступающим оказывали две старые французские 65-миллиметровые мортиры, 88-миллиметровый миномет, самодельный миномет «Давидка» и десять 76-миллиметровых минометов.

Израильтяне располагали еще 12 бронемашинами, которые не принимали активного участия в бою. Операция получила название «Бен Нун» в честь завоевателя Ханана Ихошуа Бен Нуна (в русской традиции его именуют Иисусом Навином). Вероятно, командование ЦАХАЛа рассчитывало, что стены Латруна падут от звука израильских труб, как некогда пали стены Иерихона. Без помощи с неба шансов на успех у солдат ЦАХАЛа не было. Командование оценивало состояние брошенных на штурм частей как «удручающее», но возглавлявший операцию «Бен Нун» офицер Шломо Шамир получил письменный приказ: «Вы должны исполнить вашу задачу любой ценой».

Любопытно, что у их противника были те же самые библейские аналогии. Командующий Арабским Легионом Джон Глобб писал, что его войска прошли из Иерихона в Рамаллу «путем Иисуса Навина». Теперь им следовало остановить натиск новых филистимлян.

Силы арабов при Латруне не уступали израильтянам в количестве, и превосходили их в качестве. Под командованием подполковника Хабеза аль-Маджали был 4-й полк легиона, поддерживаемый 600 иорданскими добровольцами и 600 палестинцами. Уже в ходе боя им на помощь пришел 2-й полк под командованием майора Джеффри Локкетта. Всего иорданцы и их союзники имели 2300 человек, 17 южноафриканских пушечных броневинов «Мармон-Херрингтон», восемь 25-фунтовых гаубиц, восемь шестифунтовых противотанковых пушек, десять двухфунтовых противотанковых пушек и 16 минометов.

Атака началась в ночь с 24 на 25 мая. Израильтяне шли в бой, не проведя разведку, поэтому они даже не представляли, что за силы их ждут. Из-за непродуманности операции выдвижение к форту шло крайне медленно, что срывало первоначальный план внезапной ночной атаки. Только в четыре часа утра евреи были готовы идти на штурм укреплений иорданцев, не имея никаких шансов подобраться к врагу незамеченными.

На этот раз израильское «авось» – «йхия беседер» – не сработало. Когда взошло солнце, лейтенант легиона Махмуд Мейтах внезапно увидел идущие по пшеничным полям пехотные цепи атакующих. Раздались отрывистые команды, зазвучали свистки сержантов. Легионеры заняли позиции и открыли ураганный огонь по наступающему врагу. Ветеран 32-го израильского батальона вспоминал: «Мы попали под жесткий иорданский обстрел, подобного которому я никогда не испытывал. Вой снарядов имел ужасный эффект. Все мои люди были новыми эмигрантами. Они потеряли головы... Одни призывали к отступлению, другие молили о воде... Раненые были покрыты кровью. Мошкара и хамсин в долине Аялон были почти так же ужасны, как и артиллерия... Ужасен был вой новых эмигрантов, многие из которых – выжившие в Холокосте: “Wasser, wasser”. Обстрел поджег траву, добавив дым к этой смеси». Однако, офицеры беспощадно гнали волны атакующих вперед. В данный момент вполне можно представить картину, аналогичную сцене из михалковской «Цидатели»: английский офицер-джентльмен со слезами на глазах смотрит на отстрел израильтян и го-

ворит: «Это не война, а бойня». Ну а потом, наверное, отдает приказ пленным не брать...»^{*}

Бой действительно превратился в резню. Английские десятизарядные винтовки «Ли-Энфильд», состоявшие на вооружении легионеров, были оружием профессионалов – точным и скорострельным. Еще в Первую мировую войну в Бельгии они выкашивали ряды немцев не хуже пулеметов. В руках бывших кочевников и охотников-бедуинов они были еще смертоноснее. Несчастные еврейские мальчики, брошенные на убой, не могли даже окопаться – командование забыло снабдить их саперными лопатками. Подступы к форту застилали груды тел убитых израильских солдат, но приказа отступить так и не приходило. Артиллерия ЦАХАЛа оказалась бесполезной: снаряды старых пушек не долетали до позиций врага. Шло время. Лишь в 11.30 лежащей под огнем пехоте был дан сигнал к отступлению. Раненых было решено не подбирать... Отход под палящим солнцем и по открытой местности усугубил катастрофу и превратил отступление в бегство. По пятам израильтян с криками: «Смерть евреям!» – устремились арабские ополченцы. Лишь тогда еврейское командование решило пересмотреть приказ о раненых, но было уже слишком поздно. Оставшиеся на поле боя были без жалости умерщвлены преследователями. За сражения Арабский легион потерял 5 человек убитыми и 6 ранеными.

^{*} В действительности, имел место диалог между иорданским подполковником Маджелли и его ближайшим помощником капитаном Махмудом Русаном, наблюдавшими за происходившей у стен Латруна резней: «Как же они нуждаются в Латруне, если их бросают на наши пушки таким образом».

Чунгачгук, как известно, не наступал на грабли дважды, но израильские генералы были далеки от его мудрости. 30 мая ЦАХАЛ начал второй штурм Латруна. В помощь обескровленным батальонам были направлены бригада «Гивати» и пара десятков самодельных броневиков. Во второй раз израильтяне попытались взять форт ночным штурмом, и снова были отброшены назад, потеряв несколько десятков человек. Несколько отчаянных парней из 73-го батальона седьмой бригады даже смогли подойти к стене форта и попытались ее взорвать. Попытка подрыва провалилась, и через несколько минут почти все пластуны были перебиты. Поскольку в этом бою израильтянами применялась целая коллекция самодельной бронетехники, позднее 30 мая был объявлен в Израиле днем бронетанковых войск.

В течение июня израильские войска еще несколько раз атаковали иорданские позиции под Латруном безо всяких успехов. Под конец военное командование ЦАХАЛа в лице начальника генштаба Игаля Ядина и его заместителя Ицхака Рабина взбунтовалось против убийственных распоряжений Бен-Гуриона. Атаки были прекращены. Началось строительство обходной дороги на Иерусалим.

Пейзаж после битвы

Самая правдивая израильская пресса молчала о Латрунском бое. Лишь когда арабские СМИ стали трубить о победе Арабского легиона и 800 убитых израильтянах, газета «Маарив» поместила свою трактовку собы-

тий. По мнению израильских журналистов, израильтяне не собирались брать Латрун, а только нанесли удар по Легиону. Нисколько не смущаясь, газетчики писали, что арабы потеряли 250 человек убитыми, а потери евреев не превысили 10 человек убитыми и 40 человек ранеными.

Начиная с 1950-х годов, израильские историки сводили неудачные атаки при Латруне к «диверсионным маневрам», неудачным, но героическим. Любопытно, что один из творцов мифа о «героическом штурме» полковник Израэль Беер был советским агентом. Начальник генштаба ЦАХАЛа Игаль Ядин, сперва назвавший латрунский бой «великой катастрофой», позже стал говорить, что речь идет «о великой, хотя и дорого обошедшейся победе». Официально было объявлено, что число потерь не превысило 170 человек. В тоже самое время английские офицеры, участвовавшие в бою, утверждали, что израильтяне потеряли 600 человек при первом штурме и еще 600 человек при последующих атаках.

Даже в самом Израиле история Латрунского боя превратилась в мрачную легенду. В 1980-е годы в ходе дискуссий в израильском Кнессете говорилось, что реальные потери ЦАХАЛа составили 2000 человек. Даже если эти цифры завышены, то они наглядно демонстрируют степень недоверия граждан к официальным данным военного командования. В Израиле сложно скрывать боевые потери, но в 1947–1948 годах, когда в страну прибывали огромные потоки эмигрантов, это еще было реально. Это была человеческая пена, «мыло», не входившее в категорию «эхад мин а-хеврей» («один из корешей»). Как говаривал Александр Васильевич Суворов, «кто их, нехристей, считает?»

В заключение отмечу, что с начала 2011 года в России решением президента Дмитрия Медведева и партии «Единая Россия» идет процесс десталинизации. На свет божий вытаскиваются все преступления кровавого диктатора, которые до сей поры по каким-то причинам замалчивались. Девиз «Дотянулся Сталин проклятый!» стал лозунгом миллионов лучших людей России. В этой ситуации непонятно, как создание государства Израиль по приказу Сталина, повлекшее за собой катастрофу палестинцев – НАКБУ, до сих пор не получило надлежащей политической и юридической оценки. Думаю, свое слово должна сказать и еврейская интеллигенция, чья принципиальность хорошо известна. Вся правда о темных пятнах израильской истории должна быть представлена на суд общественности. Все имена жертв – арабов и евреев – должны быть названы. Без этого нельзя идти вперед и строить гражданское общество как на территории бывшего СССР, так и на Ближнем Востоке.

<https://haspar-arnery.livejournal.com/251071.html>

МАДЖАЛ-АШКЕЛОН. ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

«...Да не нужна никому твоя история», – говорила мне с надрывом маленькая рыжеволосая поэтесса на залитом солнцем иерусалимском балконе. Мы вели безнадёжный спор, и с каждым словом между нами росла пропасть непонимания.

Наверное, она была права. Многим израильтянам история действительно не нужна. Она заставляет задуматься о неприятных параллелях, вызывает к жизни мрачные призраки прошлого, тяготит совесть, ставит под сомнение легитимность настоящего.

Историография Израиля и сионистского движения имеет множество белых пятен, а израильтяне, с гордостью повторяющие о том, что «Эрец-Исраэль» – это «их земля», вряд ли могут рассказать, что было на месте их нынешнего дома полвека назад. Возможно, история, которую я расскажу в этой статье, поможет им несколько расширить свой кругозор.

Из тринадцати лет жизни в Израиле я прожил почти десятилетие в Ашкелоне. Этот город, расположенный в сорока километрах от Тель-Авива и в пятнадцати километрах от сектора Газы, заселен эмигрантами из Ирака, Марокко, Грузии, Украины и России. В нем более ста тысяч жителей, довольно красивые новые районы, чудный песчаный пляж и большой археологический парк с фрагментом ханаанских ворот, древнеримским амфитеатром, руинами стен города крестоносцев. Это хорошо известные достопримечательности «местного» зна-

чения, посещаемые многочисленными израильскими туристами и редкими иностранцами.

Но древности Ашкелона не ограничиваются этими руинами. На востоке города, между промышленной зоной, новыми кварталами и ведущему к трассе на Тель-Авив шоссе, расположен Мигдаль – район старых арабских домов, заброшенного арабского кладбища с редкими сохранившимися могилами и мечетью, обращенной в вечно пустой краеведческий музей. Многие годы я ходил мимо этих старых зданий, не слишком задумываясь, кто их построил или что случилось с людьми, которые в них жили. Лишь один красивый двухэтажный дом, огороженный стеной и обреченный на саморазрушение, всегда вызывал у меня легкое чувство сожаления: почему же власти не озаботятся его реставрацией?

Со временем я постепенно, по частям познакомился с историей Маджала – города, который в течение веков стоял на месте нынешнего Ашкелона и был «унесен ветром» в трагические годы Накбы.

В 1270 году под ударами войск мамлюков пал древний Аскалон, «сирийская невеста», один из последних оплотов крестоносцев в Палестине. Город не пережил этой яростной битвы. Вождь мамлюков Бейбарс опасался, что крестоносцы могут отбить Аскалон, и приказал разрушить городские укрепления. Лишь спустя несколько десятилетий к северо-востоку от древнего Аскалона возникло поселение Маджал. Эль-Маджал означает по-арабски «башня». Это довольно распространенное название многих городов и сел в арабском мире. Некоторые семьи Маджала ведут свою родословную от египетских воинов Бейбарса, осевших после победы в Палестине.

В течение последующих веков Маджал был важным перевалочным пунктом на дороге из Сирии в Египет.

В 1517 году его захватил турецкий султан Селим. На 1596 год Маджал стал шестым по численности городом Палестины, его население составляло 2795 человек. Горожане жили за счет сельского хозяйства и ремесленного производства. Существенные доходы приносил и проходящий через город торговый путь. В 1799 году через Маджалом во время своего египетского похода проходил Наполеон.

С начала XIX века в городе началось производство шелковых и хлопчатобумажных тканей, которое продолжалось вплоть до 1948 года. Основателем ткацкой промышленности Маджала был Ибрагим-паша, сын великого реформатора Египта – Мухаммеда Али. В 1909 году в городе было 500 ткацких станков. Правда, к 1927 году из-за конкуренции с европейской текстильной промышленностью их число сократилось до 119. Ткани из Маджала славились своей красотой и качеством. В Южной Палестине из них делали праздничную одежду. Некоторые ткани имели свои особые названия, например Ji'neh u nar («Рай и ад») или Abu mitaun («Отец двухсот»).

К началу Первой мировой войны население Маджала достигло 5000 человек, и после оккупации Палестины англичанами за этим местом окончательно был закреплен статус города. Мандаторные власти рассматривали Маджал как административный центр, из которого осуществлялось управление окрестными аграрными районами. В городе функционировали больница, банк, поликлиника, правительственные учреждения, гражданский и шариатский суды.

Особым предметом гордости горожан были три школы, в которых учились не только жители Маджала, но и окрестных деревень. В городе также функционировала школа для девочек – одна из первых в арабской Палестине.

Маджал во многих отношениях продолжал оставаться сельскохозяйственным поселением и при британском владычестве. Горожанам принадлежало более 40 тысяч дунов (1 дун – 0,1 гектара) окрестных земель, которые они продолжали активно обрабатывать. По пятницам в Маджале функционировал рынок, на который приезжали феллахи из окрестных деревень.

К началу 1948 года население Маджала достигло 9910 человек, из которых 90 человек было христианами, а остальные исповедовали ислам. Был в Маджале и один сапожник-еврей. Фарид Фуджлак, бывший житель города, так описывал его в своих воспоминаниях: «Абу Хамза был единственным евреем, который жил в Маджале. Он был алкоголиком. Все, что он зарабатывал, он тратил в конце дня на алкоголь. Абу Хамза был единственным жившим в Маджале евреем, и наверняка он остался там и потом, после того как мы были вынуждены оставить наш город и наше имущество».

С началом Первой арабо-израильской войны Маджал был оккупирован египетскими войсками. Это произошло 19 мая 1947 года. Но контроль Египта над городом продолжался недолго. Уже в октябре израильтяне предприняли контрнаступление в рамках операции «Йоав». Под угрозой окружения египетские войска были вынуждены оставить Маджал. 5 ноября туда вошли израильские войска.

На тот момент в Маджале находилось только несколько сот человек. Большинство жителей бежало из города в Газу или укрылись от бомбардировок на окрестных плантациях. Никто не думал, что бегство затянется на долгие десятилетия. Ведь еще во время арабского восстания 1936 года около 40 тысяч человек временно покинули Палестину, но после подавления восстания вернулись в свои дома.

Вот как писал о тех событиях один из бывших жителей Маджала: «Моя мать сказала мне, что ее дед только закончил строить большой дом для только что поженившейся семьи сына, когда израильтяне захватили Маджал. Они бежали в Газу, надеясь вернуться через несколько дней, когда ситуация стабилизируется. Они не знали, что израильтяне заселили их дома, а настоящие владельцы домов и земли остались беженцами до конца своих дней. Когда Израиль оккупировал сектор Газа, дед моей матери заплатил за продолжительный визит в Маджал, когда это стало возможным. Он вошел в свой город в тишине и пошел посмотреть свой дом. Там жила еврейская семья из Ирака. С разбитым сердцем вернулся в свой нынешний дом в лагере беженцев. Он умер через несколько дней, сжимая ключи от своего дома».

Решение начать заселять Маджал евреями было принято правительством Израиля в декабре 1948 года. Также как и Маджал, новая колония должна была стать сельскохозяйственным поселением и административным центром. Первые колонисты из числа новых эмигрантов и демобилизованных солдат начали прибывать в город в феврале 1949 года. Еврейское поселение получило название Мигдаль-Гад, взятое из Библии. В июле 1951 года колония была переименована в Мигдаль-Ашкелон, а сентябре 1955 года после слияния Мигдаль-Ашкелона с находившимся неподалеку поселением Афридар возник новый город Ашкелон.

Арабские жители Маджала были поставлены под контроль армии, которой помогал марионеточный комитет из числа местных жителей. После прекращения боевых действий между Израилем и Египтом число арабских жителей города снова несколько увеличилось и достигло 2600 человек, из которых 20 были христианами. В Маджал вернулись люди, прятавшиеся в окрест-

ных плантациях, некоторые беженцы, ушедшие в Газу, пришли жители разрушенных окрестных деревень. Но о возвращении к нормальной жизни не могло быть и речи. Часть арабских домов была разрушена, а оставшиеся кварталы были окружены колючей проволокой и превращены в гетто, покидать которое местные жители не могли без специального разрешения военных властей. Удивительно, но израильские власти почему-то стеснялись называть вещи своими именами. В июле 1950 года министр труда Голда Меирсон (Меир) гневно заявляла: «Я шокирована, когда слышу, как хорошие люди говорят о гетто в Мигдаль-Гаде... Правительство не употребляет термин “гетто”, это образ жизни тамошних арабов...». Заметим, что после войны 1948 года арабские гетто некоторое время существовали в Хайфе, в Яффо и Рамле.

Политика властей была направлена на выдавливание из Маджала арабского населения. Только 300 человек из всего населения города имели право работать. Горожане не могли выходить за пределы гетто и обрабатывать свои поля. Наим Гилади, иракский еврей, присланный работать в военную администрацию Маджала, вспоминал позднее, как крестьяне просили дать им возможность работать в поле: «Наши сердца щемят, когда мы смотрим на апельсиновые деревья, что мы посадили своими руками. Пожалуйста, дайте нам пойти и дать воды этим деревьям. Аллах не простит нам, если мы не будем ухаживать за этими деревьями». Я попросил военного губернатора позволить им пойти на поливку, но тот сказал: «Нет, мы должны заставить их уйти».

Гилади вменялось в задачу заставлять арабов Маджала подписывать специальное прошение на имя инспекторов ООН с просьбой о добровольном переселении из Маджала в Газу.

Среди самих жителей Маджала царили растерянность и замешательство. Мало кто верил, что их город останется под израильским контролем. Одни думали, что он скоро отойдет к Египту. Другие полагали, что Маджал сделают иорданским выходом к Средиземному морю. Лишь после появления еврейских колонистов и переноса египетского военного кладбища в Газу местное население стало понимать, что новая власть пришла всерьез и надолго.

С 1948 года в Маджале довольно активно действовали коммунисты. Еврейские и арабские партийцы поддерживали связь через Мигдаль-Гад, и военная администрация характеризовала их как «неукротимых подстрекателей». Коммунисты призывали не платить налоги марионеточному совету и выступали за улучшение снабжения гетто продовольствием.

Но, несмотря на активность МАКИ (Коммунистическая партия Израиля), коммунисты не были главной головной болью для израильских властей. С ноября 1948 года в районе Маджала появились первые инфильтранты. Речь идет об арабах-беженцах, которые по разным причинам пытались вернуться на территорию, оставшуюся под контролем Израиля. Одни шли в свои оставленные дома, другие пытались собрать урожай на полях, третьи возвращались за своим имуществом. Были и те, кто грабил и убивал попадавших на пути еврейских поселенцев. Правительство и военные определяли инфильтрантов как серьезную проблему для безопасности страны. В 1949 году Ицхак Рабин, будучи оперативным офицером Южного военного округа, распорядился «свести до минимума» число задержанных инфильтрантов, приказав стрелять по ним на поражение, дабы убить их или отогнать за рубеж.

Движение инфильтрантов предредило судьбу жителей Маджала. В январе 1949 года командующий Южным военным округом Игаль Алон высказался за депортацию жителей Маджала, поскольку «город расположен слишком близко к фронту и сектору Газы». Такую же точку зрения разделял преемник Алона на этом посту – Моше Даян. «Бесспорно, что арабская община будет служить прибежищем для инфильтрантов. Более того, арабское поселение у границы – это хроническая проблема...»

Депортация началась в феврале 1950 года. 2333 араба были выселены в Газу. Еще 60 человек отправили в Иорданию. 300 человек из числа коллаборационистов расселили в различных населенных пунктах на территории Израиля. К октябрю 1950 года в Маджале осталось только двадцать арабских семей, которых выселили позднее.

Этническая чистка прошла практически незамеченной. Израильские газеты, естественно, ничего не писали о депортации населения Маджала. Египетская пресса уделила этому событию только несколько полос. Громче всех протестовали депутаты Кнессета от Компартии и израильский профсоюз «Гистадрут». Последний выступил против депортации арабов – членов арабской секции профсоюза.

Сегодня в разных странах проживают около семидесяти тысяч потомков жителей Маджала. Многие из них до сих пор хранят ключи от своих домов, рассчитывая когда-нибудь в них вернуться.

Вопреки пропагандистскому мифу, до появления колонистов Палестина вовсе не была «страной без людей». У арабской Палестины долгая и богатая история. И только когда израильтяне примут эту историю как собственную, они смогут вместе с арабами назвать Палестину своей страной.

<http://liva.com.ua/majdal-ashkelon.html>

«ПРИГРАНИЧНАЯ ВОЙНА ИЗРАИЛЯ»

Начало 1990-х годов в Израиле ознаменовалось заметной либерализацией внутривнутриполитического климата. Экономика страны вступила в период расцвета, связанного с эмиграцией евреев из бывшего СССР, многомиллиардным американским кредитом под их абсорбцию и успехами сектора высоких технологий. Советский Союз – опасный враг Израиля – канул в лету. С 1991 года под покровительством США начались активные мирные переговоры израильтян с соседними арабскими странами и палестинцами, что породило надежды на близкий и выгодный для Израиля мир. В этой атмосфере в академической среде возникли условия для пересмотра израильского прошлого в более критическом духе. Возникло целое направление так называемых «историков-ревизионистов», наиболее заметными фигурами среди которых являются Том Сегев, Илан Папе, Бени Морис, Ави Шлаим. Их работы, поставившие под вопрос общепринятые мифы израильского прошлого, вызвали бурную полемику в научных кругах и гневные филиппики оскорблённых в лучших чувствах «патриотов» Израиля.

Труд «историка-ревизиониста» Бени Мориса «Приграничные войны Израиля, 1949–1956», как мне представляется, может быть особенно интересен для российского читателя. Тема его исследования, мало затронута отечественными историками и даёт представление о вопросах, которыми занимается ревизионистская историография Израиля. Она так же важна в связи с популяр-

ной в России тенденции к адаптации израильского опыта войны с террором. Работа Мориса позволяет понять многое в возникновении проблемы палестинского терроризма*. К сожалению, работы историков-ревизионистов до сих пор не переводились на русский язык, однако английские переводы их трудов получили широкое распространение и вполне доступны.

В чём же заключаются основные положения монографии Мориса?

Война 1948 года привела к разделу Британского мандата Палестины между новообразованным Государством Израиль и его соседями – Египтом и Иорданией. Казалось бы, что установление новых рубежей и подписание Родосского перемирия 1949 года открывали путь к урегулированию отношений между странами региона, но прогнозы оптимистов не сбылись.

Израиль, очевидный победитель в войне, мог быть удовлетворён тем, что он завоевал своё право на существование и захватил большую часть территории бывшей подмандатной Палестины. Но после победы пришли новые тревоги. Руководству молодого государства представлялось, что его территория чрезвычайно уязвима для удара со стороны соседей и недостаточна для приёма миллионов евреев-эмигрантов со всего света.

В свою очередь, арабские страны ощущали себя побеждёнными. Это было не совсем верно. В ходе войны

* Следует отметить, что после начала «интифады Аль-Акса» в 2000 году Морис, подобно многим левым либералам, перешел на крайне правые позиции и стал ярким апологетом насилия над палестинцами. Подробнее со взглядами Бени Мориса можно ознакомиться в его многочисленных интервью, данных израильской прессе (<http://www.rjews.net/gazeta/shait3.shtml>).

Иордания практически удвоила свою первоначальную территорию за счёт аннексии Западного берега реки Иордан. Египет завладел сектором Газы. В то же время, последний этап войны 1948 года прошел под знаком решительных успехов израильской армии. Сотни тысяч палестинских арабов переместились в лагеря беженцев, разбросанные по всему Ближнему Востоку, и являли собой живой укор арабскому сообществу.

Неудовлетворённость результатами войны за «британское наследство» 1948 года породила среди участников конфликта мечты о «войне-продолжении», которая, по планам израильтян, должна была дать их стране новые безопасные границы, а по планам арабов – ликвидировать еврейское государство и смыть позор поражения.

Впрочем, тон арабской пропаганды был гораздо более радикален, чем реальная политика арабских стран. Разговоры о войне с Израилем были необходимы слабым и коррумпированным соседним монархиям, чтобы держать в подчинении арабскую улицу. На практике арабские элиты хорошо осознавали невозможность полномасштабного военного столкновения с гораздо более сильным в военном отношении соседом.

Начиная с 1949 года Сирия, Египет и Иордания предпринимали неоднократные попытки начать сепаратные мирные переговоры с Израилем. Но каждый раз камнем преткновения на этом пути становился территориальный вопрос. Арабские дипломаты в обмен на мир требовали от Израиля таких территориальных уступок, которые удовлетворили общественное мнение их стран. Но как раз это требование было совершенно неприемлемо для Тель-Авива, который, как мы помним, сам имел виды на земли своих соседей.

Между тем обстановка на новых границах, возникших после войны 1948 года, оставалась напряженной. Самую большую проблему для Израиля представляли не враждебные действия соседних арабских режимов, а сотни тысяч палестинских беженцев у рубежей страны. По данным международных гуманитарных организаций, 237968 беженцев укрылись в секторе Газы, 567369 – в Иордании, 126485 – в Ливане, 105999 – в Сирии. Всего за рубежом оказался 1037821 палестинец. Наиболее зажиточные и удачливые сумели уехать в другие страны, но большинство осталось в лагерях беженцев и в арабских деревнях, непосредственно прилегавших к израильской границе. Сразу после завершения боевых действий многие палестинские беженцы устремились обратно на территорию, ставшую подконтрольной Израилю.

Можно назвать несколько причин, побуждавших людей возвращаться назад. Одни просто желали вернуться в свои покинутые дома. Другие хотели забрать оставленные в панике бегства вещи. Третьи пытались обрабатывать свои поля и плантации, находившиеся порой в десятке метров от границы. Некоторые шли в гости к родственникам или пытались найти работу в Израиле. Эта обратная миграция получила в израильской историографии название «хистоненут», т. е. инфильтрация. По израильским данным, лишь в 1951–1952 годах имели место от 10 до 15 тысяч инцидентов, связанных с пересечением арабами израильских рубежей.

Движение палестинцев обратно в Израиль вызвало большое беспокойство среди израильского руководства. Жители приграничных кибуцов и мошавов жаловались, что вокруг их поселений ходят арабы, воруют их иму-

щество и пугают жителей. Следует отметить, что «воровство» зачастую выражалось в попытках собрать урожай на плантациях, ранее принадлежавших беженцам или в попытках забрать своё оставленное имущество. Иногда люди крали сельскохозяйственный инвентарь, чтобы продать его в Иордании и прокормить голодные семьи.

Но главная забота правительства заключалась в том, что массовое возвращение арабов могло изменить положительный для евреев демографический баланс, достигнутый таким трудом в 1947–1948 годах.

Для пресечения возвращения арабов, израильская армия и гражданские власти приняли ряд мер, общий дух которых выразила записка, поданная сган-алуфом (бригадиром) Ицхаком Рабиным, бывшем в 1949 году оперативным офицером южного фронта:

«1. Я бы хотел вернуться к инструкциям, данным в начале операций против инфильтрантов, смысл которых заключается в том, чтобы сократить до минимума количество инфильтрантов, взятых в плен, поскольку у Государства Израиль нет возможности содержать их в заключении.

2. Поэтому следует стрелять на поражение, чтобы убить или отогнать инфильтранта... И если ловят инфильтранта, следует выдворить его за границу в течение 48 часов после проникновения».

Нетрудно представить себе практические последствия подобных приказов.

Лишь по официальным израильским данным, с 1949 по 1956 год от рук израильских солдат погибло около 5000 невооруженных палестинцев – мужчин, стариков, женщин, детей, пытавшихся перейти границу. Порой, по

данным наблюдателей ООН, израильскому обстрелу зачастую подвергались люди, работавшие или двигавшиеся на иорданской или египетской стороне границы. Активно использовалось минирование. Вот выдержка из дневника секретаря приграничного кибуца Эрез за первую половину 1950 года:

«8.01.1950. 5 арабов погибли на шрапнельной мине, которую поставил Аароник (член кибуца).

Через три месяца... Удачный удар. Два араба погибли.

10 апреля. Араб и осёл погибли от мины.

11 апреля. На мине подорвался араб.

13 апреля. На мине подорвался араб». И т. д.

Распоряжения о сведении до минимума числа «инфильтрантов» обесценивали человеческую жизнь со всеми вытекающими из этого последствиями. В этом Морис видит влияние событий 1948 года, когда ценность жизней арабов упала в глазах многих израильтян до минимума. Вот что докладывал офицер израильской военной разведки «Аман» по поводу судьбы сотен инфильтрантов, задержанных в деревнях Западной Галилеи:

«Армия задерживает их. Их проверяют. Многие из них ликвидируются согласно военным распоряжениям».

Тот же источник указывал, что видел много арабов, которых привязывали группами к деревьям и убивали выстрелами в голову. Судьба других инфильтрантов была ещё печальнее. В 1949 году Бен-Гурион писал в своём дневнике: «22-й батальон (бригада “Кармизль”) поймал в Беер-Шеве араба и арабку. Араба убили, а насчёт арабки стали думать (22 человека), что делать: решили и выполнили – её раздели, обрили волосы, изнасиловали и убили». 22 апреля того же года Бен-Гурион

снова пишет, что солдаты из той же части поймали двух девочек арабов и умертвили их после надругательств.

Постепенно охота за инфильтрантами от приграничной зоны распространилась на всю территорию Израиля. 20 и 21 октября 1950 года армия провела крупные облавы в христианских деревнях верхней Галилеи. Во время допросов арабов — израильских граждан раздевали, связывали и били палками по пяткам «по турецкой системе». Многие из тех, кого пытали таким образом, стали инвалидами. Операция в итоге оказалась безрезультатной.

1949–1950 годы стали чёрными годами для израильских арабов. Зачистки с целью поимки инфильтрантов шли по всей стране. Жителей арабских городов и деревень поголовно выгоняли на площади, где их держали часами в поисках чужаков. Любого, у кого не оказывалось израильского удостоверения личности, без слов грузили в грузовики и везли к границе. Вот как описывается трёхдневная зачистка в Назарете 17–19 июня 1949 года, когда солдаты согнали 5000 человек — четверть тогдашнего населения города — за колючую проволоку для проверки:

«Армия не разрешала никому оставаться дома, и среди задержанных были беременные женщины, младенцы, старики, инвалиды и лежащие больные. Армия не различала простых людей и уважаемых граждан, так что даже арабский мировой судья Нацерета был среди задержанных. Всех этих людей держали в загоне несколько часов, в давке и без воды».

Часть задержанных во время облав отправляли в концлагеря, созданные на полицейских и военных базах в Акко, Иерусалиме, Нацрате и Катаре. Там арестован-

ных до депортации из Израиля использовали на тяжёлых работах в нуждах армии и допрашивали нередко с использованием пыток.

Лишь Компартия Израиля выразила протест против происходящего, назвав действия армии «арабскими погромами», на что премьер-министр Давид Бен-Гурион заметил, что это клевета на Государство Израиль. Лишь перед лицом растущего недовольства мировой общественности, когда католическая церковь выступила с протестом против депортаций христиан Галилеи, многие видные представители израильской элиты обратились к правительству с призывом сбавить волну репрессий.

В начале 1950-х годов волна гонений на израильских арабов стала спадать, что, правда, не помешало правительству в 1950 году депортировать из страны тысячи бедуинов Негева и жителей прибрежного арабского поселения Маджал, на месте которого был основан город Ашкелон.

Израильская политика в отношении арабского населения вызвала громкий международный резонанс. Соседствующие с Израилем арабские страны, опасаясь обострения ситуации в приграничной зоне, делали всё, чтобы остановить проникновение палестинцев на израильскую территорию. Сирии и Ливану даже удалось полностью блокировать свои южные границы.

Международную огласку получил случай, когда 2 ноября 1950 года израильские солдаты на глазах у свидетелей на иорданской стороне, как на стрельбище, расстреляли троих палестинских детей – мальчика 12 лет и двух девочек 10 и 8 лет. Этот инцидент вызвал бурные дебаты в британском парламенте. Израильский дипло-

мат в Лондоне Михаэль Кумай писал об этом трагическом инциденте: «Всё это дело создаёт впечатление хладнокровного убийства маленьких беззащитных детей ради спорта».

Но последствия войны с инфильтрантами не ограничились неприятными диалогами на дипломатическом уровне. Под огнём израильских солдат и полицейских постепенно стал меняться характер проникновения палестинцев на территорию Израиля. Если в первое время палестинцы шли на израильскую территорию без оружия, то со временем они стали самоорганизовываться в вооруженные группы и отвечать огнём на огонь. Появляются люди, направляющиеся в Израиль мстить за своих близких, не жалея, в свою очередь, ни женщин, ни детей. Миграция, вызванная экономическими и социальными проблемами, усилиями израильских властей, постепенно стала эволюционировать в спонтанную партизанскую войну. Статистика израильских потерь отражает эту печальную тенденцию. В 1949 году от рук проникающих в Израиль арабов погибло 10–20 израильтян, в 1950 году – 19 израильтян, в 1951 году – уже 48, в 1952 году – 42.

Официальная израильская пропаганда за нападениями на израильтян видела козни соседей или интриги изгнанного иерусалимского муфтия Хадж Амина Хусейни, антисемита и бывшего лидера израильских арабов. Но как уже говорилось, в действительности власти арабских стран делали все, чтобы пресечь незаконный переход границы со своей стороны. Исключением был Египет, который иногда использовал инфильтрантов для сбора разведывательной информации. Что же касается муфтия, то он действительно выделил некоторые суммы для организации нападений на израильтян, но эти день-

ги разворачивались посредниками, и не один из планировавшихся им терактов не был доведён до стадии реализации.

В ответ на нападения на еврейских граждан израильский кабинет приступил к планированию акций возмездия. Бени Морис подчёркивает, что в основе карательных операций, осуществленных израильской армией, лежали действия боевиков еврейских подпольных организаций, действовавших в Палестине в 30–40-е годы с их простой логикой «зуб за зуб». Но не только чувство мести руководило израильскими политиками. По мнению Мориса, карательные акции не только были призваны утратить арабов, но несли в себе важные внутриполитические функции:

1. Демонстрацию активной политики для общественного мнения внутри страны, прежде всего, для потенциальных сторонников оппозиционной ультраправой партии «Херут» («Свобода») Менахема Бегина.

2. Демонстрацию израильского присутствия жителям приграничных израильских поселений.

3. Тренировку армии и воспитание «нового еврейского человека». Как отмечал в 1955 году Моше Даян, «они (акции возмездия) – это наш корень жизни: без них мы бы не были воюющим народом, а без режима воюющего народа мы бы пропали».

Нельзя сказать, что первые боевые действия на границе увенчали израильскую армию лаврами. После войны за независимость старые, наиболее боеспособные подразделения ЦАХАЛ были распущены, а уровень новобранцев был невысок. Львиная доля израильских спецопераций того времени была проведена на территории Иордании, власти которой не слишком беспокои-

лись о безопасности своих граждан. Прекрасно обученные части иорданского легиона под командованием английских офицеров базировались вблизи от столицы страны Аманна, защищая правящую верхушку. Aviации у Иордании не было. Защита деревень Западного берега целиком ложилась на плечи местного ополчения селян. Но даже в этих условиях израильские карательные отряды порой несли потери и были вынуждены отступать на израильскую территорию, бросая убитых и раненых.

Для разрешения этой проблемы израильское командование в августе 1953 года пошло на создание специального отряда командос для действий на иорданской территории. Это подразделение получило название часть 101, а его командирами стали Ариэль Шарон и Меир Хар-Цион. Два месяца спустя, 15 октября 1953 года, солдаты этой части при поддержке 130 парашютистов вторглись в иорданскую деревню Кабию. Жертвой этой акции стали 69 человек – стариков, женщин и детей. Интересно, что базировавшийся неподалёку иорданский легион не ударил палец о палец, чтобы спасти гибнущих людей.

Налет на Кабию и другие приграничные акции ЦАХАЛ, вроде нападения в октябре 1956 года на полицейскую станцию в Калькилии, закончившуюся большими потерями со стороны израильтян (от разгрома нападавших спасли только прибывшие на помощь танки и самолёты), вызвали напряжение в отношениях между Израилем и Великобританией. Иордания была связана с Альбионом оборонительным союзом, и Аманн неоднократно обращался к Лондону с призывами о помощи. Английское общественное мнение было встревожено

информацией о человеческих жертвах среди мирного населения в ходе израильских рейдов.

Своё неудовольствие Израилем неоднократно выражал и Вашингтон, где немало чиновников госдепартамента полагали, что «единственная ближневосточная демократия» — это не союзник, а непредсказуемый «troublemaker», ставящий под угрозу отношения США с арабскими странами. В самом израильском руководстве произошел раскол. Ориентированные на сближение с Западом чиновники израильского МИДа призывали военных смягчить политику по отношению к инфи-

рантам и прекратить политику ответных ударов по иорданской территории. Их точку зрения поддержал и глава МИДа Моше Шарет, второй человек в израильском руководстве. К 1956 году израильской армии было запрещено наносить удары по гражданским объектам и взрывать жилые дома.

Между тем Израилю предстояли новые испытания. В 1952 году в Египте произошел военный переворот, положивший конец режиму короля Фарука. К власти пришла хунта «Свободных офицеров», эволюционировавшая в диктатуру полковника Абдель Гамаль Насера. Первоначально Насер тоже пытался договориться с Израилем, требуя в обмен на мир часть пустыни Негев, но, как и его предшественник Фарук, потерпел неудачу. Отношения между странами стали ухудшаться.

Рейды израильтян на египетскую территорию и «Дело Лавона» (скандал, разразившийся, когда израильские агенты устроили в Каире и Александрии ряд взрывов у представительств Запада, чтобы спровоцировать конфликт между США и Египтом) побудили египтян предпринять ответные шаги. В 1954 году из числа палестин-

ских беженцев египетские спецслужбы начали вербовать отряды диверсантов-федаинов для действия на израильской территории. Первые акции этих отрядов были успешны. Вот как один федаин рассказывал о своих действиях в интервью египетской прессе:

«Мы были в Израиле 9 раз, убили 24 еврея, заминировали каждую дорогу, что пересекали, и дошли до пригородов Тель-Авива... Мы оставались в Израиле 15 дней, непрерывно действуя... О храбрости еврейских солдат он рассказал, что, наткнувшись на израильский патруль, солдаты взмолились во имя пророка Мухамеда оставить их в живых... один еврейский солдат даже схватил мою руку и стал целовать. Я удовлетворил их просьбу... и не стал убивать их сам... но попросил товарища убить их вместо меня, что тот сразу же и сделал. В одном из поселений мы слышали радостные голоса и, по-видимому, танцы. Но мы не атаковали. Приказ, который мы получили, запрещал нам атаковать женщин и гражданских».

Разумеется, в ближневосточной войне долго соответствовать высоким моральным критериям федаины не могли, и в дальнейшем их жертвами стали и мирные израильтяне.

Закупка Египтом чехословацкого оружия в 1955 году повергла израильское руководство в шок. С этого момента война стала неизбежной. Всесильные на тот момент ястребы израильской политики Моше Даян и Бен-Гурион считали, что необходимо разбить Египет прежде, чем тот освоит новую военную технику и сравняется по своему военному потенциалу с Израилем.

Федаинские авантюры предоставили Тель-Авиву отличный предлог для участия в тройственной агрессии

против Египта в 1956 году. Руководство страны очень хотело превратить эту кампанию в «войну-продолжение» и расширить территорию Израиля за счёт южного соседа*. По свидетельству Мордехая Бар-Она, начальника офиса Моше Даяна, 21 октября 1956 года по пути в Париж Бен-Гурион листал библию, чтобы найти подтверждения древних прав евреев на Тиранские проливы. 6 сентября, выступая перед служащими 9-й бригады в захваченном Шарм Эль-Шейхе, Даян прочел солдатам послание премьер-министра:

«Эйлат снова будет первым еврейским портом на юге... и Ютват, называемый Тирана, бывший тысячу четыреста лет тому назад независимым еврейским государством, станет частью третьего израильского царства».

Что же касается федаинов, то их судьба сложилась трагически. После взятия сектора Газы израильскими войсками в октябре 1956 года все пленные федаины и египетские солдаты палестинского происхождения были расстреляны в течение месяца. Всего за три недели израильской оккупации Газы от рук захватчиков погибло около 500 человек. Возмущенные запросы депутатов-коммунистов по вопросу о резне в Газе были отвергнуты. Бен-Гурион в своём дневнике отметил, что он распорядился «удалить» пленных федаинов из Газы. Абрам Ахитов, начальник ШАБАК (израильский аналог ФБР) в Газе во время оккупации, отказался давать интервью по этому вопросу.

* Своей «войны-продолжения» Израиль ждал до 1967 года. Но, как известно, победа в «шестидневной войне» не оправдала ожиданий израильского руководства. Арабские страны, потерпев поражение, отказались заключать мир с Израилем и стали деятельно готовиться к реваншу.

В завершение своей монографии Бени Морис сделал следующие выводы:

1. В 1949–1955 годах Израиль имел возможность заключить мир с соседними арабскими странами, но из-за атмосферы взаимного недоверия и неготовности идти на компромиссы эта возможность была упущена.

2. Наиболее тяжелой проблемой для Израиля в его отношениях с соседями являлась проблема инфильтрантов, против которых принимались самые жестокие, порой бесчеловечные меры. Как пишет Морис, для израильских властей слова «инфильтрант» и «террорист» были синонимами. Борьба Израиля против инфильтрантов оставила глубокий негативный след в отношениях между израильским и арабским народами.

3. К 1954 году проникновение арабов на израильскую территорию всё чаще принимает характер не социально-экономической миграции, а партизанских рейдов. Этим воспользовались египетские спецслужбы, поставившие инфильтрантов под свой контроль и создававшие отряды федаинов.

4. До 1955 года отношения Израиля со странами Западного блока носили сложный и неоднозначный характер. Особенно напряженными были отношения между Израилем и Великобританией, которая опасалась, что удары Израиля по Иордании и Египту подорвут позиции Соединённого королевства в этих странах. Некоторые эксперты даже предполагали возможность военного столкновения между силами Израиля и Англии в регионе, прежде всего в Иордании.

5. 1955 год стал поворотным пунктом в арабо-израильском конфликте. Закупкой оружия в Чехословакии Абдель Гамаль Насер превратил ближневосточный

конфликт из периферийного столкновения второстепенных держав в эпицентр противостояния блоков сверхдержав. Началось быстрое сближение Израиля с Великобританией и Францией, а позднее, и с США.

В дополнение к этим выводам Мориса мне бы хотелось добавить ещё некоторые замечания. Описанное Бени Морисом развитие событий создает впечатление, что раздел Палестины в 1948 году потерпел полное фиаско. Израиль в результате жестокой войны получил клочок земли, на котором его жители отныне должны были существовать в вечном страхе перед недружелюбными соседями. Восточная, арабская часть Палестины, отрезанная от моря и перенаселённая массами беженцев, оказалась экономически несостоятельным гетто, где люди, с одной стороны, жили в страхе перед вторжением с запада, а с другой стороны, лелеяли мечты о мести.

Гражданская война между евреями и арабами, шедшая в стране с 1930-х годов, не закончилась разделом государства. Сразу же после подписания перемирия она просто перехлестнула через новые границы. Действующие лица были всё те же – евреи (израильтяне) и арабы (палестинские беженцы). Израильские власти долгое время не хотели признавать этот факт. До конца 1970-х годов они утверждали, что главные враги их страны – это англичане, соседние арабские страны, СССР, Садам Хусейн, Иран, но не палестинцы. Даже методы борьбы двух общин не изменились с 30-х годов. Арабы расстреливали из засад еврейские автобусы, а израильтяне взрывали арабские дома вместе с их обитателями.

События «приграничной войны» продолжили и «обогатили» традицию насилия между двумя народами

Палестины. 5000 убитых инфильтрантов – это огромная цифра для крошечного палестинского народа. Большая часть погибших были мирными людьми. Террористы появились позже, чтобы мстить за их смерть, за потерю домов, земли и имущества. Всё это следует помнить сегодня, когда многие в России говорят о «борьбе с террором с использованием израильского опыта». Как и любая другая страна, Израиль имеет свои достижения, но пятидесятилетняя кровавая война не относится к их числу. Израилизация России может иметь необратимые последствия в плане сохранения гражданских свобод, соблюдения прав человека и отношений с внешним миром. Это, на мой взгляд, главный урок, который мы должны извлечь из «приграничной войны Израиля» Бени Мориса.

ВОСТОЧНЫЕ ЕВРЕИ В ИЗРАИЛЕ

Еврей это тот, кто говорит на идиш.

Голда Меир,
премьер-министр Израиля¹

Сегодня 40 лет независимости ашкеназского государства, именуемого Израилем, — но кто это будет праздновать? Наши восточные братья в тюрьме? Наши сестры-проститутки в Тель-Барухе? Наши дети в школах — будут ли они праздновать падение уровня образования? Будем ли мы праздновать ашкеназский театр Кишон Саллах? Или рост фанатизма в нашей общине? Отказ от мира? То, что восточная музыка транслируется на периферии СМИ? Безработицу в городах развития? Похоже, «мизрахим» нечего праздновать. Радость и свет только для ашкеназов и во славу ашкеназского государства.

Передовица сефардской газеты
к 40-й годовщине основания Государства Израиль

Средства массовой информации преподносят нам израильское общество как образец единства и солидарности еврейского народа, поднявшегося над классовы-

¹ Это нелепое высказывание звучит еще более анекдотично, учитывая то обстоятельство, что в течение десятилетий в Израиле идиш подвергался гонениям как конкурент иврита.

ми, социальными и этническими противоречиями ради «борьбы с общим врагом». Не вызывает сомнения, что необходимость подавления населения колонизируемой страны и перераспределения ресурсов на основе происхождения и цвета кожи ведет к консолидации поселенцев. Мощные движения белого пролетариата в Алжире и ЮАР, существовавшие в начале XX столетия, были сведены на нет посредством подкупа белой рабочей аристократии за счет угнетенного коренного населения. Вместе с тем классовые, социальные и этнические противоречия среди колонистов были и остаются существенным фактором, который нельзя игнорировать.

Из выпусков новостей может возникнуть впечатление, что Израиль заселен исключительно выходцами из Европы и Америки. Фамилии и внешний облик большинства израильских министров, политиков и бизнесменов, казалось бы, подтверждают этот тезис. Но если вы отклонитесь от привычных туристических маршрутов и приедете в израильские провинциальные городки на юге и севере страны, то увидите множество израильтян восточного и африканского происхождения.

Исторически евреи делятся на две крупные субэтнические группы – ашкеназов и сефардов. Ашкеназы – это выходцы из Германии (Ашкеназ), которые на исходе Средневековья в своей массе переселились на восток – в Центральную и Восточную Европу. Сефардами называют выходцев из Испании (Сфарад), изгнанных со своей родины в XV веке. Большинство сефардов эмигрировало на восток и расселилось по территории Османской империи – от Салоник до Марракеша. Но некоторые сефарды обосновались в Западной Европе, например в Голландии.

В Израиле ашкеназами, как правило, называют всех европейских евреев, а сефардами — всех восточных евреев, хотя это не совсем верно. Так, многие йеменские евреи — это потомки арабских племен, принявших иудаизм, а многие марокканские евреи — это обращенные в иудаизм берберы. Поэтому, говоря о восточных евреях, было бы точнее использовать ивритский термин «мизрахим», то есть «восточные».

На сегодняшний день восточные евреи составляют около 35–40% от еврейского населения Израиля, но до сих пор их присутствие более заметно на заводах, в кварталах бедноты и в тюрьмах, чем в кабинетах власти. Как можно объяснить это явление в стране «для всех евреев»?

В 1988 году профессор Нью-Йоркского университета, иракская еврейка Элла Шохат выпустила в свет работу «Израильские внутренние колонии», в которой был представлен обзор истории интеграции восточных евреев в израильское общество. Эта статья стала важным этапом в ревизии сионистской мифологии, созданной вокруг судьбы «мизрахим» в Израиле.

Официальная израильская историография повествует о тяжелой жизни восточных евреев в арабском мире — в условиях нищеты, невежества и постоянных гонений. После основания Государства Израиль «мизрахим» были изгнаны арабами из своих домов и нашли прибежище в «земле, текущей молоком и медом». Естественно, это соответствовало многовековым сионистским чаяниям восточных евреев.

Спасенные от жесткого арабского ига, эмигранты оказались в процветающем западном обществе с его терпимостью, демократией и «человеческими ценностями».

ми», которые вошли в противоречие с их левантийскими привычками и образом жизни. Прибывшие с деспотичного, неграмотного, сексистского Востока, «мизрахим» были консервативны, религиозны и реакционны. Кроме того, они были полны ненависти к угнетавшим их арабам и потому до сих пор выступают против любого разумного урегулирования палестино-израильского конфликта. Израильские политические институты, образовательная система и социальные службы сделали все возможное, чтобы успешно интегрировать своих еврейских братьев с Востока в израильское общество.

Между тем, как отмечает Шохат, с момента своего создания сионизм был чисто европейским колониальным движением и в первые десятилетия своего существования не проявлял никакого интереса к евреям Востока. Будущий Израиль должен был стать государством эмигрантов из Польши, России, Австро-Венгрии и Германии – «маленькой Швейцарией» на Ближнем Востоке. Присутствие восточных евреев в нем не планировалось.

Со своей стороны, евреи Северной Африки, Азии и Палестины не проявляли никакого интереса к сионистскому проекту. Живя в непосредственной близости от Палестины, они никогда не пытались вернуться «на историческую родину». Будучи представителями мелкой и средней буржуазии, свободных профессий, ремесленниками и купцами, восточные евреи в целом были финансово обеспеченными людьми. Еврейские семьи Жаке, Бушара, Бакри, Буснаш в течение многих лет доминировали среди евреев Алжира, а также в финансово-торговой сфере всей страны. Коэн Бакри, четверо его сыновей и зять создали консорциум, контролировавший большую часть алжирской торговли. Еврейские банки-

ры получили монополию на торговлю зерном. Агенты Бакри работали в городах Африки, Леванта и крупных центрах Европы. Процессы разложения феодального общества и миграции, в которые были втянуты евреи Восточной Европы, обошли «мизрахим» стороной. После начала европейской колонизации евреи нашли общий язык с колониальными властями и зачастую не без выгоды для себя выступали в качестве посредников между европейцами и коренным населением. Например, в Алжире местные арабоязычные евреи получили французское гражданство в 1870 году – невиданная милость для туземцев! Несмотря на то что история взаимоотношений евреев Востока с соседними народами не была безоблачной, она, как пишет Шохат, отнюдь не являлась хроникой погромов. Полиэтнический и поликонфессиональный мусульманский мир был гораздо терпимее Европы. Более того, либерализация и европеизация XIX – начала XX века ускорила интеграцию «мизрахим» в окружающие их арабское, турецкое и иранское общества. Евреи внесли значительный вклад в арабскую культуру и многое из нее заимствовали. Либеральные реформы открыли для евреев путь в органы государственной власти. В 1940-е годы министром финансов Ирака был еврей Исаак Сасон, а министром финансов Египта – Ямас Санау.

Многие «мизрахим» не скрывали своих антисионистских настроений. В сионизме они видели, во-первых, религиозную ересь (ведь, согласно канонам, переселение евреев в Эрец-Исраэль возможно только после прихода Мессии – Машиаха), а во-вторых, фактор, который может осложнить отношения с соседями. Руководство иракских евреев открыто выступало против

сионизма. В 1929 году верховный раввин Ирака опубликовал открытое письмо, в котором отрицал сионизм и декларацию Бальфура¹. Не менее активную позицию заняли сефарды Палестины – коренные жители этой страны, которых еще называли «Старым ишувом». В 1920 году они подписали антиссионистскую петицию палестинских арабов к британским властям. В 1923 году среди сефардов раздавались лозунги против «ашкеназского сионизма» и в поддержку Мусульмано-Христианского комитета Муссы Хассам аль Хусейни. Активная оппозиция «Старого ишува» привела в 1924 году к убийству Якова де Хаана, которого застрелил на ступенях синагоги больницы Шаарей-Цедек за антиссионистскую деятельность боевик «Хаганы» по приказу будущего президента Израиля Ицхака Бен-Цви².

Заметим, что палестинское движение на первых порах тоже четко разделяло сионистов и евреев, «которые живут в мире между арабов». В петиции иерусалимских арабов от ноября 1918 года говорилось: «Мы хотим жить в... равенстве с нашими братьями-израильтянами,

¹ «Декларацией Бальфура» называют письмо министра иностранных дел Великобритании лорда Бальфура барону Ротшильду, где говорилось о согласии английского правительства на создание еврейского национального очага в Палестине. Правда, одновременно англичане пообещали Палестину и своему арабскому союзнику эмиру Файсалу.

² Якова де Хаан (1881–1924) – голландский еврей, поэт и публицист. Первоначально он состоял в рядах социалистов, но затем стал ортодоксальным иудеем. Как и многие другие незаурядные люди Голландии, де Хаан был гомосексуалистом. Воодушевленный идеями сионизма, он эмигрировал в Палестину, но вскоре разочаровался в увиденном и стал обличать сионистский проект в европейской либеральной прессе.

рожденными в этой стране, их права – это наши права, и их обязанности – это наши обязанности». На всеирийской конвенции 1919 года присутствовали и арабские евреи. На первой антиссионистской демонстрации 1920 года в Назарете выкрикивали лозунги: «Евреи, люди этой страны, жившие с нами до оккупации, – наши братья, и евреи во всем мире наши братья!»

Несмотря на то что «мизрахим» не собирались содействовать реализации сионистской мечты, а европейские сионисты даже и не думали об их привлечении к этому проекту, в начале XX века восточные евреи все-таки начали переселяться в Палестину. Чем это было вызвано?

Одним из базовых понятий сионизма был принцип «Авода иврит» – «еврейская работа». Он восходит еще к временам еврейского «Просвящения» («Хаскалы») XVIII–XIX веков и подразумевает переход евреев к продуктивному, облагораживающему, производительному труду. В контексте сионистской идеологии «Авода иврит» подчеркивала разницу между эксплуататорами-колонизаторами и еврейскими поселенцами, которые будут зарабатывать кусок хлеба своим трудом. Но практическая реализация этого принципа привела к конфликту между евреями и арабами, «мизрахим» и ашке-назами и «мизрахим» и арабами.

Еврейские поселенцы стали сгонять с купленных ими земель арабских крестьян, чтобы начать их обработку руками евреев. Эмигранты-социалисты обрабатывали землю сами, но перед землевладельцами-евреями встал вопрос рабочей силы. Бедные евреи из Восточной Европы, как правило, эмигрировали в Америку, и поэтому стоимость еврейского труда в Палестине была до-

статочной высокой. В создавшейся ситуации восточные евреи оказались подходящей дешевой рабочей силой, способной заменить и арабов, и европейских евреев.

«Это место для евреев с востока, особенно персидских и йеменских, профессиональных земледельцев», — писал в 1908 году Яков Теон. Ему вторила газета «Хацви»: «Эти примитивные, естественные рабочие способны делать любую работу без стыда, без философии и без поэзии. ...Это не моя идея, что йеменские элементы должны остаться в своем нынешнем статусе. Да — в их варварском, диком, настоящем статусе. ... Йемениты существуют сегодня на том же отсталом уровне, что и феллахи. ...Они могут занять место арабов».

Для реализации этих планов в Йемен были направлены вербовщики, которым удалось до начала Первой мировой войны завербовать на работу в Палестину около 10 тысяч человек. Людей, приезжавших в «землю, текущую молоком и медом», селили в хлеву или просто предлагали им спать в поле. Это повлекло за собой массовую смерть младенцев. Еврейские латифундисты заставляли женщин и детей работать по 10 часов в день. Приехавшие эмигранты из Йемена не имели никакой социальной защиты. Созданные эмигрантами из Европы, профсоюзы и кооперативы не принимали их в свои ряды. Но уже упомянутый выше Яков Теон радостно писал в 1907 году: «мы можем иметь женщин и девочек-подростков, которые будут работать в домашнем хозяйстве и заменят арабских женщин, которые берут высокую плату. Теперь прислуга будет в доме почти каждого колониста».

Первая мировая война и эмиграция евреев Европы в Палестину в 1920-е и 1930-е годы надолго закрыли тему привлечения евреев Востока. Руководство ишува продолжало строить государство для европейских евреев. Место для «мизрахим» в нем предусмотрено не было. В 1948 году при формировании первого израильского кабинета вопрос участия в нем министра не-европейца вызвал острые дискуссии, сводившиеся к подбору для него наименее значительного поста. Как говорил Давид Ремез из правящей партии МАПАЙ, «у сефардского министра не должно быть никаких грандиозных претензий». В итоге участники спора решили укомплектовать правительство исключительно ашкеназами. Но вскоре власти пришлось вернуться к теме импорта восточных евреев.

К 1949 году планы «большой европейской алии» потерпели полный крах. Большинство выживших евреев Европы предпочли барачным прелестям жизни в Эрец-Исраэль «страданиям» в европейском или американском «галуте». Не сбылась мечта об эмиграции и советских евреев. Сталин осознал, что финансово зависимая от США страна никогда не будет его союзником, и прекратил поддержку сионистского проекта. Израиль испытывал острую нехватку рабочих рук и штыков для освоения и удержания обширных земель, захваченных в 1947–1949 годах. Вопрос привлечения эмигрантов с Востока снова встал на повестку дня.

Идея приема «восточных братьев» не вызвала в израильской верхушке никакого восторга и породила острую полемику. Израильская элита вообще была склонна

рассматривать как не вполне полноценных всех «галутных жидков»¹. А уж «черные» восточные евреи, «черные животные» («schwarze chaise»), были для них существами четвертого сорта. Первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион называл их «мусором». В 1949 году журналист Арье Гельблум писал: «Это эмиграция расы, которую доселе мы не знали в нашей стране... Мы имеем дело с людьми, чей примитивизм бьет все рекорды, чей уровень знаний близок к полному нулю, и что еще хуже, им не дано понять что-либо маломальски интеллектуальное. В целом они лишь чуть лучше общего уровня арабов, негров и берберов того же региона. В любом случае, их уровень даже ниже тех показателей, что мы видели у бывших арабов Эрец-Исраэля. Эти евреи так же не имеют корней в иудаизме и полностью подчинены чувствам и примитивным инстинктам... Так же как и у африканцев, вы найдете у них карточные игры, алкоголизм и проституцию. У большинства из них серьезные глазные, кожные и венерические заболевания... Хроническая лень и ненависть к труду, нет ничего безопасного в этих асоциальных элементах...»

И все же практические соображения взяли верх над расистскими инстинктами израильских элит. В Марокко, Йемен, Ирак и другие восточные страны были посланы израильские эмиссары. Посланники хорошо понимали, что речь прежде всего идет об импорте дешевой рабочей силы. В их инструкциях было четко прописано, что в Израиль следуют вести только молодых и здоровых репатриантов. В Марокко в начале 50-х годов эмигрантов заставляли выполнять физиче-

¹ Галут — изгнание (*иврит*).

ские упражнения, осматривали их зубы и мускулы. Глава миссии в Йемене Шмуэль Явнели в открытых документах витиевато слал «нашим братьям Бней-Израэль из далекой Йеменской земли приветствие из Эрец-Израэль». Но в своих закрытых отчетах на основе антропологических данных сравнивал работоспособность различных еврейских племен. Ицхак Рафаэль из Национально-религиозной партии успокаивал руководство «Сохнута»: «Не стоит беспокоиться касательно приезда [в Израиль] большого числа хронически больных, им надо идти пешком [до места посадки в самолеты] около двух недель. Серьезно больные не способны проделать такой путь».

Но у израильских посланников имелась еще одна проблема. Как мы писали выше, «мизрахим» не стремились в Израиль. В 1950 году, когда иракское правительство предложило евреям свободный выезд в обмен на лишение гражданства и имущества, страну покинули только несколько человек. Миф о том, что арабские страны изгнали своих евреев в ответ на провозглашение Израиля, является не более чем сказкой «асбары» (израильской пропаганды).

Во-первых, значительная часть арабских стран – Марокко, Алжир, Тунис – к моменту основания Израиля являлись колониями европейских стран. Во-вторых, арабские режимы не собирались помогать Израилю людскими ресурсами и квалифицированными специалистами. Как правило, эмиграция евреев в арабских странах была запрещена или тщательно контролировалась. Сионистские посланники действовали нелегально.

Правда, нужно отметить, что многие евреи арабских стран чувствовали себя неуверенно в связи с началом

подъема арабского национально-освободительного движения. Часто евреев обвиняли в слишком тесных связях с колонизаторами. Но были и другие примеры. Комитет национального освобождения Алжира дважды специально обращался к «соотечественникам израэлитам» с призывом принять участие в борьбе за освобождение родины. Алжирские евреи проигнорировали это послание и предпочли уехать вместе с «черноногими». Правда, не в Израиль, а главным образом во Францию.

Шохат пишет, что для пробуждения «сионистского самосознания» израильские агенты использовали различные неординарные методы. Массовый исход иракских евреев начался после череды взрывов бомб у еврейских общинных учреждений. 14 января 1951 года взрыв в синагоге Багдада унес жизни четырех человек. За этим терактом стояли агенты израильской разведки и члены правительства Нури Сади, финансово заинтересованные в отъезде евреев. Как всегда, сионисты и антисемиты действовали рука об руку.

Еврейские эмигранты из стран Востока попадали в транзитные лагеря для эмигрантов с нечеловеческими условиями существования. Еврейское агентство сообщало из Алжира «о более чем 50 людях, живущих в комнате четыре на пять метра». Врач, работавший в лагере в Марселе (некоторых эмигрантов везли в Израиль через Францию), писал о причинах массовой детской смертности: «Я не могу понять, почему эмигранты из европейских стран обеспечиваются одеждой, в то время как эмигранты из Северной Африки не получают ничего». Смерть косила переселенцев и в транзитных лагерях Йемена. Заметим, что и спустя десятилетия практика транспортировки эмигрантов из стран третьего мира в Израиль не сильно изме-

нилась. Во время отправки в Израиль эфиопских евреев в начале 1980-х годов («Операция Моше») местные координаторы Еврейского агентства грабили и насиловали репатриантов в аналогичных транзитных лагерях. По прибытии в Израиль эти сионистские активисты были срочно переправлены в Канаду – подальше от тех людей, которых они везли в Израиль.

Эмиграция в Израиль сошла на нет, как только до людей стала доходить информация о том, что их ждет впереди. Некоторые вернулись из транзитных лагерей домой. Другие, по словам сотрудников «Сохнута», «были посажены на борт корабля силой». Оптимисты полагали, что по прибытии в Землю обетованную трудности останутся позади. Но это было не так.

По прибытии в Израиль эмигранты проходили униженную процедуру дезинфекции, а затем их судьба оказывалась в руках чиновников. Сначала у «мизрахим» отнимали их имена – как «не-еврейские» и «арабские». Вместо них в документы вписывались спешно выдуманные ивритские имена и фамилии. Затем приехавших в страну отправляли на поселение. Желания самих эмигрантов в этом вопросе не учитывались. Воля «богоподобных» чиновников разделяла общины и целые семьи. «Мизрахим» расселялись прежде всего в приграничных районах, в рамках программы «укрепления границ». Их домами становились покинутые арабские деревни или барачные городки – «маоборот».

В отличие от хорошо укрепленных приграничных кибуцев, куда восточных евреев не принимали, «маоборот» были совершенно незащитны перед атаками палестинских партизан-федаинов или тех палестинцев, что пытались вернуться в свои дома, чтобы забрать вещи или об-

работать лежащий у границы надел земли. Эмигранты с Востока фактически стали живым щитом на границе. Это подтверждают и арабские источники. Так, в отчете о рейде на территорию Израиля один из фedaинов пишет, что когда они захватили еврейского поселенца, тот рухнул на колени и взмолился о пощаде во имя Пророка. Трудно представить европейского еврея, который молил бы о милости таким образом, да еще, по-видимому, на арабском языке. Разумеется, нападения палестинцев провоцировали в среде «мизрахим» антиарабские настроения – точно в соответствии с политикой «разделяй и властвуй».

В городах выходцев с Востока направляли в кварталы, покинутые арабами. Считалось нормой поселить несколько семей в одну квартиру. Власти никогда не селили в одних районах выходцев из Европы и выходцев с Востока. Инфраструктура, образование, здравоохранение в местах проживания «мизрахим» финансировались по остаточному принципу.

Дешевая, мобильная и манипулируемая сефардская рабочая сила стала основой для израильского экономического роста 1950-х. Политика занятости еврейского государства в первые годы его существования строилась на расовых и этнических принципах. Даже образованный выходец с Востока не мог быть начальником. Он всегда должен был подчиняться европейцу. Писатель и публицист Израэль Шамир вспоминал, что в Израиле в начале 1970-х годов директором, как правило, являлся ашкеназ, десятником – восточный еврей, а рабочим – араб. Это соответствует схеме, существовавшей во многих колониальных странах, где между белыми «господами» и покоренными народами существовала неполноценная «цветная» прослойка – индусы, арабы,

китайцы, — которой отводились функции квалифицированных рабочих, торговцев и мелких служащих.

Большинство эмигрантов стали низкооплачиваемыми строительными рабочими. Сельскохозяйственные поселения, основанные «мизрахим», получали меньше земли и на худших условиях, чем европейские евреи, и поэтому редко были конкурентоспособны. «Мизрахим», занятые в сельском хозяйстве, чаще всего становились батраками в кибуцах, выступавших в качестве коллективных эксплуататоров-землевладельцев. Когда в начале 1960-х годов в Израиле началась индустриализация, выходцы с Востока стали промышленным пролетариатом. Но израильское профсоюзное объединение «Гистадрут» не спешило принимать восточных евреев в свои ряды. Иностраннных инвесторов, прежде всего евреев из США, привлекала дешевизна рабочей силы «мизрахим». В южных районах страны стали возникать моногорода, обслуживающие фабрики. Еще в начале 1980-х годов рабочие на текстильных фабриках получали 150–200 долларов в месяц, что сравнимо с зарплатами стран третьего мира.

Сойдя на землю Израиля, сотни тысяч восточных евреев оказались обречены на нищету, утрату своего социального статуса и прозябание. Их кварталы превратились в зоны бедности, безработицы, преступности и проституции. Это в свою очередь порождало массовое недовольство. Чтобы удержать контроль над «мизрахим», правительство применяло различные политические, экономические и идеологические методы. Начнем, пожалуй, с последних.

Тысячи юных марокканцев, иракцев и йеменцев сразу по приезде в Израиль были взяты от родителей (порой принудительно) и направлены в интернаты, где их

учили в «правильном» сионистском духе. Элла Шохат пишет, что «подобно учебникам французской империи, из которых юные вьетнамцы и сенегальцы узнавали о “наших предках галлах – светловолосых с голубыми глазами”, израильские учебники рассказывали юным марокканским, йеменским и иракским евреям об “их предках”, живших в штетлах (местечках) Восточной Европы». Колонизаторы отнимали у колонизируемых их историю. История евреев Востока и стран, где они жили, оказалась вычеркнута из школьной программы. С точки зрения сионистской историографии, восточные евреи и арабы появлялись на исторической сцене только после возникновения сионизма, когда евреи «обновили библейский мандат». Ладино (язык сефардских евреев) и еврейско-арабские диалекты оказались под запретом. Имена арабоязычных еврейских писателей и поэтов – Анвара Шауля, Мурада Михаэля, Салим Дарвиша – были вычеркнуты из учебных программ. Даже гиганты еврейско-арабской культуры – Маймонид, Йехуда-ха-Леви, Ибн Гвириоль – трактовались как деятели «европейской» или «испанской» цивилизации.

Учителя объясняли детям, что все «арабское и восточное» враждебно Израилю. Темная кожа, арабский язык, музыка и даже гостеприимство были объявлены недостатками. Детей учили стыдиться своих родителей. Этот стыд стимулировался многочисленными случаями, когда восточных евреев принимали за арабов, арестовывали и избивали. Видя себя глазами ашкеназов, «мизрахим» начали себя ненавидеть. Теперь еврейская «самоненависть», «selbst-hass», стала и их болезнью. В ней так же кроется и неприязнь выросших в Израиле восточных евреев к арабам. Видя их, они видят самих

себя, точнее, именно то в себе, что их научили ненавидеть.

Уже в аэропорту или в порту эмигрантов ждали представители израильских политических партий, в задачу которых входила интеграция новоприбывших в израильскую политическую систему. Читатели, наверное, помнят блестящий фильм Мартина Скорцезе «Банды Нью-Йорка», где агенты Тамани-Холла встречали сходявших на берег голодных переселенцев из Ирландии куском хлеба. Власти так же манипулировали эмигрантами через старейшин и лидеров общин, чья власть поддерживалась в обмен на мобилизацию избирателей на выборы и пропаганду лояльности израильскому государству.

Немаловажную роль играло и экономическое принуждение. Напомним, что до конца 1970-х годов Израиль был фактически однопартийным государством, где монополия на власть принадлежала партии МАПАЙ. Представители партии и связанного с ней профсоюза «Гистадрут» жестко контролировали большинство рабочих мест и использовали это для укрепления своей власти. Рабочим-«мизрахим» предлагалось голосовать прямо на рабочем месте, причем перед выборами их предупреждали, что уже на следующий день количество приехавших на работу людей будет точно соответствовать числу карточек МАПАЙ, найденных в избирательной урне. В начале 1960-х годов желающим получить работу прямо предлагалось вступать в правящую партию.

Даже духовная жизнь эмигрантов жестоко регламентировалась. Элла Шохат пишет о парадоксе светского сионизма: ашкеназские евреи страдали от Запада, и их

взоры были обращены на Восток, но идеологически и геополитически их государство смотрело исключительно на Запад. Глядя на сефардов, ашкеназы снова увидели, какими они были в прошлом. Эмиграция из третьего мира и мусульманских стран вызвала у светских европейских евреев волну антисемитизма. «Традиционная еврейская культура» стала синонимом «отсталого», «восточного», того, от чего следует избавиться.

По этой причине борьба с религиозностью восточных евреев велась с такой же энергией, как и борьба с их культурой и историей. С пожилых людей срезали пейсы, им навязывалась светская одежда, детей обучали только по светским программам. Там же, где религиозное образование допускалось, оно было поставлено под контроль ашкеназских раввинов с их «правильными» стандартами средневековой Речи Посполитой.

Несмотря на то что «мизрахим» очень старались стать «правильными» израильтянами и прилежно убивали в себе все «восточно-еврейское», израильский истеблишмент продолжал открыто высказывать презрение и ненависть к «черным». Элла Шохат отмечает, что это более чем забавная реакция, ведь в Европе начала XX века «черными» называли как раз ашкеназских евреев (так, например, иногда называли евреев в царской России и в СССР в 1920-е годы). Теперь же они основали «свое европейское государство» и у них появились свои «черные» – выходцы с Востока.

Социологические и исторические труды противопоставляли «креативных и идеалистически настроенных» европейских рабочих, приехавших поднимать Эрец-Исраэль, «тупым и покорным» выходцам из Марокко и Йемена.

Ашкеназы провозглашались «солью земли». С 1950-х годов популярной темой для обсуждения в израильских вузах стала «этническая проблема». Профессор Йозеф Гросс писал о «ментальном регрессе» и «отсутствии собственного я» у восточных евреев. В 1964 году Кальман Каценельсон опубликовал трактат «Ашкеназская революция» об опасности пребывания в Израиле большого числа восточных евреев, так как со временем это приведет к исчезновению чистой европейской крови в результате смешанных браков.

Даже «дружественно настроенные» газеты, радиопередачи, детские книжки делали упор на «экзотичность» восточных евреев. Как правило, их изображали в традиционных одеждах, в синагогах, на фольклорных мероприятиях, но никак не за рулем автомобиля или на университетской кафедре. Шохат отмечает, что правители Израиля проецировали на восточных евреев свое местечковое прошлое, не вполне осознавая, что такие мегаполисы, как Стамбул, Багдад и Александрия, несколько отличаются от великих европейских культурных центров – Жмеринки, Бердичева и Крыжополя. Даже операции по трансферу восточных евреев в Израиль носили «ориенталистские» названия – «Али Баба», «Ковер-самолет».

Но не все «мизрахим» из «любви к Сиону» безропотно сносили свою участь.

Уже в транзитных лагерях имели место демонстрации под лозунгами «Хлеба и работы!» Давид Хорвиц, министр финансов при Бен-Гурионе, охарактеризовал настроение восточных евреев в лагерях как взрывоопасное и мятежное. В 1959 году в хайфском квартале Вади-Салиба произошло восстание «мизрахим» против нище-

ты и дискриминации под лозунгом «Король Марокко, заberi нас обратно!» Выступление было подавлено силами армии и полиции.

В начале 1970-х годов в Израиле возникло движение «Черные пантеры», охватившее молодых выходцев из Марокко. Это название было заимствовано у негритянского движения в Америке, но оно также намекало на кличку «черные животные», данную израильской верхушкой выходцам с Востока. «Черные пантеры» были инициаторами многотысячной демонстрации в Иерусалиме в мае 1971 года, когда народ забросал полицию камнями и «коктейлями Молотова». 170 человек были арестованы, еще 35 – ранены. Ранения получили 70 полицейских.

Власти отреагировали на протесты истерикой в прессе. Она писала о «восстании люмпенов» и «этнических тенденциях, которые раскалывают единство нации». (Как отмечает Элла Шохат, ашкеназские организации и партии никогда не считали себя этническими и подразумевали, что являются «институтами для всех граждан». Что, не мешает сефардам говорить об «ашкеназских газетах», «ашкеназском телевидении», «ашкеназском суде» и даже об «ашкеназской армии»). Недовольство объяснялось подстрекательством и заговором: дескать, воду в транзитных лагерях мутили левые иракские эмигранты, а в Вади-Салибе и Иерусалиме в 1971 году протестовали склонные к насилию марокканцы.

Заметим, что «Черные пантеры» были левым движением, близким к Компартии. Они призывали к «настоящему диалогу с палестинцами», которые, по их словам, были «интегральной частью политического ландшафта на Ближнем Востоке». Они были одной из

первых израильских групп, встретившихся с представителями ООП.

В 1982 году беспорядки «мизрахим» в Иерусалиме повторились – после того, как полицейские убили сефарда, незаконно выстроившего пристройку в своем бедном районе.

К сожалению, в конечном итоге протест выходцев с Востока был использован крайне правыми силами. Почему это случилось?

Единственной крупной оппозиционной партией Израиля на протяжении всей послевоенной эпохи был «Херут» Менахема Бегина. Именно эта правая партия стала центром притяжения «протестного голосования» «мизрахим». Буржуазия и средний класс, оказавшиеся перед лицом угрозы люмпенизации или пролетаризации, в большинстве случаев склоняются к ультраправым и фашистским настроениям. Так было и в Германии начала 1930-х годов, и в Восточной Европе 1990-х. Аналогичные процессы затронули и приехавших в Израиль эмигрантов из бывшего СССР.

За тридцать лет своего правления правящая партия МАПАЙ изрядно дискредитировала слово «социализм». А израильские профсоюзы, как мы уже писали выше, проводили относительно восточных евреев откровенно дискриминационную политику. Достигла своей цели политика «разделяй и властвуй» в отношениях между «мизрахим» и арабами. Как мы видели, восточные евреи были подставлены под удары арабских атак на границе. «Мизрахим» были вынуждены конкурировать с арабами за низкооплачиваемую работу и зарплату, что позволяло элитам манипулировать этими двумя группами. Многие восточные евреи из экономических соображений отпра-

вились жить в поселения на оккупированных территориях. Сегрегация позволяла палестинцам и «мизрахим» получать информацию друг о друге главным образом из контролируемых истеблишментом СМИ. Правда, «мизрахим» говорили по-арабски и были воспитаны в культуре Востока. Но многие из них являлись выходцами из среднего класса, к тому же из крупных городов. Можно предположить, что здесь кроется еще одна причина неприязни между «мизрахим» и палестинскими крестьянами.

Голосование восточных евреев в поддержку «Херута» (позднее «Ликуда») в 1977 году привело к завершению эпохи однопартийной системы в Израиле. Это вызвало недовольство в рядах истеблишмента, который на тот момент ассоциировал себя с партией МАПАЙ (позднее «Авода»). Ситуация еще больше обострилась после начала Ливанской войны 1982 года. Если значительная часть верхушки видела в этой войне ненужную авантюру правительства Бегина, то «мизрахим» восприняли антивоенные настроения как атаку на «свое» правительство.

Начало 1980-х годов стало временем рождения нового пропагандистского мифа о «прекрасном Израиле, который мы потеряли в 1977 году», и «реакционерах с Востока». Известный либеральный политик Шуламит Алони без колебаний назвала «мизрахим» «дикими племенными силами». Генерал Мордехай Бар-Он, один из лидеров лево-либерального движения «Шалом Ахшав»¹, рассуждал о том, что поведение выходцев с Востока объясняется «сильной ультраправой тенденцией», «лояль-

¹ Либеральное движение, выступающее за заключение мирного договора с палестинцами

ностью к персональному руководству Менахема Бегина», «укоренившейся ненавистью к арабам», «естественной и традиционной тенденцией... следовать за харизматичным лидером». «Мизрахим» – это примитивные восточные люди, которые воплощают все то темное, что есть в Израиле: «они» уничтожили прекрасный Израиль, превратили его в ультраправое антидемократическое государство, они поддерживают оккупацию, выступают против мира и т. д.

В 1983 году выходец из Марокко Иона Аврушми бросил гранату в демонстрацию «Шалом Ахшав». Жертвой теракта стал сотрудник института «Ван-Лир» Эмиль Гринцвайг, эталонный «белый» израильтянин, представитель среднего класса. К тому же Гринцвайг был правозащитником и пацифистом. Известный либеральный журналист Амнон Данкнер откликнулся на случившееся статьей в газете «Ха-Арец» под заголовком «Нет у меня сестры». Там, в частности, говорилось:

«Эта война [между ашкеназами и сефардами] не идет между братьями не потому, что нет войны, а потому что нет братьев. Поскольку я – участник войны, которая навязана мне, я отказываюсь называть другую сторону “братьями”. Они не мои братья, они не мои сестры, оставьте меня в покое, у меня нет сестры... Они накидывают вонючее одеяло любви к народу Израиля на мою голову и призывают меня преодолеть культурные различия и чувство дискриминации... Они сажают меня вместе с истеричным бабуином и говорят: “Окей, теперь вы вместе, начинайте диалог”. И у меня нет выбора; бабуин против меня и охрана против меня, и пророки любви к Израилю стоят около меня и шепчут мне в ухо:

“Будь с ним ласков, брось ему банан. В конце концов, вы – братья”».

Если бы Амнон Данкнер не был ашкеназским интеллектуалом, а был простым русским бандитом, он бы, наверное, лаконично заметил: «Не брат ты мне, гнида черножопая!» Но Данкнер – интеллигент, поэтому не стоит винить его в излишнем многословии.

С точки зрения Эллы Шохат, причитания израильских левых либералов просто смешны. Речь идет о страдающих нарциссизмом людях, которые начали войну, убивали и мародерствовали, изгнали палестинцев с их земель, годами навязывали «мизрахим» антиарабскую идеологию, а в итоге – винят во всем своих жертв. Их стремление к миру ограничивается болтовней. Ашкеназские элиты, разумеется, готовы заниматься проблемой социального и этнического неравенства, но «только после заключения мира».

Профессор Шохат видела решение проблемы «мизрахим» в совместной борьбе с палестинцами и диссидентскими группами европейских евреев против сионистского государства. Но политические, социальные и экономические процессы в израильском обществе привели к иным результатам.

В 1980–1990-е годы наблюдатели отмечали растущую интеграцию восточных евреев в израильское общество. Увеличилось количество «мизрахим», получающих высшее образование и занимающих государственные должности, культура и история евреев Йемена, Марокко и Ирака получили отображение в средствах массовой информации и учебных программах. Израильская пропаганда, чуткая к новейшим идеологическим наработкам Запада, заговорила о «мультикультурном

обществе», оставив миф о «новом еврейском человеке». Некоторые «мизрахим» смогли использовать экономический рост 1990-х годов и преуспеть.

Однако, с другой стороны, процесс рыночных реформ привел к массовому закрытию предприятий в городах израильской периферии, прекращению строительства социального жилья и сокращению социальных пособий. И большинство «мизрахим» остаются в нижней части пирамиды израильского общества.

Разочаровавшись в политике «Ликуда», с середины 1980-х годов многие выходцы с Востока стали отдавать свои голоса партии «ШАС» («Всемирное единство сепардов, соблюдающих Тору»). Эта религиозно-националистическая партия имеет мало аналогов в Европе, но сильно напоминает исламские партии в соседних арабских странах. Руководство партией осуществляет «Совет мудрецов Торы», который и формирует партийный список на выборах в парламент. Растущее влияние «ШАС» вызвало сильное беспокойство в израильской верхушке. В 1999 году после многолетнего судебного процесса был отправлен за решетку один из самых харизматичных лидеров этой партии – Арье Дери. Впрочем, беспокойство израильских верхов оказалось напрасным. Несмотря на популистские лозунги и ритуальные обвинения «ашкеназов» и «русских гоев» во всех смертных грехах, партия «ШАС» во время своего пребывания в различных израильских кабинетах проводила тот же антисоциальный курс, что и все прочие партии. И после череды электоральных триумфов начала 1990-х избиратели охладели к «ШАС».

Как и раньше, большинство «мизрахим» поддерживают ультраправый лагерь. «Мирный процесс» 1990-х годов,

в ходе которого многие предприятия в Офакиме, Кирьят-Малахи, Ашкелоне и других периферийных городах были закрыты и вынесены в соседние арабские страны или в специальные индустриальные зоны на границах с палестинскими землями, лишь укрепил эти настроения. К тому же лейбористская партия «Авода», преемница «МАПАЙ», придя к власти в начале 1990-х годов, проводила приватизацию и антисоциальную политику не менее активно, чем «Ликуд». Напомним читателям, что убийца премьер-министра Ицхака Рабина – Игаль Амир – также был восточным евреем, выходцем из Йемена.

* * *

История эмиграции восточных евреев важна не только для понимания колониальной и расистской природы израильского государства. Трагедия «мизрахим» может служить для анализа процессов, связанных с «русской алией», в Израиле на рубеже 1980-х и 1990-х годов.

Как и «мизрахим», советские евреи были чужды сионистских стремлений и по возможности предпочитали эмигрировать в США. Лишь ограничения на эмиграцию в Америку, принятые под нажимом израильского лобби, направили поток эмигрантов, бегущих из разрушавшегося СССР, в Израиль. Вызывают интерес и распространяемые в конце 1980-х годов слухи о «неминуемых» еврейских погромах. Учитывая практику сионистов в Ираке, вполне возможно, что речь идет о целенаправленной провокации израильских спецслужб.

Прибывшие в Израиль эмигранты рассматривались израильскими властями как дешевая рабочая сила, которая должна была заменить палестинцев после начала первой интифады.

Стратегия «разделяй и властвуй», успешно испробованная истеблишментом по отношению к «мизрахим», была с еще большим успехом применена по отношению к выходцам из СССР. По приезде в Израиль «русские» должны были конкурировать на рынке дешевой рабочей силы как с палестинцами, так и с восточными евреями. Причем эмигранты стали конкурировать с «мизрахим» в получении не только низкооплачиваемой работы, но и государственного жилья и социальных пособий.

Как и раньше, государство стимулировало расселение эмигрантов в приграничных районах: Сдероте, Ашкелоне, Офакиме, Беер-Шеве на юге и Кирьят-Шмоне на севере. Там они становились «живым щитом» против атак палестинцев. Тысячи эмигрантов направились на оккупированные территории, где жилье предлагалось на льготных условиях и по низкой цене. За счет эмиграции из бывшего СССР такие поселения, как Ариэль, Кирьят-Арба, Маале-Адумим, превратились в крупные города, что делает палестино-израильское размежевание по линии 1967 года фактически немыслимым.

Правящие круги Израиля с блеском раздували межнациональную и межэтническую рознь. Как и раньше, «русские», «мизрахим» и арабы узнавали друг о друге при посредничестве израильских СМИ. Тот, кто читал израильские газеты последние два десятка лет, мог узнать, что эмигранты из стран СНГ – это вообще не евреи (что, естественно, ставит их на самые низшие ступени израильского общества), а сборище проституток, уголовников с купленными дипломами, насильников над детьми и физически нечистоплотных личностей. Ора Намир, министр труда и социального обеспечения

в правительстве Ицхака Рабина, даже заявила, что в семьях «русских» евреев практикуется инцест¹.

Естественно, «русские» – закоренелые арабофобы², как и восточные евреи. В израильских газетах и те и другие, как правило, противопоставляются добрым и гуманным коренным израильтянам европейского происхождения.

По мнению израильских политиков и ученых, эти многочисленные пороки русских евреев не могут быть результатом «абсорбции» в «демократическом» израильском обществе. Политики, эксперты, журналисты от Ури Авнери до Билла Клинтона дружно обличают выходцев из бывшего СССР как «носителей тоталитарного сознания». Набор претензий в их адрес практически дословно повторяет обвинения в адрес «мизрахим»: «они украли у нас страну; они приехали не воплощать высокие сионистские стремления, а ради “виллы-вольво”; они превратили “либеральный и демократический Израиль” в злобное ультраправое государство, возглавляемое Натаниягу и “Распутиным” – Либерманом».

Профессор Беер-Шевского университета Дан Каспи подчеркивает, что «русские» также являются «носителями кланового сознания» и не понимают базовых принципов демократии. «Можно ли ожидать от молдавской иммигрантки-нееврейки или репатрианта из Эфиопии понимания принципов израильской демократии?» –

¹ См. материалы выступлений израильских политиков, исследований социологов и статей журналистов касательно темы «русских» евреев.

² Трудно представить, как в России, на Украине, в Казахстане, не видя ни одного живого араба, советские евреи стали лютыми арабофобами.

задается вопросом этот ученый. (Кстати, сам профессор Каспи является уроженцем Румынии – страны с давними демократическими традициями.)

Надо отметить, что русскоязычные израильские журналисты стали достойными партнерами своих коллег из ивритоязычных изданий и старательно просвещали своих читателей касательно недочеловеков-арабов и «марокканцев»-русофобов.

Как и в случае с «мизрахим», эмиграция в Израиль оказалась для бывших советских евреев путем по лестнице, ведущей вниз.

По данным Академического центра «Рупин», третья часть русскоязычных израильтян, имеющих третью академическую степень (бакалавр), заняты на «черной» работе, а 50% обладателей второй академической степени (магистр) трудятся на заводах, в сельском хозяйстве и выполняют низкооплачиваемую работу. 25,7% репатриантов с высшим образованием работают в сфере услуг, 12,9% – заняты на стройках и в сельском хозяйстве, 7,9% – неквалифицированные рабочие.

Зная современное положение «мизрахим», израильские читатели этой статьи могут со скептицизмом относиться к представленным выше тезисам о том, что многие из восточных евреев до эмиграции в Израиль относились к среднему классу. К сожалению, глядя на восточных евреев, «русские» видят свое будущее. Если у 60% эмигрировавших в Израиль советских евреев было высшее образование, то, по данным журналиста Михаэля Дорфмана, лишь 30–50% их детей получают сегодня... аттестат зрелости. Единственное, что отличает «русских» подростков в израильских периферийных городах от их «восточных» сверстников, – это обилие не-

нормативных русских выражений, которые теперь обогащают еврейский и арабский языки. Магазины старой книги и мусорные свалки Ашкелона, Ашдода и пригородов Хайфы завалены изданиями из привезенных домашних библиотек – их скоро уже некому будет читать.

Конечно, по сравнению с «мизрахим» выходцам из СНГ сильно повезло. Они все-таки не знали такой дискриминации, издевательств и унижений. В то же время политическая, экономическая и социальная эволюция этой общины не сильно отличается от пути, который проделали восточные евреи. И та и другая субэтнические группы относятся к нижним стратам израильского общества, стоят на ультраправых позициях и являются объектом успешных манипуляций израильских верхов.

Сегодня, во время демонстраций против социально-экономического курса режима Натаниягу (статья написана в 2011 году), наиболее обездоленные слои израильского общества – «мизрахим» и «русские» – дистанцируются от этого протеста или выражают поддержку правительству. Можно понять процессы, которые привели к политической, экономической и социально-психологической деградации обеих общин. Но нельзя не заметить, что дальнейшее движение по этой дороге приведет и «русских», и «мизрахим» к катастрофе. Поручкой тому является печальная судьба судетских немцев и алжирских «черноногих»¹.

<http://liva.com.ua/mizrahim-in-israel.html>

¹ «Черноногие» – европейские колонисты в Алжире. После обретения независимости они были изгнаны из страны.

ЧУДЕСА ЕВГЕНИКИ

Корни евгеники теряются в анналах истории. Издавна людям приходила в голову идея улучшить человеческую породу. Спартанцы убивали младенцев с явными физическими отклонениями, аристократы предпочитали смешанные браки среди родовитых людей, дабы не портить благородную кровь. Но конечные результаты не оправдали затраченных усилий. Спартанцы перешвыряли в пропасть такое количество младенцев, что сегодня живого спартамца и днём с огнём не найдешь. Аристократия выродилась и деградировала.

Но до поры до времени все эти эксперименты по евгенике не выходили за рамки разумного. Когда это было необходимо, древние роды омолаживали свою кровь при помощи бойких кучеров, а Дездемона без проблем шла на ложе к Отелло.

Но вот настал просвещенный XIX век. Англичанин Чарльз Дарвин предпринял своё знаменитое путешествие на «Бигле» и по мотивам этой поездки написал книгу «Происхождение видов». Тандем Гобино – Чемберлен создал расовую теорию. А некий д-р Франсис Гальтон завернул евгенику в современную научную оболочку и представил её почтенной публике как последнее слово тогдашней интеллектуальной мысли.

И началась свистопляска. Новые идеи прились как нельзя ко двору в век колониальных захватов и капиталистических кризисов. Великие державы получили пре-

красное идеологическое оправдание своих глобальных амбиций. Мы белые – они цветные, следовательно, мы умные, а они дураки и должны жить под нашей властью. Идеи евгеники очень понравились социал-демократам и реформистам, желавшим укрепить систему, не меняя её сути. Мол, если мы стерилизуем душевнобольных, бедных и бродяг, и останутся на земле только молодые и красивые биржевые брокеры. И всё будет хорошо. Теоретики рассуждали, насколько важен высокий процент белой крови в жилах граждан для преуспевания страны. Новообразованные эмигрантские страны всеми правдами и неправдами заманивали голубоглазых блондинов, видя в их семени секрет процветания.

Пронырливые американцы, как всегда, оказались впереди планеты всей и на рубеже XIX–XX веков завезли в страну 2–3 миллиона белокурых норвежцев. Пикантный момент заключается в том, что общее население Норвегии в те годы не превышало двух миллионов человек. Видимо, некоторые импортированные в США норвежцы были ненастоящими. Но так или иначе арийский генофонд Америке был обеспечен, и дальше у янки всё было хорошо.

Южные соседи США по континенту также шли во все тяжкие, чтобы заполучить к себе больше европейцев, до середины XX века. Доминиканский диктатор Рафаэль Трухильо в годы Второй мировой войны даже был готов впустить в страну 100 тысяч евреев, но тут возмутились даже привычные ко всему сионисты, и заблокировали эту инициативу на Эвианской конференции. В конечном итоге бедным латиноамери-

канским диктаторам, чтобы хоть как-нибудь улучшить ситуацию с белой кровью, пришлось вплотную заняться геноцидом индейцев, оформив его как борьбу с коммунизмом.

А первыми, кто разочаровался в евгенике, стали японцы, которые, видимо, поняли, что им никогда не удастся завезти на Острова Восходящего Солнца достаточное количество блондинистых производителей. Последней попыткой, предпринятой японцами в этом направлении, наверное был завоз на японские острова огромного количества русских военнопленных, захваченных в годы войны 1904–1905 годов. С пленными обращались хорошо, видимо, для того чтобы те сохранили легендарную русскую потенцию. Но тут хитроумных самураев постигло разочарование. В условиях неволи русские упорно не желали размножаться, и вместо того, чтобы вплотную заняться гейшами, предавались высокой русской духовности. В итоге после возвращения пленных на родину, генофонд сынов Ямато остался без изменений, зато в Токио и других японских городах появились крупные православные общины. Японцы впали в уныние и от безысходности вернулись к традиционным японским ценностям – сакэ и харакири.

В перерывах между войнами евгеникой серьезно занялись и в просвещённых странах. Идея избавиться от всех проблем буржуазного общества без малоприятных революций представлялась для многих очень соблазнительной. В ряде европейских стран, возникли центры, призванные кастрировать всех бедных, голодных и блаженных. Наибольших успехов в этом направлении достигли США и Швеция. В последней, больных, нищих,

цыган и безумцев стерилизовали ещё долгое время после Второй мировой войны. В США всё происходило очень просто: клиента приглашали заполнить некие бланки за столом, под которым был установлен мощный рентгеновский аппарат. Из-за стола человек выходил уже евнухом.

Нацисты приступили к проблеме со свойственным им радикализмом и перед началом войны стали просто убивать психически больных прямо в лечебницах. Но тут с протестами выступила церковь, и Гитлеру пришлось отложить свои планы, изрядно дискредитировав «светлые заповеди» евгеники, которая с тех пор ассоциировалась с Третьим Рейхом.

А что же происходило на Ближнем Востоке? Как известно, лидеры сионистского движения были не удовлетворены качеством еврейского человеческого материала для строительства нового иудейского царства. Поработав немного на благо Сиона, даже Теодор Герцель в сердцах сказал, что прекрасно понимает антисемитов и претензий к ним не имеет. В перспективе виделся только один выход – новый еврейский человек. Идущий по полям белокурый сабр, не знающий ни страхов, ни сомнений¹. Многие эмигранты из России, оказываясь в Израиле, спрашивают себя: «Почему же нас не любят? Ведь мы такие же ашкеназы, как и снобы из Рамат-

¹ Среди окружения Герцеля наиболее последовательными сторонниками евгеники и расовых теорий были д-р Макс Нордау и д-р Артур Руппин. В каждом израильском городе есть улицы названные в их честь. Последователи господина Нордау даже создали в 1930-е годы одноименный клуб, призванный изучать еврейскую расу и искать пути её улучшения.

Авива». А вот и нет. Ответ на этот вопрос лежит в сионистской идеологии, согласно которой любой профессор «галутного» происхождения и в подмётки не годится Дуду Сасону, торговцу фалафелем из Сдерота. А если духовное, интеллектуальное и нравственное превосходство господина Сасона не очевидно, то можно рассказать, что дипломы у профессора купленные, а жена его женщина низкой социальной ответственности и по ночам ублажает клиентов в Южном Тель-Авиве.

Но и с Дуду Сасоном есть проблемы. Отцы-основатели Израиля разделяли все колониальные предрассудки своей эпохи и долгое время принципиально не замечали евреев Востока. Но наступил 1948 год. И восстало еврейское государство. Но увы, то было не царство Давида и Соломона, а клочок земли на берегу Средиземноморья. Проблема жизненного пространства встала во всей остроте перед вождями Израиля. Но для расширения жизненного пространства требовались солдаты, а их-то как раз и не хватало.

Из Европы удалось заманить тысяч сто евреев, поймав их на неосторожно вырвавшемся слове. Оставшиеся после первых писем от родственников со Святой Земли сказали, что они пошутили и ни в какую Палестину ехать не хотят, и для них лучше лагерь для перемещенных лиц в Германии, чем бараки под Хадерой. Сатрап Сталин создание Израиля поддержал, но делиться евреями не желал, готовясь к жестокой схватке с Америкой в сфере высоких технологий и в космосе.

В израильском руководстве боролись между собой две линии. Одни говорили, что выхода нет и надо завозить «мизрахим». Другие видели в этом страшный грех

разбавления светлой апкеназской крови какими-то африканскими примесями. Сила, мол, не в количестве, а качестве, и со временем можно будет вывести суперсабру, способного одной левой уложить десяток арабов и пару «галутных жидков».

В итоге победила демократия, то есть решение реалиста Давида Бен-Гуриона, который понимал, что, пока выведут нового еврейского человека, пройдут годы, а Великий Израиль надо строить уже сейчас. Правительство дало добро на завоз «марокканцев», «йеменцев» и «иракцев». Добрый вождь даже выразил надежду (незаметно постучав под столом по дереву), что рано или поздно в Израиле появиться «марокканский» начальник генштаба и пообещал израильских 100 фунтов каждой матери, родившей 10 детей.

Но оппозиция не дремала. В министерстве здравоохранения окопались мощные силы сторонников евгеники. Одним из их вождей был д-р Йозеф Меир, уроженец Вены, в течение 30 лет возглавлявший больничную кассу «Купат Холим Клалит». В 30-е годы его статьи о прелестях евгеники были на первых полос газеты «Давар», но в изданный в 1950-е годы полный сборник его трудов они не вошли. Издатели обнаружили ряд неприятных параллелей между идеями д-ра Меира и недавней практикой д-р Менгеле. Другим адептом евгеники был сам начальник департамента здравоохранения, профессор Шифра Шварц, прославившийся зоологической ненавистью к эмигрантам с Востока.

Предлогом для широкомасштабного наступления на представителей «низших рас» послужила такая безобидная болезнь, как лишай. В заявлениях руководство изра-

ильского минздрава лишай превратился в угрозу национального масштаба. На борьбу с ним с 1949 по 1956 год было выделено 30 миллионов израильских фунтов – фантастическая сумма для страны с бюджетом в 60 миллионов фунтов в год. Под Бер-Шевой и под Хайфой были открыты специализированные центры по борьбе с лишаем. Для уничтожения злой болезни у американской армии было закуплено два подержанных рентгеновских аппарата.

Дальше всё было просто. По всей стране с уроков забирали школьников с простыми еврейскими фамилиями Толедано и Кадури и на грузовиках отправляли их в специализированные центры. Там добрые медсёстры брили их наголо, зажимали головы детей между коленями (чтобы не рыпались) и засовывали жертв в рентген-аппарат. После двух-трех подобных экзекуций лишая как не бывало.

Правда, лечение имело некие побочные эффекты типа опухоли головного мозга, онкологических заболеваний и в конечном итоге – долгой и мучительной кончины. Из 100 тысяч восточных евреев, «вылеченных» от лишая, 40 тысяч не дожили до пятидесяти лет. В некоторых семьях от последствий радиации страдает уже второе поколение. Ничего удивительного в этом нет. Ведь вместо допустимых 0,5 рад облучения дети из Марокко получали по 350–400 рад, да ещё по несколько раз!

А где же правда? Правда скрыта в архивах минздрава, но получить доступ к протоколам заседаний министерства так же сложно, как достать протоколы переговоров Гесса с англичанами в 1940 году. Нет доступа и к

больничным картам детей, подвергавшихся рентгено-скопии. С этим связана ещё одна пикантная тайна этого дела.

До сих пор не ясно, кто был тот добрый спонсор, кто оплатил борьбу с лишаем в отдельно взятой стране. Известно лишь, что деньги пришли как всегда из Америки. В программе 1-го канала израильского телевидения было высказано предположение, что средства, возможно, выделила американская компания, производящая рентгеновскую аппаратуру, дабы исследовать побочные явления радиации¹. То, что таковые имели место, во врачебном мире тогда уже никто не сомневался. Лишь в американских комиксах из номера в номер публиковали рассказы о Радиоактивном человеке, приобретавшем при ядерном взрыве сверхчеловеческие способности на страх Аль Капоне и красным шпионам.

Любопытно, что бы сказала израильское правительство, если бы эта история имела место не под Хайфой, а где-нибудь в Биробиджане? Честно говоря, у меня не хватает фантазии представить эту реакцию. Но так как дело было в Израиле, а жертвами борьбы с лишаем стали «марокаим» и «тайманим», то, как сказал нынешний министр здравоохранения Дани Наве, речь идёт всего лишь о врачебной ошибке. Дело закрыто. Не тревожьте заслуженных людей.

¹ О трагедии детей «мизрахим» повествует фильм Давида Белхассена и Ашера Хемиаса «Стригущий лишай», продемонстрированный в программе Дана Маргалита по 10-му каналу израильского телевидения.

После Второй мировой войны евгеника, как и расовые теории, вышла из моды, но это не значит, что нам ничего не грозит. Снова из высоких коридоров мы слышим знакомые мелодии о бедняках, обходящихся казне слишком дорого, об избранности каждого, кто стоит больше 100 миллионов, и о том, что всякие иракцы-мусульмане не воспринимают смерть, как её воспринимаем мы, европейцы. А посему, дорогие друзья, если среди вас есть любители водочки и травки, безумные тунеядцы, живущие на пособие или на сомнительные доходы, недобросовестные потребители, которые к тому же любят расходовать своё семя на внебрачные связи, очень советую вам каждый раз заглядывать под стол, если вас пригласят заполнять бумаги в ответственном учреждении.

ИЗРАИЛЬ И ЛЕВЫЕ

Ноябрь 1967 года. Прошло всего лишь несколько месяцев после окончания Шестидневной войны. Израильтяне всё ещё находятся в эйфории после военного триумфа своей военной машины. Арабский мир всё ещё не оправился от шока после постигшей его катастрофы. Между тем в Европе в сотнях километров от Ближнего Востока назревают новые драматические события. Французские студенты, недовольные архаичными порядками, царившими в системе французского высшего образования, начинают устраивать акции протеста, призывая к реформе высшей школы. Манифестации студентов продолжаются всю зиму 1967–1968 годов, причём студенты всё чаще выступают и с политическими лозунгами, протестуя против войны во Вьетнаме и режима генерала де Голля. В мае 1968 года администрация Сорбонского университета, дабы обуздать «зарвавшихся» студентов, решила впустить на территорию кампуса полицию.

Последствия этого шага хорошо известны. В течение нескольких дней студенческий бунт поставил четвёртую республику на грань краха. Возмущенные жестокостями полиции, рабочие объявили всеобщую забастовку и стали захватывать предприятия, а кое-где и создавать параллельные органы власти. Богачи бежали из страны. Де Голль отправился в штаб франко-германских войск на востоке страны, готовясь, по-видимому, к походу на

Париж. Через месяц ситуация стабилизировалась, но события во Франции имели далеко идущие последствия. В течение последующих лет студенческие беспорядки и выступления рабочих сотрясали западный мир от Скандинавии до Турции. По Соединённым Штатам прокатилась волна восстаний в индейских резервациях и негритянских гетто. Общеввропейское движение затронуло даже Восточный блок: в Чехословакии потерпела неудачу «Пражская весна», а многие эмигранты из ГДР, приняв активное участие в западногерманском студенческом движении, позже присоединились к террористическим группировкам. Последним аккордом тех событий стала революция гвоздик в Португалии в 1974 году, положившая конец диктатуре Салазара.

Сегодня уже мало у кого вызывает сомнения тот факт, что «Красный май» 1968 года оказал огромное влияние на западный мир. Социальная революция в последний (?) раз застучала в сердце европейской цивилизации. События того времени стали переломными и для отношений между Израилем и мировым левым движением. Именно тогда подошел к концу роман между левыми, ведущими свою родословную от Маркса, Ленина, Троцкого, Бакунина, и сионизмом. Именно тогда, в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века, подавляющее большинство коммунистических организаций во всем мире определились со своей антиизраильской позицией, на которой они остаются до сего дня.

У конфликта между марксизмом и сионизмом давние корни. С начала XX века ведущие марксистские теоретики последовательно обрушивались с критикой на сионистское движение не только как на реакционный национализм, отвлекающий еврейских трудящихся от

классовой борьбы, но и как на рецидив колониализма и опасную авантюру. Плеханов высмеивал сионизм, отмечая, что еврейское государство защитит евреев других стран от антисемитизма с тем же успехом, что и Либерея (другой аналогичный сионистскому проект) защищает американских негров от суда Линча¹. Карл Каутский, ведущий теоретик Второго Интернационала, в своей книге «Являются ли евреи расой?», вышедшей незадолго до начала Первой мировой войны, писал, что перед лицом торжествующего восточно-европейского антисемитизма у рабочих-евреев есть два пути: солидарность с трудящимися других национальностей или еврейская солидарность². Каутский наглядно продемонстрировал связь и взаимозависимость между антисемитизмом и сионизмом и поднял на смех претензии сионистов на создание какой-либо приемлемой экономической базы для поселения в аграрной и бедной ресурсами Палестине³. Правда, дальнейшие успехи еврейского ишува заставили его пересмотреть свою позицию. Во втором издании своей книги, увидевшей свет в 1920-е годы, Каутский был вынужден признать экономические успехи сионистов, но лишь для того, чтобы выдвинуть новые аргументы против сионистского проекта.

По мнению Каутского, в Палестине должно было произойти неминуемое столкновение еврейского и арабского национализма, исходом которого могла быть только гибель еврейской колонии. Каутский писал: «Спору нет, что конечная победа будет за арабами; единственный вопрос

¹ *Nedava J. Trotsky and the Jew. Philadelphia, 1972. P. 194.*

² *Kautsky K. Are the Jews a Race? New York, 1926. P. 180.*

³ *Ibid. P. 182–192.*

это — будет ли победа достигнута мирными методами путём вынуждения [евреев] к уступкам или в течение жестокой партизанской войны и кровавых восстаний». В результате арабской победы еврейские бедняки будут вынуждены заплатить кровью за преступления своих лидеров, а верхушка найдёт спасение в бегстве¹. Каутский также подчеркнул зависимость палестинского ишува от империализма (в ту пору британского), подчёркивая, что как только поддержка евреев извне ослабнет, дни их поселения в Палестине будут сочтены. Для Каутского сионизм был аномалией, противоречащей естественному ходу истории (к мировой пролетарской революции), и поэтому в его глазах он был обречен на крах².

Насколько мне известно, эту позицию сам Каутский не подвергал ревизии, но его ученики из числа лидеров Второго Интернационала не отличались столь радикально антиссионистскими взглядами. Правые социал-демократы Эдуард Бернштейн и Леон Блюм уже в 1914 году нашли добрые слова для сионистской рабочей партии Поалей-Циона. Начиная с 1917 года сионисты стали «*persona grata*» для всех социал-демократических организаций Второго Интернационала. В Англии в 1920-е годы даже был основан про-сионистский комитет «За рабочую Палестину», в котором участвовали такие ведущие деятели лейбористской партии, как Рамзей Макдональд³.

¹ *Kautsky K.* Are the Jews a Race? New York, 1926. P. 212.

² *Ibid.* P. 207, 211.

³ *Wistrich R. S.* Marxism and Jewish Nationalism; the Theoretical Roots of Confrontation // *The Left against Zion*. Vallentine, 1979. P. 11–12.

Гораздо более жестко и последовательно против сионизма выступали главные оппоненты Каутского в марксистском лагере – русские большевики. Резолюция Второго конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросу, принятая в 1920 году, звучала как приговор: «Ярким примером практикуемого обмана трудящихся классов угнетенных наций соединенными усилиями империализма Антанты и буржуазии этих наций является предлагаемая сионистами палестинская авантюра (и сионизм в целом, который, претендуя на создание еврейского государства в Палестине, фактически отводя арабское рабочее население в Палестине, где еврейские рабочие составляют лишь небольшое меньшинство, роль эксплуатируемых Англией)». Годом позже окончились крахом долгие переговоры о приёме в Коминтерн левой сионистской партии Поалей-Цион. Советская Республика также не признала Британский мандат на Палестину и выразила крайне отрицательное отношение к «Декларации Бальфура», не без оснований полагая, что этот документ призван привлечь евреев России на сторону британского империализма¹.

¹ Кесслер М. Октябрьская революция и еврейское рабочее движение в Восточной Европе // Альтернативы. 1996. № 6. С. 160–174. О целях принятия «Декларации Бальфура». Ллойд Джордж писал следующее: «Русские евреи стали главными агентами германской пацифисткой пропаганды в России; к 1917 году русские евреи сделали многое в подготовке общей дезинтеграции русского общества, позже определившегося как революция. Предполагалось, что если Великобритания заявит о поддержке сионистских амбиций в Палестине под её покровительством, это приведёт русских евреев к делу Антанты». (*Harom R. The Bolsheviks and Balfour Declaration // The Left against Zion. Vallentine, 1979. P. 16–17*).

Антисионизм оставался общей чертой коммунистических партий вплоть до Второй мировой войны. Неоднократные кризисы и расколы в левом радикальном движении ничего в этом отношении не меняли. Троцкий, обратившийся к еврейскому вопросу перед лицом угрозы нацистского антисемитизма, развенчал миф об СССР как оплоте для евреев, но и Палестину он именовал не иначе, как кровавой западнёй для еврейства¹. Советские пропагандисты восхваляли арабское восстание 1936 года как антиимпериалистическое выступление масс и замечали, что если евреи и ищут где-то убежище, то почему бы им не направиться в Биробиджан? Общей чертой для всех довоенных марксистских критиков сионизма было принципиальное неверие в возможности реализации проекта еврейского государства хотя бы в минимальной степени. Ещё в 1944 году бельгийский троцкист Аврам Леон, получивший известность в левых кругах благодаря своей работе «Марксизм и еврейский вопрос», категорически отверг возможность создания еврейского государства². Но будущее скорректировало эти прогнозы.

После войны

Решение Сталина поддержать раздел Палестины до сих пор является одной из загадок истории. Пойдя на этот шаг, вождь народов не только выступил против многолетней антиссионистской традиции в марксизме, но и легитимировал сионизм в глазах мирового комму-

¹ *Trotsky L.* Thermidor and Anti-Semitism, from <http://>.

² *Leon A.* The Jewish Question. A Marxist Interpretation. New-York, 1970. P. 244–258.

нистического движения, прикрыв его своим авторитетом. Он пошел на это вопреки рекомендациям дипломатов и экспертов, вопреки обращениям и протестам палестинских и ближневосточных коммунистов. Приказ внести изменения в текст своего выступления, Громыко получил буквально за пару дней до своего появления на трибуне ООН. Первоначально советский представитель должен был призвать к созданию в Палестине двунационального демократического государства. И лишь инструкции Молотова и Сталина, полученные в последний момент, вынудили Громыко внести изменения в текст доклада¹. Для коммунистов Палестины и арабских стран этот шаг стал страшным шоком, своего рода ближневосточным пактом Молотова – Риббентропа, союзом с сатаной. Один из лидеров палестинских коммунистов, Меир Вильнер, даже осмелился выразить свои возражения по поводу такого шага, заявив, что «сионизм реакционен по своей природе и ни при каком условии, ни на какой промежуток времени он не изменит свой характер». Рядовые партийцы находились в полном замешательстве. Многие верили, что речь Громыко – это тактический манёвр. Коммунисты арабских стран оказались в ещё более тяжелом положении. 29 ноября 1949 года офисы Компартии в Дамаске были разгромлены толпой. Три коммуниста были убиты, а партия оказалась под запретом. Лидеры коммунистов Ирака были арестованы и казнены властями как «сионистские заговорщики»².

¹ Советско-Израильские отношения. Т. 1, кн. 1, М., 2000. С. 195–200, 211–216.

² Dothan S., Reds. The Communist Party in Palestine. Cfar-Saba, 1991. P. 494–495; Laqueur W.Z. Communism and Nationalism in the Middle East. London, 1956. P. 152, 191.

После знаменитого выступления Громыко на генеральной Ассамблее ООН в мае 1947 года отношения между советским «коммунизмом» и сионизмом значительно потеплели. Некоторые исследователи полагают, что роман между СССР и Израилем закончился в 1949–1953 годах в связи с антисемитской кампанией против «безродных космополитов» и «делом врачей». Это утверждение далеко от действительности. Если следовать подобной логике, то отношениям между Израилем и США должен был прийти конец в 1948 году, когда Америка была охвачена антисемитской историей в связи с «атомным шпионажем» и делом супругов Розенберг. Между тем известно, что СССР и Израиль восстановили отношения сразу же после смерти Сталина, и более того, СССР стал первой державой, признавшей де-факто Иерусалим столицей Государства Израиль. Именно в Иерусалиме советский посол вручал свои верительные грамоты. В последующие годы между двумя странами быстро развивались экономические связи. Так, с 1954 по 1956 год СССР поставлял в Израиль 30–40% нефти, потребляемой этой страной, и лишь Суэцкая война 1956 года и новая активная арабская политика СССР привели к очередному охлаждению между двумя странами¹.

Сам факт создания Государства Израиль подорвал авторитет марксистских критиков сионизма. Сионизм оказался не утопией, Советский Союз поддержал Израиль, так, может быть, сионизм не так и плох? В начале 1954 года Исаак Дойчер, известный польско-английский

¹ Brad P. Soviet-Israeli Relations 1948–1956: from Courtship to Crisis // The Left against Zion. Vallentine, 1979. P. 64.

историк и литературный критик, посетил Израиль в качестве корреспондента журнала «Репортер» (The Reporter). Свои впечатления от этой поездки Дойчер обобщил в статье под названием «Израильский духовный климат» (Israel's Spiritual Climate). Общий тон статьи был весьма дружелюбен по отношению к молодому государству. Дойчер был восхищен утопическим социализмом кибуцев и демократическим централизмом Гистадрута, высоким культурным уровнем израильтян и популярностью левых идей в израильском обществе. Но главным его аргументом в пользу Израиля был Холокост: «Если вместо агитации против сионизма в 20-е и 30-е годы я бы уговаривал евреев ехать в Палестину, я, может быть, помог спасти жизни некоторых из них, уничтоженных позднее в гитлеровских газовых камерах»¹. Холокост сделал Израиль исторической необходимостью и жизненной реальностью. Дойчер даже оправдывает действия израильтян по отношению к арабам, указывая на особые исторические обстоятельства, в которых оказалась еврейская община после Второй мировой войны². Четыре года спустя Дойчер посвятил Израилю другую заметку «Десять лет Израилю», где он опять настаивал на том, что основание Израиля было необходимостью, но выражал опасение за дальнейшую судьбу этой страны³.

В весьма благожелательном для Израиля духе высказывались и другие видные левые интеллектуалы 50-х — Мартин Лютер Кинг, Герберт Маркузе, Жан-Поль Сар-

¹ *Deutscher I.* The Non-Jewish Jew. New-York, 1968. P. 112.

² *Ibid.* P. 116.

³ *Ibid.* P. 119–125.

тар, Франсуа Фанон. Произраильская позиция последнего особенно примечательна, поскольку Фанон оказал большое влияние на национально-освободительное движение 1950–1960-х годов. Будучи уроженцем Мадагаскара, он долгое время жил в Египте и принимал участие в борьбе за освобождение Алжира. Идея о том, что евреи – это жертвы и угнетённые, к тому же придерживающиеся левых взглядов, приводила к высшей степени терпимому отношению даже к самым преступным действиям правительства Израиля¹. В 1953 году после резни в иорданской деревне Кабия, когда были убиты 69 палестинцев, в большинстве своём женщины и дети, Бен-Гурион заявил, что это дело рук нескольких отчаявшихся бывших узников нацистских концлагерей и восточных евреев. Для многих левых подобного объяснения было вполне достаточно. Лишь много позже выяснилось, что Бен-Гурион утаил правду, и это убийство было не актом мести «отчаявшихся узников концлагерей», а тщательно спланированной карательной акцией, выполненной израильским спецназом, так называемой частью 101².

Следует также отметить, что 1950-е годы стали временем триумфа европейских социал-демократических партий, поддерживавших тесные контакты с израильской правящей партией МАПАЙ. За идеологической дружбой между Ги Молетом и Бен-Гурионом следовал и

¹ *Hendes P.* The New Left, The Jews and The Vietnam War 1965–1972. Victoria, 1993. P. 111.

² *Morris B.* Israel's Border Wars 1949–1956: Arab Infiltration, Israeli Retaliation and the Countdown to the Suez War. Tel-Aviv, 2003. P. 267–274.

политический союз, – Франко-израильский альянс на рубеже 1950–60-х годов¹.

По мнению многих левых, израильский режим был не хуже монархических и проамериканских диктатур в соседних арабских странах. А если вспомнить о сионистских рабочих партиях, «Гистадруте» и киббуцах, то Израиль, очевидно, выигрывал в глазах левых в сравнение со своими ближневосточными соседями.

Разрыв

В 1967 году Израиль одержал убедительную победу над Египтом, Сирией и Иорданией в Шестидневной войне. Вслед за этим событием Жан-Поль Сартр призывал к солидарности с Израилем. По результатам дебатов, проведенных в одном из австралийских университетов, 399 человек поддержали Израиль, 200 – воздержались, 81 – высказался в пользу арабов. В городах Запада прошли демонстрации против арабской реакции². Через два года картина радикально изменилась. Так, в Австралии в 1969 году возникает Арабско-Австралийская студенческая ассоциация (позднее – Палестино-Арабская комиссия солидарности). Левые журналы, подобно немецкому «Конкрету» или австралийскому «Сюрвалу», стали печатать статьи по палестинской проблеме³. Около израильских посольств проходят

¹ *Westwood J. N. The History of Middle East Wars, Hong-Kong, 1991. P. 28–29.*

² *Hendes P. Op. cit. P. 112.*

³ *Ibid. P. 113, 119.*

акции протеста, которые скоро станут для израильских дипломатов обычным зрелищем. На очереди – активное участие иностранных левых в действиях палестинских организаций, в том числе и в боевых операциях. Жан-Поль Сартр полностью оправдал палестинский террор. Как это произошло?

Возможно, в какой-то степени Израилю просто не повезло. Российский публицист Александр Колпакиди отмечал, что достаточно продолжительная и относительно успешная партизанская война в Перу, Колумбии и Венесуэле не вызвала столько откликов, сколько вызвал короткий и катастрофический поход Эрнесто Че Гевары в Боливии в 1968 году. Но, с другой стороны, можно сказать, что израильское невезенье было закономерным¹.

В 1965 году в Иерусалиме была основана Организация Освобождения Палестины под руководством Ахмеда Шукейри. Эта была первая палестинская организация, в которую входили и левые силы. До этого момента палестинцы либо не были организованы, либо их политические организации отождествлялись в глазах левых с крайней реакцией – британским империализмом, если даже не с германским нацизмом (группа бывшего Иерусалимского муфтия Хадж Амина Хусейни). Усиление ООП, а тем более возникновение Народного фронта освобождения Палестины, использовавшего марксистскую терминологию, дали палестинцам представительство, способное претендовать на симпатию в глазах ле-

¹ Колпакиди А. Краткий курс истории RAF (<http://mikeshuv.narod.ru/Istorija/raf.Html>).

вых. Среди радикалов создаётся новый образ палестинца — «антиимпериалистического, прогрессивного, революционного фedaина, сражающегося против милитаристского, шовинистического, поддерживаемого ЦРУ Израиля»¹.

Палестинское национальное движение получило известность в удачный для себя момент. Симпатии к национально-освободительным движениям, романтическим повстанцам, сражающимся против империализма в джунглях, стали важной составной частью леворадикального движения 1960–70-х годов. Европейские и американские левые террористы провозглашали себя авангардом борющихся сил третьего мира. ООП и НФОП идеально подходили к требованиям, предъявляемым западными левыми, — они были партизанскими движениями, аналогичными Алжирскому фронту национального освобождения или Вьетконгу, сражающимися против поддерживаемого Америкой Израиля.

Особое место среди военных конфликтов того времени, без сомнения, занимала вьетнамская война, продолжавшаяся уже почти 20 лет (включая и её французский этап). Социальные конфликты, порождённые этой локальной кампанией, ставят её в один ряд с великими войнами первой половины XX века. Серьёзной проблемой для израильтян стало отождествление между войной во Вьетнаме и ситуацией в Палестине. Вот что писали французские левые издания в те дни: «...Кризис на Ближнем Востоке и американская интервенция во Вьетнаме взаимосвязаны. Это нельзя отрицать. Единствен-

¹ *Hendes P. Op. cit. P. 113.*

ная разница заключается в том, что если во Вьетнаме американцы действуют напрямую, то на Ближнем Востоке они используют израильский правящий класс, чтобы бороться против арабских правительств, которые, к недовольству американцев, желают контролировать свою нефть»¹.

Не способствовало росту симпатий к Израилю и заявление, сделанное Голдой Меир в 1969 году, о безоговорочной поддержке политики Никсона во Вьетнаме².

С ростом симпатий к освободительной борьбе стран третьего мира на Западе наблюдается и рост интереса к маоизму. Как известно, доктрина Мао уделяла особое внимание партизанской войне и прогрессивному национализму угнетённых стран. Ещё больший интерес вызвала начавшаяся в 1968 году культурная революция, воспринятая многими как антибюрократическое восстание молодёжи под предводительством великого вождя. Маоистские партии возникают и в негритянских гетто Америки, и в городах Германии. Рост влияния маоизма был против израильских интересов. Мао Дзе Дун, в отличие от СССР, никогда не признавал Израиль и последовательно оказывал всяческую помощь врагам сионистского государства. А позиция Мао тогда значила очень много. 4 января 1969 года издание американских «Черных пантер» публикует передовицу под характер-

¹ *Bondy F.* Communist Attitudes in France and Italy to the Six Day War, The New Left and the Jews. New-York, 1971. P. 169–170.

² *Chomsky N.* «Israel and New Left» in The New Left and the Jews. New-York, 1971. P. 225–226.

ным для тех дней названием «Палестинские партизаны против израильских свиней»¹.

Отвернулся от Израиля и Советский Союз. Сразу же после Шестидневной войны советско-израильские отношения были прерваны. Нельзя сказать, что идеологические директивы, рассылаемые товарищем Суловым, пользовались непререкаемым авторитетом среди левых Запада, а одного движения бровей «дорогого Леонида Ильича» было достаточно, чтобы вывести на улицы Берлина и Парижа толпы озверевших пацифистов. Напротив, после вторжения в Чехословакию даже еврокомпартии дистанцировались от Кремля. Однако позиция Москвы всегда учитывалась и имела влияние на определённую часть левых и коммунистических активистов².

Помимо Мао и Брежнева, у Израиля были и другие беспощадные, а главное, хорошо осведомленные критики – израильские эмигранты. После войны 1967 года немалое число израильских левых, стоявших на более радикальных позициях, чем Коммунистическая партия, покинуло Израиль. Эта эмиграция была вызвана различными причинами. Некоторые уезжали, не выдержав травли в газетах и преследований. Другие считали, что лучший способ борьбы с сионизмом – это голосование против него ногами. Многие левые эмигранты, прие-

¹ *Lipset M.* «Socialism of fools, the Left, the Jews, and Israel» // *The New Left and the Jews.* New-York, 1971. P. 117–118; *Forster A.* *American Radicals and Israel* // *The New Left and the Jews.* New-York, 1971. P. 222.

² *Ibid.*

хавшие в Израиль после Шестидневной войны, оказались настолько разочарованы увиденным, что вскоре в гневе покинули страну. Со временем в Европе и Америке образовалась значительная колония израильских политических эмигрантов, создавших свою организацию Израильский революционный комитет действия за границей, или ISRACA¹.

Плечом к плечу с ними действовали арабские студенческие организации. Палестинцы, лишённые возможности получать образования в Израиле, устремились в университеты Европы и Америки. В Америке была основана Organization of Arab Students («Организация арабских студентов»). В Западной Германии существовало несколько организаций: Generalunion Palastinensisher Studenten (Генеральный союз палестинских студентов), Arabische Studentenvereinigung (Арабское студенческое объединение), «Vereinigung irakischer Studenten» (Объединение иракских студентов). Аналогичные студенческие союзы существовали во Франции, Англии, Бельгии, Австралии. Все они деятельно занимались антиизраильской пропагандой, которая распространялась в раскалённой атмосфере кампусов, как пожар в сухом лесу².

Эмигранты активно распространяли информацию о положении палестинцев, истории арабо-израильского конфликта, связях между Израилем и западным импери-

¹ Yuval-Davis N. Matzpen The Israeli Socialist Organization. Jerusalem, 1977. P. 82–83.

² Langguth G. Anti-Israel Extremism in West Germany // The New Left and the Jews. New-York, 1971. P. 253.

ализмом. Это были безжалостные, а главное, авторитетные и хорошо осведомлённые критики. Во многих странах именно израильские эмигранты давали толчок движению солидарности с палестинцами. Так, в Австралии активно распространяли антиизраильскую пропаганду эмигранты Бен Мерхав и Сол Салби вместе с палестинцем Саидом Бахуром, в США активно выступал с антиссионистскими лекциями Арье Бубер, в Бельгии действовал мацпеновец Натан Вайншток. Израильские эмигранты неоднократно участвовали в совместных выступлениях с членами ООП, а Илан Халеви стал первым израильтянином—членом ООП¹.

В довершение всего Израиль оказался серьезно дискредитирован не только своими оппонентами, но и новыми друзьями Сиона из числа правоконсервативных кругов, которые поспешили выразить свои симпатии победоносной державе. Среди последних оказались весьма одиозные личности, подобно бывшим членам ОАС, крайне правые антисемиты, такие как Тиксер-Вигнакур или даже бывший «комиссар по делам евреев» в правительстве Виши Хавьер Валлат. В Германии главным другом Израиля и «почётным гражданином объединенного Иерусалима» стал консервативный националист Алекс Шпрингер, газетный магнат, чьё имя действовало на леворадикальных студентов, как красная тряпка на быка. Израильское правительство не сделало ничего, чтобы откреститься от подобных «друзей», это укрепило левых в убеждении, что яблоко от яблони недалеко падает и сионизм вполне можно поста-

¹ *Hendes P. Op. cit. P. 114; Chomsky N. Op. cit. P. 222–227. Yuval-Davis N. Op. cit. P. 82–85.*

вить в один ряд если не с фашизмом, то с империализмом и колониализмом¹.

Антиизраильские тенденции среди западных левых вызвали серьезную озабоченность властей Израиля. С конца 1960-х годов государство финансирует издание книг, памфлетов и брошюр, предназначенных специально для левой аудитории за границей. В этой кампании приняли участие такие видные леволиберальные писатели и публицисты, как Алеф-Бет Ихошуа, Амос Оз, Ури Авнери, Шломо Авинери и другие. Эти и другие менее известные пропагандисты стремятся доказать, что Израиль – это социалистическое бесклассовое общество, вовлеченное в противостояние с советским империализмом. Находившийся под влиянием этих пропагандистских штампов немецкий новеллист и критик Рудольф Кремер-Бадонни даже писал, что Израиль – это сочетание «анархосиндикалистских институтов, которые сосуществуют с кооперативными и государственно-социалистическими предприятиями». Про-израильские авторы подчёркивали реакционность палестинского движения, опирающегося на традиционные, консервативные институты арабского общества, отмечали исключительно оборонительный характер действий израильской армии². Как пример для подражания приводились про-сионистские левые организации, типа Организации марксистко-ленинских-сионистских студентов, якобы действующей в Бельгии³.

¹ Bondy F. Op. cit. P. 168, 170; Langguth G. Op. cit., 256.

² Avineri S. The New Left and Israel. Jerusalem, 1969. P. 5–8; Kremer-Badoni R. Zionism and the New Left // The New Left and the Jews. New-York, 1971. P. 229.

³ Ibid. P. 10.

Несмотря на все усилия, израильская пропаганда проиграла этот бой. Тому есть две причины. Во-первых, израильские источники были дискредитированы неоднократными разоблачениями недостоверной информации, предоставляемой израильскими официальными структурами. Ещё в начале 1950-х годов Моше Шарет отмечал что «ни один человек в мире, кроме евреев», не верит официальным опровержениям Иерусалима¹. В конце 1960-х годов объяснениям израильских пропагандистов уже не верили и многие евреи. Слишком много скандалов, вызвавших острую реакцию западных интеллектуалов, произошло в конце 1960-х: будь то арест палестинского студента Халила Туама или поэта Махмуда Дарвише за то, что он без разрешения покинул зону военной администрации для того, чтобы выступить со своими стихами в Иерусалимском университете.

Конец романа между коммунизмом и сионизмом стал болезненным для многих левых. Людям приходилось выбирать между старыми симпатиями, иллюзиями, друзьями и беспощадными фактами. Эмоции заглушали логику. Вот что писал один из возмущенных читателей французской газеты «Юманите»: «От имени кого вы поддерживаете арабов против евреев Израиля? Почти все евреи мира пострадали достаточно в результате гитлеровского расизма... Они тоже имеют право на жизнь! Почему вы поддерживаете врагов их страны?»².

На эти письма не менее эмоционально отвечали еврейские левые интеллектуалы типа Максима Робин-

¹ *Morris B.* Op. cit. P. 187.

² *Bondy F.* Op. cit. P. 170–171.

сона: «Лично я верю, что сионизм является величайшим несчастьем современной еврейской истории, за исключением, разумеется, нацистских преследований»¹.

Разумеется, нет правила без исключения. И сегодня есть крошечные группы анархистов, троцкистов, маоистов, выступающих против любой критики в адрес Израиля и бичующих арабский империализм. Но не они, а традиция конца шестидесятых определяет сегодня повестку дня на левой улице. И вряд ли господствующая сегодня антиизраильская тенденция претерпит существенные изменения. Войны в Ливане, тесная дружба между Израилем и США, интифады, ситуация в Газе, раз за разом пробуждали сильные антиизраильские эмоции и усиливали аргументы израильских оппонентов, и перемирия на этом идеологическом поле битвы, по видимому, не предвидится.

¹ Ibid. P. 178–179.

ЗНАМЕНИТАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

«В первые 80 минут было осуществлено то, что планировалось 16 лет. Этому плану мы посвятили всю нашу жизнь. Мы засыпали и просыпались с ним. Он был нашей пищей. Мы постоянно его совершенствовали» — этими словами израильский генерал Мордехай Ход подвел итог Шестидневной войне между Израилем и его арабскими соседями — Египтом, Иорданией и Сирией, которая произошла 50 лет назад.

5 июня 1967 года ровно в 07:45 утра израильские ВВС нанесли удар по египетским аэродромам, уничтожив большую часть авиации страны пирамидами. В последующие шесть дней ЦАХАЛ разгромил в результате молниеносного блицкрига войска соседних стран и захватил обширные территории — Западный берег реки Иордан с Иерусалимом. Голанские высоты, Синайский полуостров.

Сегодня уже мало кто всерьез воспринимает утверждения израильских пропагандистов 1960-х годов о том, что Шестидневная война была «превентивной» и «оборонительной». Израильский историк Бени Морис в своем исследовании, посвященном войнам Израиля начала пятидесятих, отмечал, что уже после войны 1948 года Давид Бен-Гурион и его сподвижники вынашивали планы «войны-продолжения», которая обеспечит Израиль необходимым «жизненным про-

странством». В 1956 году в ходе тройственной агрессии против Египта Израиль предпринял неудачную попытку аннексировать Синайский полуостров, но был остановлен собственным союзником – США, который видел тогда в Тель-Авиве непредсказуемого и плохо управляемого вассала.

Новый шанс «округлить» свои владения представился израильтянам в начале лета 1967 года. Предлогом для войны стали перестрелки на израильско-сирийской границе и ввод египетских войск в демилитаризованную после 1956 года зону Синайского полуострова. Периодические боестолкновения на рубежах «новой Спарты» (как называл Израиль Моше Даян) были обычным делом, а появление египетских дивизий на Синае вместе с возобновлением блокады Тиранского пролива служили целям внутренней политики Каира. Абдель Гамаль Насер демонстрировал возвращение к ситуации, которая имела место до Суэцкой войны. Но израильская пропаганда – «хасбара» сразу же начала вещать о неминуемом арабском вторжении.

Паникующие израильтяне рыли бомбоубежища и осаждали аэропорт, однако правители страны относились к происходящему куда спокойнее. В 1968 году Ицхак Рабин говорил в интервью газете «Монд»: «Я не думаю, что Насер хотел войны. Двух дивизий, которые он направил на Синай 14 мая, было недостаточно, чтобы начать наступление на Израиль. Он это знал, и мы тоже это знали». Другой израильский премьер-министр, Менахим Бегин, спустя 14 лет подтвердил этот тезис газете «Нью-Йорк таймс»: «В июне 1967-го у нас был выбор. Сосредоточение египетской армии на подступах к Синаю не доказывало, что Гамаль Абдель Насер действи-

тельно собирается на нас напасть. Мы должны быть честны сами с собой: это мы решили напасть на них».

Современные публикации доказывают, что израильтяне не сомневались в успехе и превосходстве своей армии. Ведь военное могущество определяется не только количеством танков на парадах, но и общим социально-экономическим развитием страны. Израильский солдат со средним образованием был куда лучше подготовлен к современной войне, чем египетский феллах, который только в армии узнавал, где у него правая, а где левая рука – по принципу «сено–солома». Костяком ЦАХАЛа были танковые и парашютные части, укомплектованные выходцами из кибуцев – сельскохозяйственных коммун. Здесь стоит вспомнить выдающегося историка-марксиста Франца Меринга, который писал, что самые эффективные милиции в истории сформировали американские конфедераты и африканские буры, жившие на земле и постоянно носившие оружие перед угрозой восстания чернокожих. ЦАХАЛ является естественным продолжением данной традиции, и у современников не было сомнений в реальном соотношении сил. Как писал американский министр обороны Роберт Макнамара, «единственное разногласие между нами и англичанами было в том, как быстро израильтяне разобьют египтян».

Впрочем, подобные нюансы не волновали западных пропагандистов, которые воспевали победу «Давида над Голиафом». Обложки западных таблоидов пестрели постановочными фотографиями блондинов с арийским профилем у Стены плача и Суэцкого канала. Однако, как это бывает всегда, некоторые нюансы победы остались за кадром. В то время как друзья Израиля распевали про «железные роты еврейской мотопехоты», на Си-

найском полуострове сотни египетских пленнх стояли перед стволами пулеметов. Израильтяне взяли слишком много военнопленных и избавлялись от них традиционными европейскими методами. Самые известные расстрелы произошли в синайском городе Эль-Арише, где, по словам очевидцев, египетских солдат заставили выкопать себе могилу, а потом уничтожили. Их массовые захоронения были найдены в 1995 году. Об убийствах пленнх писали израильские историки Ури Мильштейн и Том Сегев. Сегодня известно, что только 11 июня 1967 года командование ЦАХАЛа издало специальный приказ, запрещавший убивать безоружных арабских пленнх.

Говоря о последствиях Шестидневной войны, нам прежде всего следует отметить возникновение американо-израильского стратегического союза и присоединение Западного берега реки Иордан с многотысячным палестинским населением. Еще Ашер Гинцберг (Ахад ха Ам) предсказывал, что если израильское государство возникнет, оно будет выживать за счет низкопоклонства перед великими державами. История подтвердила этот прогноз. Израильское национальное движение укоренилось в Палестине при помощи англичан, основало государство с благословения Сталина и укреплялось при поддержке Франции. Но возникший после 1967 года американо-израильский союз стал важнейшим столпом американской внешней политики на Ближнем Востоке. Подобно Саудовской Аравии, израильтяне не только пользуются американским военным и политическим «зонтиком», но и оказывают активное влияние на внутреннюю политику США посредством работы лоббистских институтов. При поддержке американской пропа-

гандистской машины израильский национализм превратился из маргинальной секты в доминирующую идеологию большинства евреев.

Сотни тысяч палестинских арабов, которые остались жить на захваченных землях Западного берега и сектора Газа, стали ложкой дегтя в израильской бочке меда. История учит нас, что колониальные проекты становятся успешными, если поселенцам удастся перебить или изгнать большую часть коренного населения, как это было в США, Австралии или Аргентине. Осуществив в 1947–1948 годах Накбу, израильтяне, казалось бы, добились этой цели, но в 1967 году вместе с захваченными территориями они снова получили массу палестинцев. Нельзя сказать, что израильское руководство не понимало сути и перспективы этой проблемы. Опубликованные ныне документы показывают, что в Тель-Авиве обсуждали возможность отказаться от земель с палестинским большинством или даже выслать всех палестинцев... в Бразилию (что думали об этом палестинцы и бразильцы, конечно никого не интересовало). Но реальность столкнулась с идеологией, которая исключала раздел священных земель «Эрец-Исраэль», — и идеология победила. Сегодня, когда численность израильтян и палестинцев между Средиземным морем и Иорданом сравнялась, это наследие 1967 года ставит под вопрос будущее израильского государственного проекта.

В заключение я бы хотел написать несколько слов о войне 1967 года и левом движении. Шестидневная война стала для современников одним из элементов глобального наступления сил реакции. В том же году Америка активизировала свое наступление во Вьетнаме, а в Боливии погибает Эрнесто Че Гевара. Политическое

руководство Израиля однозначно выбрало свое политическое место в борьбе двух систем. Как писал Ури Дан, «тогда Израиль стал бороться против русских, мельчайшее из современных государств встало против величайшего в истории тоталитарного режима, обладающего неограниченными источниками вооружения». «Крылышки» израильских парашютистов замелькали от Индокитая, где Моше Даян обменивался опытом с американскими военными, до Латинской Америки, где израильские инструкторы тренировали частные армии местных ультраправых наркоторговцев.

Неудивительно, что число «левых» друзей Израиля стало уменьшаться в геометрической прогрессии, а великий историк Исаак Дойчер написал свои знаменитые строки о «новой Пруссии, которая выиграла три войны, но неспособна переварить захваченные земли», а также о том, что израильтяне «допобеждаются до смерти». Для стран третьего мира Израиль предстал малопривлекательным образцом политики неокOLONиализма и западного лицемерия во всем, что касается свобод и прав человека. И все эти оценки, озвученные в далеком 1967 году, остаются актуальными и поныне.

<http://liva.com.ua/znamenitaya-vojna-i-ee-posledstviya.html>

«МАЦПЕН» – ИЗРАИЛЬСКИЕ РАДИКАЛЫ В 60–70-е годы ПРОШЛОГО ВЕКА

Пролог

В мае 2003 года на Тель-Авивском фестивале документальных фильмов «Докадив» среди прочих работ израильских и зарубежных режиссеров был представлен фильм Эрена Турбинера «Мацпен», посвященный истории самой знаменитой израильской леворадикальной организации. К сожалению, мне не удалось попасть на его параллельную демонстрацию в Иерусалимском университете. Позже я обратился в фильмотеку кампуса, но ее сотрудники объяснили, что вряд кому-либо удастся посмотреть этот фильм в Израиле – местные документальные фильмы существуют в единичных копиях и, как правило, их легче найти в Берлине, чем в Тель-Авиве.

Не обошла вниманием кинофестиваль и израильская русскоязычная пресса. На ее страницах появился обзор кинокритика Наума Ваймана. Значительная часть его статьи была посвящена фильму о «Мацпене» и содержала стандартный набор заклинаний о «предателях», «погромном синдроме», «еврейской самоненависти». На автора произвела впечатление и атмосфера в зале: «...был забит до отказа и наэлектризован, как революционная матросня перед выступлением Троцкого». После просмотра жена Ваймана заявила бедняге без оби-

няков: «Зря мы сюда приехали, и дети пусть уезжают, здесь не будет покоя». Если уважаемая матрона имела ввиду призрак коммунизма, преследующий израильских правых и на «исторической родине», то её совет совершенно лишён смысла. Скорее всего, почтенную пару ожидает судьба рябого шпиона из «Ходжи Насредина», обречённого вечно бежать и спасаться от тени ненавистного врага.

Между тем во время поисков фильма «Мацпен» мне улыбнулась неожиданная удача. Библиотечный компьютер выдал данные о работе Ниры Юваль-Давис «Мацпен – Израильская социалистическая организация». Благодаря этому исследованию у меня появилась возможность реализовать свой давний замысел и рассказать о «Мацпене», организации, которая и по сей день вызывает содрогание у врагов социализма.

Источники

В основе вышеупомянутой монографии «Мацпен – Израильская социалистическая организация» лежит магистерская работа по социологии Ниры Юваль-Девис, написанная в 1970 году. Автор интересовалась политическими и социалистическими движениями с мая 1969 года по январь 1970 года. С согласия членов «Мацпен», которым она рассказала о задачах своего исследования, Юваль-Девис участвовала в деятельности организации, анкетировала членов группы, изучала партийную печать.

Статья, которую вы сейчас читаете, в значительной степени является конспектом вышеуказанного исследования, поскольку моя задача – это дать русскоязычным читателям общее представление о «Мацпене», органи-

зации хорошо известной в левых кругах Израиля и Запада, но о которой по понятным причинам мало публикаций на русском языке.

В качестве источника по «делу Мацпен» я использовал статью израильского русскоязычного журналиста Дова Кортнера. К данной публикации следует подходить с крайней осторожностью из-за ультраправых взглядов автора. Из этой статьи я взял лишь не вызывающие сомнений факты, оставив в стороне «выводы» автора.

Некоторые интересные подробности деятельности «Мацпен» мне рассказал бывший член этой организации, активист израильского социалистического движения Йоси Шварц. Так, заслуживает внимания интервью ветерана и одного из основателей «Мацпен» Акивы Ор, опубликованное в газете израильской «Индемии» «Кан».

Начало

Игрун Социалисти Исраэли (Израильская социалистическая организация) – таково полное имя этой группы, возникшей в 1962 году. «Мацпен» («Компас») – это название партийной газеты, по которому, как это часто бывает, стали именовать всю организацию.

«Мацпен» основали четыре бывших члена израильской компартии – Илан Халеви, Акива Ор, Моше Мехубар и Оded Пилевски, которые решили покинуть КПИ из-за несогласия с внешней политикой Советского Союза. Позже один из отцов-основателей «Мацпен» рассказывал, что на них

оказали сильное влияние Кубинская революция и переворот Касема в Ираке, произошедшие в 1959 году. В Ираке, где ситуация во многом напоминала положение в России в 1917 году, компартия под давлением советского руководства, следовавшего доктрине «двух стадий», отказалась от претензий на власть и, как только массовое движение в стране пошло на спад, коммунисты были немедленно вырезаны новым режимом.

На Кубе просоветская компартия вообще не играла какой-либо существенной роли в революции. Последней каплей, побудившей будущих мацпеновцев выйти из партии, было замалчивание партийным руководством разногласий между СССР и Китаем. Партаппаратчики считали, что простым коммунистам не стоит об этом знать.

Люди, недовольные таким положением дел, сначала пытались изменить ситуацию, ведя борьбу в самой компартии, но добились только своего исключения. Акива Ор вспоминал, что как только он и его товарищи заявили о своём решении уйти из партии, им ответили: «Вы не можете покинуть партию. Вы исключены».

На первом же организационном собрании новой группы было принято решение выпускать ежемесячную газету и искать союзников по борьбе. Но по техническим причинам газета «Мацпен» публиковалась не регулярно. В 1962 году вышли только два номера. В следующем, 1963 году вышло 11 номеров «Мацпен», и это был рекорд. С 1964 по 1969 год вышло лишь 37 номеров газеты. Не удалась и попытка найти союзников. Союз с другой крошечной группой – «Союзом семитских рабочих» провалился.

В 1962 году мацпеновцам казалось, что конфликт с арабами находится в замороженном состоянии. Массовые революционные палестинские организации тогда ещё не возникли, они появятся лишь в конце 1960-х годов. Соседние арабские государства были потрясены до основания недавними революциями или находились в процессе накопления сил и модернизации. Хотя мацпеновцы требовали немедленного возвращения палестинских беженцев и отмены военного правления на палестинских территориях внутри Израиля, рабочий вопрос представлялся им гораздо более актуальным. Конец 1950-х – начало 1960-х годов было временем обострения классовой борьбы в стране. В 1962 году в Израиле, как грибы после дождя, появлялись рабочие комитеты. Мацпеновцы действовали по трём направлениям.

Во-первых, они пытались создать профсоюз, альтернативный сионистскому монстру «Гистадруту», выступавшему и в роли «защитника интересов рабочих», и в качестве крупнейшего собственника. Во-вторых, они пытались создать рабочую фракцию в самом «Гистадруте». В-третьих, они пытались убедить трудящихся сохранить рабочие комитеты на постоянной основе. Слишком много задач для группы, насчитывавшей в то время дюжину членов! На всех трёх направлениях «Мацпен» потерпел фиаско.

Через полгода после создания «Мацпен» к нему присоединилась группа арабов-троцкистов из Хайфы во главе с Джиброй Никола. Новые товарищи оказали существенное влияние на отход мацпеновцев от сталинской ортодоксии. Так, было принято определение, что конфликт с арабами начался не в 1948 году, а с началом еврейской колонизации.

В 1965 году после долгих споров большинство «Мацпена» присоединилось к пацифистской организации «Олам хаке – коах хадаш» под руководством Ури Авнери. Но союз не был долговременным. Хитроумный Авнери выжал из мацпеновцев всё что можно для своей предвыборной кампании в Кнесет в 1965 году, но не дал им ни одного поста в своей организации. К тому же для большинства мацпеновцев он был слишком правым. Разрыв произошел на первом же съезде «Олам хаке-коах хадаш», состоявшемся сразу после выборов. Мацпеновцы покинули собрание, хлопнув дверью. Впоследствии они об этом не жалели. В 1967 году нынешний лидер организации «Гуш шалом» в газете «Даф» опубликовал ура-патриотическую статью под красноречивым названием «Вперёд на Дамаск!»

Меньшинство мацпеновцев, не пошедших на соглашение с Авнери, работали с РАКАХ. РАКАХ – Решима Комунистит Хадаша (Новый коммунистический список) – появилась вследствие раскола в компартии (МАКИ). Группа Микониса-Сне тяготела к сионизму, после войны 1967 года Моше Сне оставил коммунистическое движение, поддержал оккупацию, за что и был причислен к лику сионистских святых. Интересно, что СССР до 1967 года поддерживал именно эту группу. Основатели РАКАХ, группа Вильнера-Хабаби, как говорили злые языки, в свою очередь шли на уступки арабскому национализму. Контакты мацпеновцев и РАКАХ были нерегулярны и часто заканчивались скандалами.

Краткие периоды интенсивной работы чередовались с долгим бездействием, когда накапливались силы для новых боёв. В 1967 году мацпеновцами была предпри-

нята очередная безуспешная попытка создать новый альтернативный рабочий профсоюз.

Война 1967 года стала поворотным пунктом в истории организации. Так называемая Шестидневная война во многом напоминала агрессию США в Ираке в 2003 году. ЦАХАЛ буквально за пару дней уничтожила армии Египта, Сирии и Иордании. За исключением нескольких очагов упорного сопротивления, арабские солдаты бежали, бросив технику и снаряжение. На полную мощь работала израильская пропагандистская машина «хасбара». Например, так называемые «кадры штурма Иерусалима», транслируемые до сих пор по всему миру, были сняты лишь через месяц после окончания боевых действий.

Победители продемонстрировали свойственную им непринужденную жестокость. Многочисленных египетских пленных либо гнали в пустыню на верную смерть, либо просто клали под гусеницы танков. Эти факты были признаны израильскими властями лишь в 1990-е годы.

Началась оргия аннексий. Был присоединен Восточный Иерусалим. В спешном порядке начались строиться еврейские поселения в Гуш Эционе и на Голанах. В завершение этнических чисток 1948 года из своих домов были выкинуты жители арабских деревень, лежащих между Латруном и Иерусалимом. На захваченных палестинских землях был установлен жестокий оккупационный режим.

Власти и обманутое пропагандой израильское население ждали, что арабы после военного поражения приползут на коленях в Тель-Авив, моля о мире.

В это время, в июле 1967 года, вышел спецвыпуск журнала «Мацпен» (№ 36), посвященный Шестиднев-

ной войне. В нём, наперекор официальной пропаганде, утверждалось, что попытка навязать арабам силой израильскую позицию обречена на провал и что война лишь отдалила разрешение арабо-израильского конфликта. Мацпеновцы вместе с немногочисленными союзниками – РАКАХ и группой радикалов – также выступили против оккупации арабских земель и взрывов домов. Лозунг «Долой оккупацию!» стал основным в пропаганде «Мацпена».

Их призыв был услышан. С 1967 года в ряды «Мацпен» вливаются десятки новых членов, в основном молодых людей и эмигрантов. Идеи «Мацпен» получают относительно широкое распространение. Ещё большую известность «Мацпен» получает после ареста арабского члена организации Халила Туама за то, что тот приютил своего друга – палестинского студента. Халила приговорили к девяти месяцам тюрьмы, но кампания в его защиту сделала его известным далеко за пределами Израиля. Вместе с ним стало известно и название «Мацпен».

Постепенно меняется и сфера интересов мацпеновцев. Палестино-израильский конфликт и национальный вопрос становятся для них основными темами дня. Так, если за первые два года существования газеты «Мацпен» публикации о палестино-израильском конфликте составляли чуть более 22% статей, то в 1968–1969 годах уже 43–45% статей были посвящены этому вопросу.

В 1968 году многие лидеры «Мацпена», выехали за границу. Это событие имело два последствия: в организации произошла смена руководства (выдвинулось вто-

рое поколение лидеров) и был создан «Мацпен» за границей» – ISRACA, или Israeli Revolution Action Committee Abroad.

Структура «Мацпен» и взгляды членов группы

Хотя израильская социалистическая организация возникла почти одновременно с группами европейских «новых левых», она не относится к этому направлению левого движения. Да, как и движение «новых левых», мацпеновцы проявляли большой интерес к проблемам третьего мира, выступали против авторитаризма и идеологического догматизма официальных компартий. Но с другой стороны, «Мацпен» не был чисто молодежным, а тем более студенческим движением, на него меньше влияла современная культура.

«Мацпен» был «взрослой» организацией, его члены были более сознательны и ответственны, чем французская, американская и итальянская молодежь, вышедшая на баррикады в 1968 году. Да и за участие в оппозиции мацпеновцы платили гораздо большую цену, чем их товарищи на Западе.

Нельзя говорить и о каком-то особом влиянии на израильских радикалов модных европейских писателей и философов того времени, как Жан-Поль Сартр и Геберт Маркузе. Зато национальный вопрос мацпеновцы считали чрезвычайно важным.

«Мацпен» – это специфический израильский феномен. Организация возникла в результате кризиса сталинизма во второй половине 50-х годов, и со временем вобрала в себя большинство израильских леворадикалов.

Не все из них были марксистами. Это стало следствием особых израильских условий – крайней немногочисленности израильской не-сионистской левой и жестокого давления со стороны окружающих, направленного на всякого, кто посмел отбиться от стройных колонн, идущих в «светлое сионистское будущее». У израильских радикалов 60-х годов было только две опции – исчезнуть или объединиться, и они пошли по второму пути.

Правда, это объединение было временным, идейные разногласия рано или поздно должны были привести к расколу группы, что и произошло в начале 1970-х годов, после двухлетнего периода быстрого численного роста.

Первые члены «Мацпена», выходцы из компартии, полагали, что их организация послужит основой для массовой партии рабочего класса. По этой же причине никто не думал сочинять устав и программу группы. Считалось, что все необходимые документы будут составлены после основания партии. Когда же в организацию вступило много новых активистов с разными политическими взглядами, к этому вопросу пришлось вернуться вновь. Здесь мацпеновцам стало ясно, что написание программы приведёт к немедленному расколу в организации. Пришлось ограничиться сочинением устава.

В нем мацпеновцы определяли себя как революционных социалистов. Целью организации было построение социалистического общества в Израиле как части Ближневосточной Социалистической Федерации. Главным органом «Мацпена» было общее собрание, соби-

равшееся раз в три месяца. Были выделены три основных отделения в Тель-Авиве, Иерусалиме и Хайфе.

Обязанности распределялись на добровольной основе. Также существовала практика ротаций по отношению к руководящим должностям. Каждый мацпеновец должен был хоть раз занимать пост в секретариате организации.

Это обеспечивало максимальную демократичность деятельности группы. Но на практике в «Мацпен» всегда выделялись несколько наиболее энергичных активистов. Мацпеновцы признавали принцип демократического централизма, но не всегда ему следовали. Допускалась свобода фракций и свобода мнений. Вместе с тем существовало неписаное правило, что для окружающих «Мацпен» выступает как единое целое – «мы».

За этим «единым» фасадом «Мацпена» сосуществовали почти все направления левого движения того времени.

Нира Юваль-Давис выделяет три основных идейных направления в «Мацпене» после 1967 года:

1. «Сионисты» – это прежде всего критики сионизма и люди, выступающие против дискриминации палестинцев. Вопросы построения социализма, как правило, отходили у них на второй план.

2. Группа солидарности с борьбой третьего мира против империализма. К третьему миру, разумеется, относились и палестинцы. В дальнейшем это направление адаптировало идеи маоизма.

3. Троцкисты, принадлежавшие в преимущественно к ламбертистской тенденции. Для них была важна классовая борьба в израильском обществе. Решение национальной проблемы они видели в социальной революции.

Подобная схема лишь частично отображает всё разнообразие идей, существовавших в «Мацпене». Так, достоверно известно, что в организации существовало анархистское крыло. Многие мацпеновцы состояли в зарубежных левых организациях различной направленности, что считалось допустимым.

Кроме этого, в «Мацпене» существовали этнические группы и землячества: «ватиким» (не ясно, речь идёт о старых членах организации или о старых эмигрантах), «царфатим» (французы), «ха-ялидим» (уроженцы Израиля).

Идейное многообразие, существовавшее в «Мацпене» с 1967 по 1970 год, члены организации считали малоудобным, но до поры до времени с ним мирились. Правда, если дискуссия нечаянно сводилась к одному из исторических спорных вопросов левого движения, как, например, спор между Лениным и Розой Люксембург о праве наций на самоопределение, аудитория, по свидетельству очевидцев, моментально превращалась в сумасшедший дом.

Одними из факторов, позволявшим сохранить единство группы в этой обстановке, был ближневосточный вопрос, по которому у мацпеновцев установился относительный консенсус и которому уделялась львиная доля времени. А при его обсуждении основное внимание, естественно, уделялось критике Израиля. Она сводилась к трём аспектам: критике израильской экономической системы, критике социальной модели и критике государственного строя.

Начнем с критики экономики.

Хотя на тот момент для иностранцев Израиль представлялся промышленно развитым государством, на

практике израильская экономика не могла функционировать без поддержки со стороны других капиталистических стран. Поэтому и в политическом, и в экономическом отношении Израиль был полностью подчинён воле Запада. Мацпеновцы отмечали следующие проблемы израильской экономики: хронический дисбаланс внешней торговли в пользу импорта; несбалансированность промышленности; отставание в развитии базовых отраслей экономики; низкий процент работающих в обществе; более высокие прибыли в непроизводственной сфере, чем в производственной, непропорционально большой военный бюджет; «выпадение» экономики из регионального рынка и т. д.

Утверждалось, что все государственные и общественные предприятия Израйля – это часть капиталистического рынка и не могут существовать без притока иностранного капитала. После 1967 года Израилем была заимствована модель Южной Африки – импорт рабочей силы с палестинских территорий. В целом эта экономическая политика оценивалась как бесперспективная и ведущая к кризису. Единственный выход мацпеновцы видели в социализме и интеграции в экономику региона.

Выступая против социальной системы Израйля, мацпеновцы отмечали, что израильские рабочие лишены профсоюзов, поскольку существует только общегосударственный «Гистадрут», он же – крупнейший работодатель в стране.

Интересы рабочих занимают последнее место среди государственных приоритетов после обороны, поселенчества, абсорбции и т. д. И конечно, гораздо больше

внимания уделяется интересам иностранных инвесторов по сравнению с нуждами трудящихся.

Как временное решение, мацпеновцы предлагали создать альтернативный профсоюз, который, в отличие от расистского «Гистадрута», будет единым для арабов и евреев. Наряду с ним предполагалось создать постоянные рабочие комитеты. Но окончательно проблемы израильских трудящихся должна была разрешить революция.

Будущие израильского общества мацпеновцы видели в де-сионизации страны. «Мацпен» определял сионизм как расистскую идеологию, которая судит о человеке по расовому критерию – еврей ли он по матери или нет. Сионизм – это часть европейского колониализма, он не служит империализму, как утверждала компартия, сионизм – это партнёр империализма. Это партнёрство вовлекло Израиль в вечное противостояние с народами региона. Первоначально в «Мацпене» была принята позиция ИКП, что союз сионизма и империализма – это следствие войны 1948 года, но позже под влиянием хайфских троцкистов было решено, что союз между сионизмом и империализмом существовал с начала еврейской колонизации Палестины.

Сионизм для мацпеновцев не был решением еврейского вопроса, а Израиль представлялся самым опасным местом для евреев.

Вопреки официальной израильской пропаганде, мацпеновцы уже тогда утверждали, что главная проблема Израиля – это не конфликт с соседними арабскими режимами, а конфликт с палестинцами, жертвами сионистского проекта. У палестинцев отняли работу со-

гласно принципу «авода иврит» (т. е. евреи не должны брать на работу арабов). У палестинцев отняли землю в ходе этнических чисток. Палестинцев вытеснили с местного рынка под девизом покупки только еврейской продукции.

Первоначально мацпеновцы говорили лишь о признании права палестинских арабов на самоопределение, но с 1964 года возобладало мнение, что мир с арабами надо делать не на национальной, а на наднациональной основе. В 1967 году в связи с оккупацией Западного Берега и сектора Газа на повестку дня выдвинулся лозунг «Долой оккупацию!» – как первый шаг к разрешению конфликта.

Мацпеновцы

Формально членом группы мог быть «каждый человек из Израиля, признающий программу организации, защищающий её, реализующий её, соблюдающий устав, работающий в одной из наших организаций и платящий взносы».

Членство в «Мацпене» сохраняли и эмигранты, поддерживающие связь с группой. 60–70% мацпеновцев были гражданами и уроженцами Израиля между 17–18 и 50–60 годами. Средний возраст большинства «мацпеновцев» был 25–30 лет.

80–90% членов «Мацпена» были мужчинами. Интересно отметить, что ни одна из жён членов организации так и не вступила в ряды израильских революционеров. Юваль-Девис, интересовавшаяся этим вопросом, не раз спрашивала мацпеновцев об этом обстоятельстве, на что

получала вполне сексистские ответы: «мол, жена очень занята по дому» и так далее.

Изоляция «Мацпена» от израильского общества привела к тому, что жены членов «Мацпена» создали своего рода кружок «мацпеновских жен», где и проводили вместе досуг, в то время как их мужья отдавали себя партийной работе.

Арабы составляли около 10% членов организации. Большинство из них были студентами. Такое небольшое количество арабов в партии объяснялось техническими трудностями в работе в арабских деревнях и конкуренцией со стороны компартии, РАКАХ.

Почти все мацпеновцы до присоединения к группе состояли в каких-либо политических организациях – коммунистических, молодежных, профсоюзных, левосионистских и приходили в «Мацпен» с опытом политической работы. По профессиональному составу: 60% мацпеновцев были студентами либо бывшими студентами; большинство работали как журналисты, художники, преподаватели; рабочие и кибуцники составляли меньшинство членов организации.

Почти все члены «Мацпена» были выходцами из мелкобуржуазных семей, но на эмоциональном уровне чувствовали себя частью рабочего класса. У некоторых из них родители были коммунистами или либералами не-сионистами, другие, наоборот, вышли из фанатичных сионистских семей.

В организацию новых членов, как правило, приводили их друзья и знакомые. Целенаправленные обращения людей, прочитавших листовку или газету, были крайне редки (что говорит о качестве пропагандистских материалов «Мацпена»).

Для того чтобы стать действительным членом «Мацпена», требовалось проработать полгода в группе и подать две рекомендации от старых членов организации. Всего в «Мацпене» на пике его деятельности в 1968–1970 годах состояло 70–100 человек.

Присоединяясь к «Мацпену», человек, как правило, полностью порывал со своим старым окружением. Для израильского общества он был подобно прокажённому. Узнав, что человек вступил в «Мацпен», знакомые рвали с ним связь, соседи угрожали ему, нередко мацпеновцев избивали на улицах. Их увольняли с работы, и они могли занимать только малозначительные должности в частном секторе. За пределами организации мацпеновцы имели лишь немного очень старых и близких друзей.

Мацпеновцы-евреи крайне тяжело переносили свою вынужденную изоляцию. Всё своё свободное время мацпеновцы отдавали работе в группе. Регулярные, «плановые» собрания занимали до трех вечеров в неделю. Периодически происходили различные внеплановые встречи по подготовке к акциям и демонстрациям. Много времени уходило на выпуск газет и листовок. Свободное время мацпеновцы проводили в совместном общении, сидя обычно в иерусалимском кафе «Тамон». Это кафе напротив старого здания Кнессета существует и по сей день. До сих пор среди выходцев из России ходят страшные слухи об этом месте, «где собирались левые экстремисты ещё более страшные, чем МЭРЕЦ» (для российских читателей замечу, что МЭРЕЦ – это весьма умеренная либеральная партия). Из-за постоянных преследований спаянность между членами группы была чрезвычайно высока. Иногда, устав от политиче-

ской активности и жизни в постоянном состоянии стресса, мащпеновцы брали «отпуск» и отходили от политики на пару недель, уезжали загород или за границу.

Почему же люди работали в таких исключительно тяжелых условиях, сознательно становились изгоями общества, постоянно подвергаясь моральному давлению, а иногда и физическим нападениям? Сами мащпеновцы на этот вопрос отвечали по-разному. Многие надеялись увидеть победу социализма ещё при своей жизни. Другие гордились тем, что являются пионерами социалистических идей в арабском мире. У третьих вызывал удовлетворение тот страх, который государство испытывало по отношению к ним. Большинство членов «Мащпена» разделяли уверенность в том, что их организация в скором времени станет важным фактором на израильской политической арене и будет играть ведущую роль в революционном процессе на Ближнем Востоке.

Повседневная работа «Мащпена»

Раз в неделю секции в Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе проводили собрание по текущей повестке дня. Обсуждался приём новых членов в организацию, повестка дня, планировались акции. В Тель-Авиве и Иерусалиме постоянно действовали кружки политического театра, в представлениях которого отображались актуальные вопросы израильской жизни. После спектаклей проводили разбор их содержания. Раз в год «Мащпен» объявлял «День открытых дверей», на который приглашалась пресса, представители различных политических организаций и потенциальные кандидаты в «Мащпен».

Следующим видом деятельности были уличные акции – раздача листовок, продажа газет и демонстрации. Каждое подобное мероприятие было сложной операцией из-за постоянной угрозы провокаций и нападений. Как правило, 2–3 человека продавали газеты или раздавали листовки, а ещё 2–3 человека стояли в стороне, готовые прийти на помощь в случае враждебных действий. Демонстрациям предшествовали долгие и мало-приятные переговоры с другими левыми организациями.

Газета «Мацпен» – ежемесячный рупор организации – выходила не регулярно, с большими перерывами. Сначала её распространяли через газетные киоски, но это оказалась слишком накладно, и мацпеновцы стали продавать газету с рук.

Внутренняя структура газеты «Мацпен» оставалась постоянной, в ней помещалась информация о действиях организации, затем шел критический разбор политики правительства, рассматривались вопросы, связанные с экономикой, сионизмом, отношениями с арабами, положением в мире. В конце газеты помещались дискуссии на актуальные темы. Многие члены организации были профессиональными журналистами, графиками и переводчиками, что существенно облегчало издательскую работу.

Кроме газеты, издавался ежемесячный листок для рабочих – «Даф ле-Поэль» на облегченном иврите, в котором упор делался на вопросах классовой борьбы и повседневных проблемах. Выходил и ежемесячный сборник статей на иврите, арабском и английском языках.

Пропагандистская работа строилась по следующей схеме: члены организации искали людей, несогласных

с тем или иным социальным, политическим, экономическим аспектом израильской действительности. С такими людьми проводили индивидуальные беседы, им давали партийную литературу, приглашали на собрания и театральные постановки.

Поиск единомышленников шел во всех слоях израильского общества. Правда, в «Мацпене» постоянно шли дискуссии, кому следует уделять больше внимания, исходя из скромных ресурсов организации, – рабочим или интеллигенции? Ответ на этот вопрос так и не был найден.

До 1967 года мало кто слышал о «Мацпене». Предвыборная кампания 1965 года, где «Мацпен» выступил в поддержку списка Ури Авнери, расширила круг лиц, имеющих представления об этой группе, но следует учитывать, что и партия Авнери была на периферии израильской политической сцены. После Шестидневной войны ситуация изменилась на 180 градусов. Лозунг израильских социалистов «Долой оккупацию!» стал плевком в лицо израильскому обществу, погрязшему в шовинизме и бившемуся в националистическом экстазе после лёгкой победы. Камень упал в болото, и от него пошли волны.

Газеты начали яростную антимацпеновскую кампанию. Членов организации называли «предателями», «аль-ФАТАХ» (ООП), «самоненавистниками, стремящимися уничтожить государство». Слово «мацпеновец» стало синонимом слова «зло», как слово «коммунист» в 1950-е годы. В антимацпеновской кампании особенно «отличилась» газета «Едиот Ахронот», роль которой была аналогична роли изданий концерна Шпенглера в травле студентов в Германии в конце 1960-х годов.

Против «Мацпена» выступили известные фигуры, включая их бывшего «союзника» Уди Авнери, написавшего злую антимацпеновскую статью «Карикатура». Левый либерал Амнон Рубинштейн, прославившийся нападка на солдат-отказников, заявил, что «по сравнению с “Мацпеном” Квислинг святой».

«Мацпен» получила широчайшую известность, но, увы, напуганные клеветой люди обходили «сатанинскую» организацию стороной. Правда, нет худа без добра. Перестаравшиеся газетчики стали записывать в члены «Мацпен» каждого, кто выступал против оккупации палестинских земель в 1967 году, что помогло многим преследуемым людям найти дорогу к израильским леворадикалам.

Израильская социалистическая организация отчаянно пыталась выйти из политической изоляции, в которой она оказалась. Делались попытки заключить союз с левыми партиями и организациями. «Мацпен» участвовал в различных кампаниях. Но существенного успеха все эти акции не принесли.

В отличие от западных левых того периода, мацпеновцам не удалось превратить университеты в оплоты своей деятельности, хотя большинство членов организации были студентами или интеллектуалами. Особой специализации на работе в высших учебных заведениях у них не было. В выборах в студенческий профсоюз «Мацпен» не участвовал. Иногда социалисты выступали на студенческих собраниях, что нередко заканчивалось дракой.

Студенты-сионисты публично сжигали мацпеновскую литературу в кампусах. После 1967 года мацпеновцы приняли участие в «Студенческом комитете за

безопасность путём мира», в который, кроме них, входили коммунисты, арабские студенты, либералы и левые сионисты. Но комитет распался, по мере того как «Мацпен» стал в нём доминировать.

Не удалась и работа в кибуцах, хотя многие члены организации были по происхождению кибуцники. Часть кибуцев автоматически исключали мацпеновцев, а других левых анти-сионистов долго и изощренно травили.

Большие надежды в «Мацпене» возлагали на молодежь. С одной стороны, именно в то время на Западе поднялся молодежный бунт «новых левых». С другой стороны, для призывников после 1967 года резко возросла опасность погибнуть на Синае или на оккупированных землях. Но власти не дремали. В школы мацпеновцев не пустили. В ответ была выпущена листовка «Кто боится «Мацпен?»» подписанная школьниками и сочувствующими организациями. Были сделаны попытки создать молодежные кружки или помочь молодежи создать свою организацию. Тут вмешались родители, делавшие всё, чтобы воспрепятствовать контактам их детей с «врагами народа».

Арабы были представлены преимущественно студентами. Несколько арабов-троцкистов и маоистов, изгнанных из компартии в Хайфе, присоединились к организации в самом начале пути. Большая часть этих людей были интеллектуалами из крупных арабо-еврейских городов, таких как Хайфа или Тель-Авив-Яффо. Были контакты с арабами из других левых организаций.

Самой большой бедой «Мацпена» было то, что активистам не удалось установить связь с арабскими деревнями. Военные власти не допускали приезд туда левых

агитаторов. Издание газеты «Мацпен» на арабском было запрещено. В одноразовом издании до 80% номера было вырезано цензурой.

Самое большое разочарование постигло израильскую социалистическую организацию в работе с рабочими. На протяжении 1960-х годов предпринимались попытки создать свой профсоюз и фракцию в «Гистадруте» – все они закончились ничем.

Мацпеновцы приняли участие в забастовке почтальонов и ашдодских портовиков. Пресса называла ашдодских забастовщиков, как и мацпеновцев, «предателями» и «аль-ФАТАХ». Агитаторы «Мацпена» указывали на это рабочим, демонстрируя клевету властей. Рабочие внимательно слушали то, что им говорят, читали «Даф ле-Поэль», издаваемый специально для них, но к «Мацпену» не присоединялись. Мацпеновцам так и не удалось наглядно продемонстрировать рабочим связь агрессивной внешней политики и ростом эксплуатации. В конечном итоге в «Мацпене» состояло только 4–5 рабочих, все они – бывшие члены компартии.

Интересно, что самые заметные успехи «Мацпена» были достигнуты в работе с эмигрантами – «олим». Первоначально организация не работала с эмигрантами и относилась к ним крайне отрицательно, как к людям, дезертировавшим от революционной работы в своих странах и приехавшим по призыву сионистской пропаганды на оккупированные палестинские земли. Потом позиция мацпеновцев смягчилась, и среди олим распространялся сатирический пропагандистский сборник «Анти-Ульпан», где «Мацпен» представлялся как компас для потерявшихся в океане шовинизма и национа-

лизма. В результате мацпеновской пропаганды часть эмигрантов, преимущественно выходцы из Франции и Латинской Америки, вернулась домой, а другие вступили в «Мацпен».

Наши люди за границей

Как известно, в начале XX века сионистские партии были сильнее и многочисленнее в Восточной Европе, чем в самой Палестине. Подобная традиция сохранилась и по сей день. Самые ярые сионисты, требующие истребления всех арабов до четвёртого колена, проживают, как правило, где-нибудь в Канаде или в Москве. А в Бельгии или во Франции ещё существуют молодежные отделения лево-сионистской организации «Ха-Поэль-Ха-Цаир». Так что наличие «филиалов» в «проклятом галуте» – это добрая израильская политическая традиция. Не отказались от неё и левые радикалы.

В 1968 году несколько мацпеновцев покинули Землю обетованную и перебрались на Запад. Там ими была создана организация, получившая название ISRACA – Israeli Revolution Action Committee Abroad. В задачи этой группы входила пропаганда идей «Мацпен» в Европе и Америке и распространение информации о происходящем на Ближнем Востоке. Состав группы не был постоянным. Многие члены ISRACA уезжали обратно в Израиль. На их место приезжали другие товарищи. Некоторые евреи, жители стран, где действовала ISRACA, присоединились к этой организации. Связь между ISRACA и «Мацпеном» в Израиле не прерывалась никогда.

Информация, предоставляемая «Мацпеном», оказалась востребованной. Следует заметить, взгляды европейских левых на ситуацию на Ближнем Востоке ещё в середине 1960-х годов разительно отличались от позиции, которую они заняли сразу же после шестидневной войны. Важную роль в этом перевороте сыграла и пропаганда ISRACA.

В течение длительного периода для многих Израиль представлялся государством «всеобщего благосостояния», где у власти находится социал-демократическое правительство. Разумеется, у этого государства были «отдельные недостатки», но они не шли ни в какое сравнение с тиранией соседних арабских королей и шейхов. Со временем отношение левых к Израилю менялось не в лучшую сторону – тройственная агрессия 1956 года, репрессии против палестинцев, союз с Западом – всё это не способствовало улучшению имиджа страны в глазах радикалов. Но коренной переворот в мировоззрении наступил только после 1968 года.

Жестокость захватчиков и возникшее палестинское сопротивление стали толчком к изменению ситуации. В странах Европы и Америки начали возникать комитеты солидарности с Палестиной. У представительств Израиля стали появляться пикеты протестующих граждан. К ужасу израильских чиновников, испугано смотревших на улицу в щели между задёрнутыми шторами, многие плакаты демонстрантов были написаны на иврите. Люди, держащие их в руках, были мацпеновцами.

Члены ISRACA много сделали для распространения среди европейских левых правдивой информации о положении дел в Израиле и на оккупированных территориях. Их пример привлёк в движение солидарности

с Палестиной многих молодых европейских и американских евреев, ранее остававшихся в стороне из-за боязни навлечь на себя обвинение в «антисемитизме».

ISRACA довольно тесно сотрудничала с палестинскими организациями, что порой вызывало критику израильских товарищей. Чем она была вызвана? С одной стороны, ООП, организация Ясера Арафата, с момента своего возникновения выступила за «демократическую Палестину для всех её граждан» — лозунг непостижимый для самых либеральных сионистов и сегодня. С другой стороны, был вполне очевиден мелкобуржуазный характер движения палестинских националистов. О социальной революции Арафат не упоминал даже во время визитов в Москву. Из его программы было неясно, какое будущее ООП готовит евреям Палестины. Сохранят ли они свои права после создания «единого демократического государства», о котором говорил палестинский лидер? У мацпеновцев не было ответа на этот вопрос.

Несколько лучше мацпеновцы относились к Народному фронту освобождения Палестины, организации, провозгласившей себя революционной и марксистской. Но и здесь проблема будущего евреев в Палестине оставалась открытой.

Критиковали мацпеновцы и «прогрессивные» режимы в соседних арабских странах — Египте, Сирии, Ираке. По мнению израильских левых, революция там остановилась на полпути, что привело к установлению бонапартистских режимов, нередко враждебных интересам трудящихся.

Между тем положение в Европе отличалось от ситуации в Израиле. Популярность палестинского движе-

ния, стремление не отрываться от масс, привели к более тесному сотрудничеству между членами ISRACA и ООП.

Как правило, члены этих организаций выступали вместе на митингах в защиту Палестины, подписывали совместные декларации. Критика ООП и других палестинских организаций отошла на второй план по сравнению с главной задачей – борьбой против израильского колониализма и милитаризма. Илан Халеви, один из израильских мацпеновцев, даже стал членом ООП и близким соратником Арафата. Существует много легенд о еврейских и израильских волонтерах в рядах палестинских формирований, защищавших Бейрут в 1982 году от войск генерала Ариэля Шарона.

Заслуга «Мацпена» и ISRACA, как интернационалистов, велика. Отдача от их пропаганды на Западе превзошла все ожидания. Во многом благодаря им современные марксисты смогли сформулировать своё отношение к конфликту на Ближнем Востоке.

«Дело “Мацпен”»

Когда Юваль-Девис заканчивала свою магистерскую работу, дни «Мацпен», как единой организации, были уже сочтены. Идеологически несовместимые фракции окрепли настолько, что могли уже существовать вне единой организации даже в нелёгких израильских условиях. Первый раскол произошел уже в 1970 году, когда от «Мацпен» откололись сторонники ламбертистов («Авангард») и группа солидарности с борьбой третьего мира, тяготевавшая к маоизму.

В контексте «Дела “Мацпен”» для нас представляет интерес именно вторая группа. Она называлась «Революционный коммунистический союз», но, как и в случае с «Мацпен», все знали данную организацию по названию её журнала «Маавак» («Борьба»). Но и эта группа не была долговечна. В 1971 году Дан Веред, математик из Тель-Авива, недовольный умеренностью этой организации, вышел из «Маавака» и вместе с другими товарищами основал группу «Хазит Адума» («Красный фронт»).

Члены «Хазит Адума» полагали, что им надо установить более тесный контакт с палестинским движением. В этом им вызвался помочь некий Дауд Турки, владелец книжного магазина в Хайфе. Роль этого человека в дальнейших событиях вызывает много споров. Некоторые израильские левые и сегодня подозревают, что Турки был провокатором Шин Бет (израильской службы безопасности) и его вмешательство определило дальнейшую судьбу «Хазит Адума». Турки много говорил о подполье, о насилии, о действиях методами палестинских партизан и, в конце концов, предложил помочь установить контакт с Организацией освобождения Палестины.

На встречу с представителями ООП отправился Уди Адив, уроженец кибуца Ган-Шмуэль, герой Шестидневной войны, бывший член левой сионистской организации «Ха-Шомер Ха-Цаир», активист «Мацпена» с 1967 года. Как выяснилось в дальнейшем, вся поездка проходила под пристальным наблюдением израильских спецслужб. В Афинах Адив встретился с представителем ООП, назвавшим себя Абу-Камалем. Настоящее имя этого человека было Хабиб Кахваджи. За участие

в сопротивлении он был брошен в тюрьму в 1960-е годы, но в 1968 году его внезапно освободили и выслали за границу.

После встречи в Афинах Адив и Абу-Камаль договорились о следующем randevu через год. На эту встречу летом 1972 года поехал Дан Веред. Из Афин палестинцы переправили его в Бейрут, а уже оттуда по сирийскому паспорту доставили в Дамаск – один из центров деятельности ООП.

В сентябре того же года в Дамаск поехал и Уди Адив. В Сирии израильтянам показывали местные достопримечательности, а также обсуждались варианты дальнейшего сотрудничества между израильскими диссидентами и палестинцами.

Впечатления Адив и Веред за время пребывания в Сирии были отнюдь не однозначны. С одной стороны, они были рады, что реализовали свои давние планы – сотрудничество между палестинцами, евреями и арабами перешло из области теории в реальность. С другой стороны, их отталкивал национализм палестинцев и их игры с сирийскими властями, которые хотели превратить израильтян-оппозиционеров в своих агентов.

Но время членов «Хазит Адума» уже истекло. Израильские спецслужбы решили, что всё уже готово для показательного процесса, призванного продемонстрировать измену цвета израильской молодежи. В декабре 1972 года начались аресты.

Подсудимые не видели за собой вины, единственное их преступление заключалось в контактах с сирийцами и палестинцами. Формально это считалось уголовным преступлением до конца 1980-х годов. Власти назвали процесс «Делом о шпионаже в пользу Сирии», или «Де-

лом «Мацпен»». О палестинцах в деле не говорилось ничего, ведь такого народа, по мнению тогдашнего премьер-министра Голды Меир, просто не существовало. Пресса требовала суровой кары «предателям».

Членов «Хазит Адума», среди прочих грехов, обвиняли в планировании террористических актов на территории Израиля. Но ничего конкретного на этот счёт следствию доказать не удалось. Адив и его товарищи, подобно западноевропейским радикалам, видели себя как авангард палестинских партизан на территории Израиля и многократно заявляли о готовности перейти к вооруженной борьбе. Но на практике дальше деклараций дело не пошло.

Дух подсудимых на процессе не был сломлен. В зал суда они вошли, распевая революционные песни, что привело судей в бешенство. Приговор был жесток.

Дауд Турки и Уди Адив были приговорены к 17 годам лишения свободы, Анис Карауи и Субхи Наарани получили по 15 лет каждый, Дан Веред получил 10 лет, Йехезкеля Коэна отправился в тюрьму на семь лет. По четыре года тюрьмы получили Давид Купер, Рами Ливне и Мали Лерман.

Преследования не ограничились процессом 1973 года. В 1974 году «за доноительство» и контакты с арабами в тюрьму были отправлены и несколько членов группы «Маавак».

Финал

Пока мацпеновцы-маоисты летали в Сирию и готовились к городской партизанской войне, на улицах Петах-Тиквы остатки «Мацпена» продолжали размно-

жаться почкованием. Второй раскол произошёл в 1972 году. На месте единой организации возникли «Мацпен Ирушалми» и «Мацпен Тель-Авив». Забавно, что в дальнейшем иерусалимский «Мацпен» пополнился членами из Тель-Авива, а в тель-авивском «Мацпене» появились иерусалимские кадры, но названия остались. Иерусалимский «Мацпен» иногда называл себя марксистским, его члены объявили себя сторонниками идей Четвёртого Интернационала. В тель-авивском «Мацпене» проповедовался плюрализм идей и мнений.

Война 1973 года, в отличие от войны 1967 года, не привела к новому росту организаций – приемников «Мацпена». Общество было запугано недавними политическими процессами и ещё не оправилось от шока после тяжёлых потерь в начале войны. Многие мацпеновцы перед лицом репрессий были вынуждены эмигрировать за границу. В самих же левых группах нарастали разногласия по вопросу, ставшему для израильских левых в последующие годы ключевым: сколько государств должно быть к западу от Иордана – одно или два? Иерусалимский «Мацпен», тель-авивский Мацпен, «Авангард» раскалывались, объединялись, пытались создать коалицию с другими группами, в том числе и с «Чёрными пантерами», группой радикалов-«мизрахим», но их влияние неуклонно падало и к началу 80-х годов сошло на нет.

Таким образом «эпоха “Мацпен”», важный этап в радикальной истории Израиля, подошла к концу. Многие выводы мацпеновцев относительно характера израильского государства, проблем израильской экономики и конфликта с палестинцами, не утратили своей актуальности и по сей день.

Приложение

Хронология акций «Мацпен» с 1962 по 1970 год.

(В некоторых из перечисленных ниже акциях мацпеновцы принимали участие вместе с членами других организаций – МАКИ, РАКАХ, «Коах хадаш Ха Олам Хазе», арабскими студентами.)

1962 год

Декабрь – раздача листовок бастующим рабочим, с призывами продолжать борьбу, реформировать «Гистадрут» и превратить рабочие комитеты в постоянный рабочий орган.

1963 год

Февраль – участие в собрании за упразднение военной администрации на арабских землях Израиля.

Август – участие в создании израильского комитета за свободный Курдистан.

1964 год

Январь – распространение листовок с призывом выйти на борьбу за увеличение заработной платы и с призывами не верить «Гистадруту».

Февраль – сообщение для рабочих комитетов о начале цикла лекций за изменение характера «Гистадрута».

Июнь – акции против действий военной администрации, закрывшей культурные и спортивные учреждения в городе Тира. Подано письмо протеста, подписанное мацпеновцами и представителями закрытых клубов.

1965 год

Октябрь – участие в предвыборной кампании партии Ури Авнери «Олам хаэ – коах хадаш».

1966 год

Март – призыв к рабочим бороться за увеличение заработной платы и против безработицы.

Ноябрь – десятилетие резни в деревне Касем. От «Мацпен» на акции памяти выступал Оded Пилевский.

Декабрь – уход «Мацпен» с учредительного съезда «Олам хаэ – коах хадаш».

1967 год

Март – призыв к созданию единого фронта всех левых сил – двух компартий, группы МАПАМ, «Коах Хадаш», «Пеула Шемит».

Май – заявление «Мацпен» по арабо-израильскому конфликту, зачитанное на «Дне Палестины» в Париже Натаном Винштоком.

Июнь – две совместные еврейско-арабские декларации о кризисе на Ближнем Востоке и о последствиях войны, сделанные членом «Мацпен» Акивой Ором и «Палестинским Демократическим Фронтом» опубликованы в «Таймс» и в Голландии.

Август – участие в написании листовки против взрывов домов и административных арестов, текст опубликован в «Ла Монд» и в «Правде».

Ноябрь – создание «Комитета мирной инициативы» за уход с оккупированных территорий как первое условие для решения конфликта. Публикация заявления для прессы с призывом освободить Халила Таума.

1968 год

Февраль – заявление для прессы с требованием освобождения оккупированных территорий. Демонстрация в Еврейском университете в Иерусалиме против ареста Халила Таума.

Март – демонстрация у здания суда, где слушалось дело Таума. Демонстрация у здания «Кибуц Арци» против решения кибуца Некба изгнать Илана Шарифа из кибуца за участие в «Мацпен». Пропаганда и разъяснительная работа в Европе. Срыв акций солидарности с Польшей в Еврейском университете – распространялась листовка «Позор шовинизму в Польше и в Израиле!» Письмо солидарности, после покушения на Руди Дучке.

Апрель – демонстрация «Комитета студентов и преподавателей в защиту прав человека». Сидячая акция против ареста Махамуда Садика.

Июнь – демонстрация у посольства США против войны во Вьетнаме.

1969 год

Январь – публикация заявления «Долой оккупацию!» Демонстрация у посольства США в знак солидарности с Вьетнамом. Планирование публичного собрания в Тире по политике Израиля на оккупированных территориях. (Собрание не состоялось из-за запрета спецслужб.) Демонстрация напротив Кнесета против убийств людей в Рафияхе и оккупации. Акция солидарности с бастующими женщинами Восточного Иерусалима.

Март – демонстрация солидарности с рабочими Ашдода. Участие в организованной коммунистами де-

монстрации против войны во Вьетнаме. Всеизраильское собрание протеста студентов и школьников в Хайфе против угнетения на оккупированных территориях. Заявление для прессы, в котором выражается протест против антимацпеновской кампании, развязанной в газете «Едиот Ахранот», и разъясняется позиция «Мацпена».

Май – раздача листовок «Истинное лицо МАПАЙ» против строительства поселений на Голанских высотах у входа на Международный мирный симпозиум. Участие в демонстрации РАКАХ 1 мая в Яффо. Затем участие на демонстрации МАКИ на площади Дизенгоф под лозунгом «Власть рабочим!». Демонстрация против войны во Вьетнаме.

Июнь – участие в демонстрации у Тель-Авивского музея вместе с немецкими студентами против участия Шпрингера в открытии музейной библиотеки. Демонстрация у Кнесета против оккупации в годовщину Шестидневной войны.

Август – демонстрация поддержки бастующих почтальонов.

Октябрь – раздача листовок в Назарете перед выборами. Призыв голосовать за РАКАХ. Часть членов «Мацпена» арестованы полицией.

Декабрь – письмо всем оппозиционным силам с призывом создать согласительный комитет. Демонстрация против коллективных наказаний на оккупированных территориях у стен Кнесета. Демонстрация против войны во Вьетнаме у посольства США. Письма общественным деятелям против решения цензуры запретить большинство статей в газете «Мацпен». Встреча с главным цензором по этому вопросу.

1970 год

Январь — демонстрация в кампусе Иерусалимского университета против коллективных наказаний на оккупированных территориях.

Февраль — демонстрация против коллективных наказаний на площади Дизингоф в Тель-Авиве.

Март — демонстрация против административных арестов и нового свода действий в чрезвычайных ситуациях в Тель-Авивском университете.

Апрель — раздача листовок с выражением позиции «Мацпена» на демонстрации против «дела Гольдмана».

ЛИТЕРАТУРА

1. Uval-Devis N. Mazpen-Irgun Sozialisti Israeli. Iru-shalim, 1977.

2. Merchav D. Maavak mitmashech: Raion im Akiva Or.Kan. №28. 2003.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КИБУЦ

Первый раз я попал в кибуц более двадцати лет тому назад, в далеком трагическом 1991 году.

Мы покинули Россию в декабре, накануне гайдаровского «великого перелома». Как в старом американском фильме «Доктор Живаго», наш поезд шел сквозь снега, через оцепеневшую в ожидании катастрофы страну.

Затем была Польша, залитый огнями центр Варшавы, где каждый чем-то торговал; пересылочный лагерь Еврейского Агентства «Сохнут», охраняемый полицией.

Еще через день мы прилетели в Израиль и после нескольких дней в Иерусалиме по приглашению родственников приехали в кибуц Ган-Шмуэль, расположенный около городка Хадера.

Наверное, это было самое лучшее место, где мы могли оказаться после нелегкого пути. Оставив за спиной снега, мы попали в цветущий сад, в маленький домик из двух комнат посередине парка и мандариновых плантаций. Горбачевский дефицит сменился «шведским столом» кибуцной столовой. Около месяца мы наслаждались покоем в почти санаторных условиях. Я был настроен остаться в Ган-Шмуэле насовсем, но у моих пожилых родителей не было там никаких перспектив, да и возможности получения университетского образования под Хадерой были весьма туманны. К середине января 1992 года мы вернулись в Иерусалим.

* * *

...Двадцать лет спустя я вернулся в Ган-Шмуэль снова. Раньше у съезда на кибуц стоял скромный магазин, торговавший продуктами, изготовленными в Ган-Шмуэле. Теперь на его месте был построен большой торговый комплекс. Там я припарковал свою машину и пошел пешком по дороге, ведущей в кибуц.

Удивительно, как мало там все изменилось за эти годы! Пройдя мимо кибуцного завода по производству соков и концентратов, я пересек никем не охраняемый КПП со шлагбаумом и очутился на территории поселка.

Жилая территория кибуца – это парк, в котором раскиданы одно- и двухэтажные коттеджи на две-три семьи. Автотранспорт остается на парковке у въезда в Ган-Шмуэль. У себя дома кибуцники предпочитают передвигаться на велосипедах, пожилые члены коммуны ездят на электромобилях. Без преувеличения можно сказать, что все это напоминает кадры из советских фантастических фильмов про светлое будущее Земли. Только в кибуцах все это выглядит более реально – может быть, из-за детских качелей и игрушек, оставленных около домов. В фильмах коммунистическое завтра казалось уж больно стерильным и лакированным.

Сразу заметим, что Ган-Шмуэль – это один из самых успешных и богатых кибуцов Израиля. Основанный в 1921 году, он преуспел за счет своего завода по производству соковых концентратов. Сегодня он обрабатывает до 100 тысяч тонн цитрусовых и 80 тысяч тонн томатов ежегодно. Продукция компании «Ган-Шмуэль Мазон» поставляется в Восточную Европу, Латинскую Америку, Испанию, Европу и Россию.

Как и в большинстве других кибуцев, сельское хозяйство обеспечивает только незначительную часть дохода коммуны – до 25 миллионов шекелей, или 10% общей прибыли. В Ган-Шмуэле есть молочная ферма на 300 коров и садки для разведения прудовой и аквариумной рыбы. В начале 1990-х мне рассказывали, что в кибуце есть и крокодиля ферма, но я ее не видел.

В Ганн-Шмуэль я приехал без предупреждения в будний день. Шанс, что мне удастся повидаться с родственниками, был невелик. Наудачу я спросил одну из велосипедисток:

- Прости, ты член кибуца?
- Да, конечно.
- А ты знаешь Тессию Гордон?
- Конечно, знаю.

Кибуц – это маленькая община, в ней живет несколько сот человек, которые прекрасно знают друг друга. Не успел я дойти до кибуцной столовой, как, наверное, уже весь Ган-Шмуэль был в курсе, что некто разыскивает Тессию Гордон. На входе в столовую меня встретила еще одна женщина, которая устроила мне допрос с пристрастием: «Кто ты? Как тебя зовут? Кого ты ищешь? Как зовут твою маму? Когда ты был в кибуце последний раз?» Все эти данные сразу же передавались по телефону то ли самой Тессии Гордон, то ли в секретариат кибуца, то ли в ШАБАК («Шерут Битахон» – израильская служба безопасности).

В конечном итоге меня попросили пойти в кибуцную галерею и посмотреть выставку. Моя родственница была занята, но обещала подойти чуть попозже.

Надо сказать, что открытость и дружелюбие не относятся к достоинствам киббуцного сообщества. Почти каждая такая коммуна делится на множество кланов и группировок, отношения между которыми никак нельзя назвать простыми. По отношению к внешнему миру киббуцы замкнуты, как монастырские общины, что сказывается на образе киббучника в глазах израильтян. Заранее отмечу, что этот образ не слишком привлекателен.

Экономической и социальной истории киббуцного движения посвящена отличная монография израильского ученого Бориса Дубсона «Киббуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно». Здесь я постараюсь кратко изложить тезисы этой работы, чтобы читатели получили некоторое представление об этом любопытном историческом феномене.

Киббуцы не были попыткой построить утопию или прихотью группы идеалистов. Это был инструмент колонизации Палестины, в ходе которой колонистам приходилось осушать болота, орошать засушливые земли, бороться с болезнями, подавлять сопротивление коренного населения. Никакие индивидуальные фермеры не были способны справиться с такой задачей. Это признавали даже израильские правые. Владимир (Зеев) Жаботинский, вождь фашистского крыла сионистского движения, писал, что «при всех органических пороках кооперативных поселений они, вероятно, будут еще долго преобладать в наших сельских начинаниях просто в силу необходимости, то есть земледельческая колонизация будет и впредь развиваться на плечах “левых”».

Всемирная сионистская организация (ВСО), всецело контролируемая буржуазией, оказывала киббуцам мате-

риальную помощь. Правда, эта поддержка была оговорена рядом условий. К примеру, на землях, приобретаемых кибуцами на средства ВСО, не могли селиться арабы.

Идеология первых кибуцников была весьма эклектична. В ней причудливо смешались идеи Льва Толстого, Арона Гордона – еврейского мыслителя начала XX века, марксистов и народников. В Израиле есть и религиозные кибуцы. До середины 1950-х годов в кибуцах бушевали яростные идеологические споры, сопровождавшиеся драками «стенка на стенку», расколами и изгнаниями несогласных. С начала 1960-х годов идейные страсти поутихли, и началась деидеологизация кибуцов, которая подошла к своему логическому концу в 1990-е годы.

На характер первых кибуцев, возникших в начале 1920-х годов, наложили свой отпечаток как указанные выше трудности колонизации, так и общая нищета подмандатной Палестины 1920–1930-х годов. Ведь до Второй мировой войны «процветающий Запад» (за исключением США, Австралии и Канады) существовал главным образом в фантазиях современных либеральных публицистов. Читая описания жизни кибуцников той эпохи, невольно вспоминаешь Анаррес Урсулы Ле Гуин: «В кибуце “Мерхавия”... рацион питания состоял из прокисших каш, неочищенного растительного масла, небольшого количества овощей с бесценного кибуцного огородика и мясных консервов, оставшихся от британской армии. Не хватало даже посуды – не у каждого была вилка, ложка и нож – у кого-то была только вилка, у кого-то только ложка или нож. Для рабочей одежды

приспосабливали купленную в арабской деревне мешковину, в которой прорезали три дырки – одна для головы и две для рук. В результате получалось платье, которое оставалось только подпоясать веревкой». Трудно сказать, насколько коллективизм первых кибуцев отражал настроения его членов, а насколько был вынужденной мерой. Так, коллективное воспитание детей помогало освободить дополнительные рабочие руки, необходимые для работы в поле.

В фантастическом романе «Обездоленный» анархистское поселение Анаррес де-факто было местом ссылки повстанцев, каторгой и сырьевым придатком планеты Уррас. В подмандатной Палестине коммуны-кибуцы были важнейшими форпостами колонизаторов. Кибуцы создавались в спорных районах Палестины, чтобы «застолбить» территорию за еврейскими колонистами. Кибуцы давали жилье и кров новым эмигрантам, только сходявшим с палубы корабля. Наконец, важно отметить, что кибуцы поставляли первоклассный человеческий материал для армии. Еще Франц Меринг отмечал, что лучшие милиционные армии возникали на базе коллективизма сельских общин. Спайка, выработанная на общих собраниях и в ходе совместной работы на поле, стала тем стержнем, вокруг которого, как вокруг знамени, сплотились милицейские полки буров и дивизии южан в США. В Палестине, а затем и в Израиле кибуцы давали лучших солдат – сначала для батальонов «ПАЛЬМАХА» («Плугот махац» – ударные отряды «Хаганы», нелегальной армии еврейских колонистов в подмандатной Палестине), а затем и для парашютных бригад ЦАХАЛа.

После создания Израиля особый статус кибуцев нашел свое отражение в жизни новой страны. Хотя к 1950-му году в кибуцах жили только 66 тысяч человек (все население Израиля немногим превышало 1 миллион), из 120 членов Кнессета первого созыва 26 были выходцами из кибуцев. Необходимость осваивать целину отпала – кибуцы неплохо поживились за счет земель и имущества изгнанного арабского населения. К 1952 году площадь обрабатываемой кибуцами земли выросла на 82%. Правительство выделило кибуцам значительные кредиты, многие из которых были инвестированы в кибуцную промышленность. Сельское хозяйство перестало быть основным источником дохода колонистов и отошло на второй план. Уровень жизни коммун стал стремительно расти. Кибуцники перебрались из палаток и бараков в дома, затем около домов появились бассейны и теннисные корты.

Все решения в кибуцах принимались на общем собрании членов коммуны. До 1950-х годов действовал принцип ротации выполняемых кибуцниками работ – сегодня ты тракторист, завтра работаешь в коровнике, а послезавтра становишься секретарем кибуца. Девочки и мальчики в ряде кибуцев воспитывались вместе, носили одинаковую одежду, играли в похожие игры и даже вместе мылись в душе. Считалось, что гендерные различия вторичны, а мужчины и женщины должны уметь выполнять одинаковую работу.

Сразу спешу успокоить любителей совместных помывок: все эти суровые нравы к началу 1960-х годов полностью исчезли. В результате усложнения производ-

ственных процессов ушла в прошлое и практика ротации кадров. Отныне каждый кибуцник имел свою рабочую специальность. Единственным исключением были руководящие и выборные должности. На них люди менялись каждые два года.

Питание и снабжение кибуцников всем необходимым для жизни были строго централизованными. Столовые, где проходили обеды, завтраки и ужины, до сих пор являются сакральным местом в большинстве кибуцев. Это территория совместных собраний, праздников и прочих общественных мероприятий. Одежда, мебель, белье, предметы личной гигиены закупались через кооперативные торговые сети, а затем распределялись среди членов кибуца. Одна рубашка, одни шорты, два рулона туалетной бумаги... Понятно, что при такой системе кибуцники не могли похвастаться изысканными туалетами. В Израиле даже появилось выражение «одет, как кибуцник». Но для страны, где только в 1959 году отменили карточки, это было не так уж и плохо. Жители периферийных израильских «городов развития» в сравнении с кибуцниками жили в полной нищете.

По мере роста благосостояния израильского общества, менялась и жизнь членов кибуцев. Система снабжения становилась более гибкой. На приобретение ряда товаров кибуцники стали получать «живые деньги». Но принцип «От каждого – по способностям, каждому – по труду» продолжал оставаться неизменным.

Хотя кибуцы являлись неотъемлемой частью витрины «бесклассового» и «социалистического» Израиля, среди самих израильтян кибуцы и кибуцники не сыскали любви и симпатии. Буржуазия рассматривала их «как

опасные большевистские ячейки, где процветают анархизм и нигилизм, где все дозволено, откуда распространяются распущенность и произвол. Их считали осквернителями национальных святынь, а также паразитами, жиреющими на общественных деньгах, эксплуататорами, грабящими земельные фонды». Для бедняков, жителей периферийных городов развития, кибуцы были работодателями и жестокими коллективными эксплуататорами, чем-то вроде монастырей-землевладельцев для средневекового крестьянина. Свойственные кибуцникам закрытость и спесь «истинных колонизаторов Палестины», также не способствовали зарождению теплых чувств к коммунарам, любившим рассуждать о сортах мыла, которое можно сварить из европейских евреев, и о том, к какому подвиду обезьян относятся евреи восточные.

Доступ в кибуц новых членов всегда был ограничен. Как правило, новичку предстояло пройти немалый испытательный срок, прежде чем он становился полноправным членом общины. Разумеется, в кибуцы не принимались не-евреи (исключения делались только для некоторых американцев и западноевропейцев). Кибуцники также не стремятся видеть в своих рядах евреев из арабских стран, России и Эфиопии.

В середине 1980-х годов начатые правым правительством Менахема Бегина рыночные реформы и первая Ливанская война привели Израиль на грань банкротства.

Страну спасла лишь экстренная американская финансовая помощь в размере 3,9 миллиарда долларов.

В тяжелом положении оказались и кибуцы, взявшие в 1970-е годы дешевые кредиты и баловавшиеся в начале 1980-х годов игрой на бирже. В отличие от Государства Израиль и банкротившихся «эффективных собственников», спасти кибуцы никто не собирался. У власти было правое правительство «Ликуда», которое видело в коммунах «ошибку природы» – «то, чего не может быть».

Почти десять лет буржуазные экономисты и СМИ с энтузиазмом обсуждали неизбежный крах кибуцного движения. «...Для тех, кто изучает экономику и менеджмент, конец кибуцев – объективная реальность. В капиталистическом мире, с его упором на конкуренцию, специализацию и эффективность, у социалистической системы хозяйствования нет шансов. Социализм потерпел неудачу во всем мире, и наверное, все, что останется от кибуцев в рамках жизни одного поколения, – это несколько сельских поселений».

Банки – кредиторы кибуцев требовали реформирования коммун. Они нашли немало сторонников и среди самих кибуцников. Прежде всего, это были «отходники» – кибуцники, работавшие на стороне. Эти люди вкладывали свои, порой весьма высокие, зарплаты в общий фонд кибуца, и постепенно многие из них стали выступать за дифференцированную оплату труда. Об этом заговорило и руководство кибуцев, так называемые «хозяйственники». Несмотря на принцип ротации кадров, в ряде кибуцев руководящие работники на практике только переходили с одного ответственного поста на другой не менее ответственный пост. Под угрозой

оказался и институт прямой демократии – в более крупных кибуцах, насчитывавших сотни членов, все больше кибуцников избегали участия в жизни коммуны.

С начала 1990-х годов многие кибуцы пошли по пути буржуазных реформ. Их члены стали получать дифференцированную зарплату, акции кибуцных предприятий были выставлены на бирже (хотя кибуцы всегда стремились сохранить за собой контрольный пакет), для управления заводами и плантациями были приглашены внешние управляющие. Но отметим еще раз: по этому пути пошли далеко не все коммуны. Многие кибуцы обанкротились после рыночных реформ, в то время как другие кибуцы сохранили свой традиционный уклад и продемонстрировали высокие экономические показатели. Абсолютное большинство кибуцев также сохранило коллективную собственность на средства производства.

* * *

...Я сижу в салоне ган-шмуэльского домика своей родственницы, пью холодную воду и наслаждаюсь кибуцным гостеприимством. Внутренняя обстановка жилья в Утопии ничем не отличается от обычной израильской трехкомнатной квартиры – салон, совмещенный с кухней, две спальни, стандартная мебель, обычные электроприборы, плазма на стене. Моей родственнице Тессии Гордон уже 67 лет, но она продолжает работать. В кибуцах можно выходить на пенсию, но большинство ветеранов с возрастом предпочитают переходить на более легкую работу – по 2–3 часа в день. Недавно она летала к своим родителям в Южную Африку. Билет на самолет был оплачен из кибуцных фондов. Каж-

дый член Ган-Шмуэля имеет право на фиксированное число полетов за границу. К услугам членов кибуца: гараж на 50 машин, конюшня, библиотека, бассейн. Я уже не говорю о бесплатной столовой, прачечной и детском саду.

В Ган-Шмуэле, как и в ранних кибуцах, нет дифференциации зарплаты по труду. Каждый член коммуны получает «на руки» несколько сот шекелей наличными «на карманные расходы». Также ему зачисляются на карточку специальные баллы – «йхидот», по которой он может брать предметы первой необходимости в кибуцном магазине. Остальные заработанные деньги идут в фонд кибуца. Вопреки представлениям обывателей, равная оплата труда не ведет к возникновению иждивенчества. Кибуцники внимательно следят за тем, кто сколько работает, и лентяй незамедлительно подвергнется общественному ostracism. После пары дней бойкота он уедет из кибуца сам.

Большинство членов Ган-Шмуэля работают на принадлежащих кибуцу предприятиях. Но если человек хочет реализовать себя в другой сфере – здесь нет проблем. Член кибуца может представить на общее собрание коллектива бизнес-план адвокатской конторы, салона красоты или школы йоги. Если это предприятие будет признано экономически целесообразным, инициатор проекта получит поддержку для его экономической реализации. Но доходы от бизнеса, разумеется, пойдут в фонд кибуца. Такие проекты – это способ самореализации, а не заколачивание миллионов.

Без сомнения, кибуцная социально-экономическая модель заслуживает самого пристального интереса. Тес-

сия с гордостью говорила мне, что в Ган-Шмуэле живет пять поколений кибуцников. Новая и Новейшая истории человечества не знают других столь продолжительных и устойчивых примеров общества, организованного на коммунистических принципах. Заметим, что эта модель продемонстрировала свою экономическую эффективность и состоятельность в условиях рыночной конкуренции. Наиболее зажиточные кибуцы обеспечивают своим членам уровень жизни гражданина развитой капиталистической страны.

Но мы не можем забывать и ту роль, которую сыграли кибуцы в реализации сионистского проекта. Колонизация, насилие, эксплуатация арабов, эмигрантов, иностранных рабочих – все это черные страницы в истории кибуцев. Их история чем-то напоминает мне биографию Вернера фон Брауна – он открыл человечеству дорогу к звездам и вместе с тем был нацистским преступником, ушедшим от правосудия.

<http://liva.com.ua/kibbutz-today.html>

ИЗРАИЛЬСКИЕ ПРОТЕСТЫ. ЛЕТО ВТОРОЕ

В отличие от протестов 2011 года, израильские социальные выступления лета 2012 года проходят почти незаметно для внешнего мира. Оно и понятно. Корпоративные СМИ пишут о демонстрациях под левыми или антикапиталистическими лозунгами, только если на улицы выходит как минимум 300 тысяч человек.

Между тем социальные активисты снова попытались вернуться с палатками в центр Тель-Авива. 24 июня 2012 года собравшиеся на площади Габима манифестанты в количестве около 6000 человек начали ставить палатки и перекрывать улицу Ибн-Гвириоль. Это привело к жестоким столкновениям с полицией, в ходе которых пострадали или были задержаны десятки демонстрантов. «Израильский Навальный» – Дафна Лиф – после действий израильских полицейских была отправлена в больницу, где ей на руку наложили гипс. Однако новые акции протеста повторяются в различных городах Израиля почти каждую неделю.

Этим летом израильские власти, похоже, не собираются церемониться с протестующими. Попытки поставить палатки приводят к немедленным задержаниям. Беер-Шевская полиция заявила, что позволит проведение демонстраций только при условии «отсутствия на них лозунгов, направленных против государства». Спе-

циальный отдел будет составлять для властей ежедневные отчеты по активности в социальных сетях. Поскольку «оперативные мероприятия» властей странным образом совпали с визитом в Израиль президента России Владимира Путина, израильские блоггеры и комментарии получили массу возможностей для упражнения в остроумии. «Путин будет чувствовать себя у нас совсем как дома», – писал один комментатор. Другой аноним сокрушался: «Привезли миллион неграмотных “русских”, получили Россию в Израиле»^{*}.

В 2012 году израильский протест стал гораздо менее массовым, но более радикальным, и продолжает оставаться заметным фактором политической жизни «единственной демократии на Ближнем Востоке». Для этого есть несколько причин.

Благоприятное политическое и экономическое положение Израиля позволило жителям страны задуматься о вопросах, на которые раньше «не было времени» из-за перманентного состояния войны. Почему в богатой стране за чертой бедности проживает 1 миллион 770 тысяч человек (25% населения страны)? Почему пропасть между богатыми и бедными в Израиле – одна из самых глубоких среди развитых стран? Почему цены на товары и услуги в Израиле неизмеримо выше, чем в других странах «золотого миллиарда»?

В прошлом году израильтяне задали эти вопросы властям, но ответа на них так и не дождались. Комиссия

^{*} Не стоит обижаться за «неграмотных русских». В конце концов, в России мало кто интересуется, какое образование у таджиков и узбеков, подметающих улицы крупных городов РФ (<http://liva.com.ua/israel-summer.html>).

Трахтенберга, созданная правительством Беньямина Натаниягу для рассмотрения социально-экономических проблем, представила свои «рекомендации» правительству, и власти, видимо, сочли, что они свое дело сделали. Израильский премьер-министр жестко заявил демонстрантам: либо олигархи, либо Северная Корея, третьего не дано. Этот ответ, похоже, удовлетворил только одного эмигранта из Эритреи, который перед депортацией из страны сказал в интервью газете «Ха-Арец», что любит Натаниягу, поскольку жизнь в Израиле гораздо лучше, чем у него на родине.

Многие израильтяне были разочарованы результатами протестов. «Эти богатые студенты из Тель-Авива устроили себе каникулы, а потом кинули нас всех», — сказал мне несколько месяцев назад участник прошлогодних протестов. Израильский диссидент Юлий Нудельман предположил, что «израильское лето 2011 года» было организовано самими властями для выпуска пара.

Недоверие масс в отношении организаторов «фейсбучных» протестов более чем обосновано. Две недели тому назад газета «Ха-Арец» шокировала общественность журналистским расследованием, открывшим, что Ицик Шмули, один из лидеров израильского студенческого объединения, получил от олигарха Нохи Данкнера грант в размере 800 тысяч шекелей. Примечательно, что в этом году израильские студенческие организации уклонились от участия в акциях протеста... А газета «Йедиот Ахронот» опубликовала репортаж о встрече Дафны Лиф с владелицей банка «Ха-поалим» Шерри Арисон, еще одной одиозной представительницей изра-

ильского правящего класса. Удивительно, как «вожди» израильского протеста похожи на своих «болотных» коллег из России – в готовности преклонить колена перед крупным капиталом!

Итак, в 2012 году многие израильтяне не пришли на демонстрации, разочаровавшись итогами прошлогодних акций. На численности последних выступлений сказалось и устранение от участия в них студенческих организаций и профсоюзов, что наглядно продемонстрировало весьма ограниченные возможности «твиттерной» революции. Но сотни тысяч граждан Израиля продолжают существовать в отчаянных условиях, что не позволяет протесту окончательно сойти на нет. Только теперь на улицы выходят самые упорные, самые радикальные или самые отчаявшиеся граждане.

К последним, по-видимому, принадлежал 58-летний Моше Сильман из Хайфы. Этот бывший бизнесмен разорился несколько лет тому назад, потерял все, что имел, лишился квартиры и даже попал в психиатрическую больницу. Столкнувшись с равнодушием социальных служб, он совершил публичный акт самосожжения на демонстрации протеста в Тель-Авиве и спустя несколько дней умер в больнице. Его отчаянный поступок вызвал новую волну протестных акций по всему Израилю.

Однако с большой долей вероятности можно предположить, что очередное «израильское лето» тоже завершится безрезультатно. Израильскому социальному протесту 2011–2012 годов свойственны все недостатки социальных движений развитых стран последних лет. Это слабая организационная структура, практически полная де-идеологизированность движения, отсутствие

классового сознания, признание легитимности власти и готовность играть по ее правилам. Одним словом: «Это революция?» – «Нет сир, это бунт». Негодующим массам противостоит консолидированный правящий класс, прекрасно понимающий, кто он есть и что он хочет, опирающийся на полицейскую и пропагандистскую машину современного государства.

Поражение движения, по всей вероятности, приведет к эмиграции из Израиля значительного числа образованной молодежи из числа интеллигенции и рабочей аристократии. Россияне льстят себе, полагая, что тема «пора валить» популярна только на просторах Московии.

Социальные низы из числа эмигрантов, бывших рабочих предприятий легкой промышленности, закрывшихся в 1990-е годы, люмпенов, обратятся к фашизму. Погромы чернокожих эмигрантов из Эфиопии и Судана, прокатившиеся по Южному Тель-Авиву в конце мая 2012 года, показывают высокую вероятность подобного сценария.

Исторический опыт показывает, что в государствах, основанных европейскими колонизаторами, может иметь место радикальный социальный протест. Французский Алжир был одним из центров революционного движения в дни Парижской коммуны, а в Южной Африке в начале 1920-х годов произошло мощное шахтерское восстание и действовали боевые профсоюзы. Но все эти движения сходят на нет, когда колонистам надо консолидироваться против коренного населения. Аналогичные процессы неоднократно происходили и в Израиле–Палестине – и не исключено их повторение в ближайшем будущем.

«ИЗРАИЛЬСКИЙ БАЛТИМОР»

Кто такие эфиопские евреи?

Иудаизм, как и другие монотеистические религии, не чужд прозелитизму. В разные эпохи эту веру принимали римские горожане, берберские племена Марокко, жители Йемена, кочевники-хазары, славяне на Украине. Мы точно не знаем, когда эфиопские племена агау приняли иудаизм. Одни относят это событие к IV–V векам нашей эры, другие видят в нем результат эволюции некоторых ветвей эфиопского христианства. На последнее указывают и некоторые обычаи эфиопских евреев, например существовавшее до начала прошлого века монашество. В дальнейшем израильтяне были шокированы, обнаружив у многих старых эфиопских евреев на лбу татуировки в виде крестов.

К концу XX века на территории Эфиопии проживало несколько сот тысяч местных евреев. На родине они назывались фалаша («пришельцы», «выходцы»). Традиционными занятиями эфиопских евреев были земледелие и ремесла.

Как эфиопские евреи оказались в Израиле?

Колонизаторская израильская буржуазия стремилась вытеснить палестинских арабов с рынка труда. Их место должна была занять дешёвая и покорная рабочая сила. В 1907–1908 годах в Палестину были ввезены первые йеменские евреи. В 1950-е годы на роль дешёвой рабочей силы и пушечного мяса были определены евреи арабских стран. Черёд эфиопских евреев настал в конце 1970-х годов, после того как еврейская эмиграция из СССР закончилась сразу же после первых писем из Земли обетованной. В 1975 году верховный раввин Израиля признал принадлежность фалаша к еврейскому народу, а в 1977 году первые эмигранты из Эфиопии прибыли в Тель-Авив.

Эмиграция эфиопских евреев в Израиль проходила в ужасающих условиях гражданской войны и голода, охватившего государства Африканского Рога в 1970–1980-е годы. Беженцы шли в Сомали, откуда их забирали самолеты израильских ВВС. Многие христиане выдавали себя за евреев, чтобы бежать из охваченной войной Эфиопии. Эмиграцией занимался «Ха-ваад леман Ехудей Этиопия» («Комитет для евреев Эфиопии»). Его сотрудники занимались распределением гуманитарной помощи в лагерях беженцев и очереди на посадку в самолеты. В начале 2000-х годов журнал «7 дней», приложение к газете «Едиот Ахронот», опубликовал подробности деятельности «Комитета», сотрудники которого разворовывали гуманитарную помощь, заставляли

людей отдавать все свое имущество за немедленную посадку в самолет и превращали красивых эмигранток в своих наложниц. Один такой активист прилетел в Израиль с семьей женами! В дальнейшем израильские спецслужбы были вынуждены вывезти этих «героев» националистического израильского движения в Канаду. В Израиле они могли встретиться с кем-нибудь из своих бывших подопечных, что привело бы к непредсказуемым последствиям. Всего в 1970–2000-е годы в Израиль было вывезено около 130 тысяч эфиопских иудеев.

Каково положение эфиопских евреев в Израиле?

Согласно религиозным представлениям фалаша, после переселения в Эрец-Исраэль кожа истинных евреев белеет. С эфиопскими евреями ничего подобного не произошло, что весьма печально сказалось на их дальнейшей судьбе – они стали жертвами обыкновенного расизма. Эпизоды, связанные с дискриминацией выходцев из Эфиопии, регулярно появляются на страницах израильских газет.

В 2012 году СМИ Израиля писали, что в школах и детских садах страны эфиопских детей держат отдельно от белых. Министр просвещения Юли Тамир возмущенно заявила: «Я была потрясена тем, что случилось с этими девочками. Ни об одном из подобных случаев не сообщалось в министерство просвещения. Это – явный расизм, виновные понесут наказание». Но, естественно, виновные так и не были обнаружены. В том же 2012 году в Ашкелоне эмигранты из России не пустили эфиоп-

скую еврейку в бомбоубежище «для белых» во время ракетного обстрела города со стороны боевиков движения «Хамас».

В 2013 году израильские власти признали, что в течение многих лет эфиопским женщинам под видом витаминов тайно вкалывали контрацептивы. В результате этого рождаемость в эфиопской общине в Израиле упала на 50% по сравнению с той, что была у них в Эфиопии.

К началу 1990-х годов 51% семей – выходцев из Эфиопии – в Израиле жили за чертой бедности. Лишь 40% эфиопских детей заканчивали школу. Из 3000 эфиопских евреев с высшим образованием только немногие имели работу. В городе Реховот многие семьи из 8–13 человек ютились в крошечных 3-комнатных аналогах советских «хрущевок».

Какова ситуация с полицейским насилием в Израиле?

Согласно воззрениям восточноевропейских либералов, в западных странах не существует полицейского насилия, а агрессия стражей закона – это прямое следствие тоталитарного советского наследия. Ну а если представителю закона приходится применить силу, то это, конечно же, вынужденный ответ на агрессию негра, араба или «левака». Любопытно, что в Израиле «особый» интерес полиции вызывают как раз эмигранты из России, для которых тема насилия со стороны людей в форме является одной из самых болезненных.

В 2004 году широкую огласку приобрел случай избиения полицейскими семьи Рудницких в Ашкелоне. Среди жертв насилия была 75-летняя женщина, а один пострадавший от рук полицейских был доставлен в больницу. Несмотря на запросы депутатов Кнесета и протесты общественности, полиция категорически отказалась извиняться и увольнять виновных в нападении на эмигрантов из СНГ.

В сентябре 2009 года 25-летнего Захара Рошковича, попросившего остановивших его дорожных полицейских сменить трубку детектора алкоголя, облили слезоточивым газом, заковали в наручники и отвезли в участок, где его избивали несколько часов. В больнице у Захара были обнаружены синяки на руке, по форме напоминающие отпечатки подошв, гематома на голове и сломанный зуб.

В 2013 году без объяснения причин был задержан и избит студент колледжа Андрей Игнатов. Жертва смогла записать на смартфон слова полицейского: «Я буду говорить с тобой у кладбища, где нет камер... Ты все равно скажешь, что мы тебя избили, так пусть у тебя будет причина. Мы начали с тобой по-плохому, я хочу продолжить».

Список нападений полицейских на одних только выходцев из СНГ можно продолжать до бесконечности. Между тем из 64 жалоб на действия израильской полиции, поданных в 2009 году, до обвинительного заключения дошла лишь одна. Правда, в Израиле нет стеклянных полицейских участков как в Грузии. Может быть, в этом вся проблема?

Что стало причиной нынешнего протеста эфиопских евреев?

Поводом для начала акций протеста стало заснятое на видео избивание полицейскими эфиопского солдата Дамаса Пакаду в мае 2015 года. В контексте израильской действительности происходящие на пленке события представляют собой трагический фарс, своего рода «мир наизнанку». Солдат в израильской форме, ассоциирующийся с нападениями на палестинцев, внезапно предстает жертвой. Более того, в конце-концов Пакаду даже хватается за камень, чтобы отбиться от нападавших, что вызывает еще больше аналогий с интифадой.

Произошедшее стало для эфиопских евреев последней каплей. В стране начались массовые акции протеста эмигрантов из Эфиопии, которые достигли своего пика 3 мая на манифестации в Тель-Авиве. Вот как описывал произошедшее там русскоязычный активист анархистского движения:

«Спустя пару часов после начала демонстрации протестующие двинулись на трассу Аялон, собирая по дороге все больше людей. Когда демонстранты перекрыли трассу, их было уже несколько тысяч. В целом шествие выглядело почти как фестиваль: люди вели себя скорее весело, чем агрессивно, организаторы просили не выкрикивать радикальных лозунгов, участники шествия по-прежнему требовали лишь остановить расизм и полицейское насилие, впрочем, немногие спонтанно возникавшие социальные кричалки активно подхватывались. Полиция противодействовала шествию довольно вяло, и многие были уверены, что власти боятся разви-

тия протеста и ждут, когда он утихнет сам собой,— до того момента, как десятитысячная толпа подошла к мэрии на площади Рабина. Люди уже собирались расходиться, как вдруг, видимо, в ответ на призывы отдельных активистов штурмовать мэрию в толпу полетели шумовые гранаты, а спустя небольшое время ворвалась конница. Поскольку протестующие отказывались уходить, гранат стали бросать все больше, к ним добавилась пена из водометов, а вскоре начались задержания.

По данным СМИ (которые постоянно растут), на площади было задержано около сорока человек, но это лишь официальные данные. Некоторых задержанных полиция просто избивала и тут же отпускала, не оформляя задержание официально. Раненых около 70, есть ранения средней тяжести».

Что будет дальше?

ВВС назвал события в Тель-Авиве «израильским Балтимором», копнув даже глубже, чем предполагали сами журналисты. Протестное движение израильских низов всегда развивалось под сильным влиянием событий в США. Еще в 1970-е годы марокканские евреи, восставшие против ашкеназского истеблишмента Израиля, называли себя «Черными пантерами» по образцу революционеров негритянских гетто Америки.

Напуганная верхушка Израиля спешно предпринимает меры, чтобы успокоить страсти. Премьер-министр Натаниягу встретился с избитым солдатом Дамаром Па-

каду. Полицейские чины хором пообещали провести расследования всех дел, связанных со злоупотреблением власти по отношению к эфиопским евреям. Израильские власти хорошо умеют говорить и обещать. Это мы знаем по протестам 2011 года. Другое дело, что они реально могут сделать, чтобы изменить ситуацию?

Расизм является неотъемлемым структурным элементом израильского государства, идеология которого всегда утверждала, что «испорченные» «галутные евреи» всегда стоят неизмеримо ниже уроженцев Израиля – «сабр». Одновременно с этим израильское общество воспроизводит типичную европейскую колониальную структуру – белая верхушка, промежуточные «цветные» прослойки, покоренное туземное население. Расистские настроения подогреваются и непрекращающимся потоком беженцев из Африки, которых часто путают с «законными» эмигрантами из Эфиопии. Вряд ли в этих условиях расизм израильтян может быть преодолен.

Конечно, смешно говорить о преодолении полицейского насилия в стране, где люди с детских лет растут рядом с оружием и поголовно проходят школу военно-полицейского насилия по отношению к покоренным палестинцам. Угнетатель никогда не может быть свободным человеком, насилие всегда возвращается к нему самому.

Нельзя ожидать, что неолиберальное правительство Израиля предпримет шаги для улучшения социально-экономического положения эфиопской общины. Ведь еще недавно министр абсорбции Михаил Нудельман заявлял: «Репатриантам из Эфиопии пора перестать

мыслить иждивенческими категориями». Что могут предложить adeпты свободного рынка эфиопским беднякам? Леску для удочки, чтобы повеситься в кредит?

За рубежом принято думать, что израильское общество – это образец единства и сплоченности. Реальность далека от этого мифа. На деле Израиль очень похож на своих ближневосточных соседей – Ливан, Сирию, Иорданию. Речь идет о мультиэтническом сообществе, в котором под влиянием рыночных реформ и политической нестабильности обостряются противоречия. Рано или поздно наступит момент, когда перед лицом этих противоречий страх перед палестинцами отступит на второй план, и мир содрогнется от зрелища израильского «единства», разорванного в мелкие клочья.

<http://liva.com.ua/israel-baltimore.html>

ЕВРЕИ, КОТОРЫХ РАЗРЕШЕНО НЕНАВИДЕТЬ

Как правило, в течение первых двух-трех лет пребывания в Израиле среднестатистический эмигрант из бывшего Советского Союза учится ненавидеть арабов, восточных евреев («марокканцев») и евреев-ортодоксов. Если с арабами все понятно, а восточные евреи являются основными конкурентами «русским» на нижних ступенях социальной лестницы, то причины массовой антипатии по отношению к ортодоксам – «харедим», «досам», «пейсатым» – заслуживают подробного объяснения.

Харедим составляют около 9% населения современного Израиля. Их общины компактно проживают в нескольких районах Иерусалима, городе спутнике Тель-Авива Бней-Браке, а также в ряде других, менее крупных поселений. Помимо Израиля, крупные общины ортодоксов существуют в США, Канаде, Великобритании и других странах. Харедим – это любопытный феномен, воспроизводящий в современном капиталистическом обществе социальную, религиозную и даже в какой-то степени экономическую структуру еврейских местечек Восточной Европы XIX века.

Причудливая черная одежда, патриархальная многодетная семья, частичный отказ от современных техноло-

гий, закрытые общины под управлением раввинов – такими предстают евреи-ортодоксы перед окружающим миром. И большинство израильтян взирают на харедим без особой симпатии.

В XIX столетии, по мнению русской власти, пресловутый «еврейский вопрос» состоял из двух аспектов – политического и экономического. К тому времени для абсолютистского государства наличие закрытых самоуправляемых общин, кагалов с неподконтрольной властям системой образования и внутренним налогообложением являлось nonsensом и опасным анахронизмом. Экономическая проблема заключалась в избыточности быстрорастущего еврейского населения для выполнения его традиционных посреднических функций между феодалным городом и деревней.

Меры, предлагаемые царем и его министрами для решения «еврейского вопроса», оказались абсолютно неэффективными и катастрофическими с гуманитарной точки зрения. Многолетние попытки создания еврейских земледельческих колоний влекли за собой лишь разворовывание государственных средств и страдания немногих переселенцев, совершенно не приспособленных для земледельческого труда. Ради установления политического контроля над еврейством Российской империи, власти прибегали к цензуре, ликвидации института кагалов в 1844 году, а также к распространению на евреев рекрутской повинности.

Забавно, что и для Государства Израиль XXI века проблема харедим также сводится к политической и экономической составляющим. Религиозные евреи от-

носятся к одному из наименее обеспеченных секторов израильского общества. Это связано с многодетностью их семей и большим количеством ортодоксов, посвятивших свою жизнь учебе в ешивах и не включенных в трудовую деятельность. Экономика ортодоксального сектора почти полностью теневая и включает в себя мелкую торговлю, ремесло и различные услуги вроде сватовства. Любопытно, что подобную картину еврейской экономической жизни рисует и автор XIX века Менаше Илиер:

«Нищета необычайно велика, но может ли быть иначе, когда у евреев ртов более, нежели рабочих рук? Надо внушить массе, что средства к жизни следует добывать собственным трудом... Молодые люди, не имеющие никаких заработков, вступают в брак, надеясь на милосердие Божие и на кошелёк тестя, а когда эта поддержка рушится, они, обременённые уже семьями, бросаются на первое попавшееся занятие, хотя бы и не честное. Толпами берутся за торговлю, но она не может всех прокормить, а потому прибегают к обману. ... Армия бездельников под личиною “учёных” живёт на средства благотворительности и за счёт общины. Некому заботиться о народе: богачи заняты мыслями о наживе, а раввины – распрей между хасидами и митнагдами[ортодоксальными иудеями]».

Заметим, что сегодня часть средств на пожизненное обучение в ешивах выделяется государством.

В политическом плане для Израиля ортодоксы порождают даже больше проблем, чем российское еврейство для царизма. Стоит напомнить, что Израиль – госу-

дарство не секулярное. Через структуры министерства религии и местные рабануты харедим представлены практически во всех государственных и частных институтах – от армии до кухни. Сотни тысяч религиозных евреев дисциплинированно голосуют за «свои» партии, и без их поддержки трудно сформировать устойчивое правительство. При этом самое забавное, что сами ортодоксы признают Государство Израиль довольно условно. Ведь, с точки зрения иудаизма, идея создания еврейского государства до прихода Машиаха (Мессии) – это ересь, что подтвердила печальная авантюра Шабтая Цви в XVII веке. Израильская пропаганда обычно сводит антисиионистские акции харедим к активности движения «Нетурей Карта», но в действительности то, что у «Стражей города» на языке, у большинства ортодоксов на уме. Человек, владеющий ивритом или идиш (на котором многие ортодоксы говорят принципиально), легко может найти в религиозных кварталах листовки, призывающие «избавиться от сионистского рака» и бойкотировать официальные израильские праздники.

Не удивительно, что большинство светских израильтян испытывают к харедим чувства, которые в другой стране можно было бы назвать ярым антисемитизмом. Читая современные израильские публикации про грязные религиозные районы, мошенничества ортодоксальных евреев со страховками и социальной помощью, их закрытость, фанатизм, паразитизм и распространяемую харедим коррупцию, кажется, будто перечитываешь отчет Г.Р. Державина «Об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев» за 1800 год.

Но появляющиеся в прессе и интернете периодические призывы прекратить финансовую поддержку харедим и пересмотреть статус-кво в отношении религии и государства в Израиле остаются лишь сотрясением воздуха. Ортодоксы – гораздо более серьезная политическая и экономическая сила, чем представляется многим эмигрантам из стран бывшего СССР. Несмотря на бедность большинства харедим, руководство общины не страдает недостатком средств. Около 40% семей, занимающихся алмазным бизнесом в Израиле, – ортодоксы. Серьезные средства есть у религиозных евреев за рубежом, а бюджет многих ешив как раз и состоит из заграничных пожертвований. Религиозные евреи в США и других западных странах имеют своих лоббистов и представителей в институтах власти союзных Израилю держав. В случае открытого конфликта с сионистским государством харедим могут создать израильтянам множество проблем как на национальном, так и международном уровне.

Пока что пытаюсь разрешить проблему ортодоксов, Биньямин Нетаньяху решил пойти по пути Николая Палкина и начал призыв учеников ешив в армию, полагая, что ЦАХАЛ будет отличным «плавильным котлом» для знатоков Талмуда и Мишны. Харедим ответили на призыв новых кантонистов массовыми демонстрациями в Иерусалиме, которые были разогнаны с жестокостью, шокировавшей даже многих светских израильтян. Всем было очевидно, что люди с отличным религиозным образованием XV века будут только обузой в современной армии. Но правительство не собирается отказываться от своей идеи.

Таким образом, проблема ортодоксов на сегодняшний день остается неразрешимой для Израиля и продолжает усугубляться из-за увеличения процента харедим в израильском обществе. В конце XIX века, взирая на растущее число евреев в Российской империи, Константин Победоносцев, ментор Александра III, принял в их отношении политику «Треть крестятся, треть вымрут, треть эмигрирует».

Время покажет, к какой политике по отношению к харедим придут израильские власти.

<http://september.media/archives/1967>

Содержание

Предисловие (<i>Михаил Магид</i>)	4
От автора	8
Сионизм и проблема миграции европейских евреев	10
Белый террор в Палестине	19
Саура. Великое восстание	25
Сионистский «Титаник»	45
«Цитадель» Бен-Гуриона	50
Маджал-Ашкелон. Забытая история	63
«Приграничная война Израиля»	71
Восточные евреи в Израиле	88
Чудеса евгеники	118
Израиль и левые	127
Знаменитая война и ее последствия	147
«Мацпен» – израильские радикалы в 60–70-е годы прошлого века	153
Путешествие в кибуц	189
Израильские протесты. Лето второе	202
«Израильский Балтимор»	207
Евреи, которых разрешено ненавидеть	216

Аннотированный список книг издательства «Канон+»

РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте

<http://www.kanonplus.ru>

Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:

kanonplus@mail.ru

Монография

КИРПИЧЁНОК Артём

НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

Директор издательства *Божко Ю.В.*
Ответственный за выпуск *Божко Ю.В.*
Художник *Клюйков М.Б.*
Корректор *Жарская С.В.*
Компьютерная верстка *Соколова П.Л.*

Подписано в печать 27.12.2018. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 1000 экз. Заказ 16339.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 8 (495) 702-04-57. E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: <http://www.kanonplus.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59